M-60

0.2.н25

$x^2 \cos\left(\lg \frac{\pi}{2}\right)_{x=\infty}$

М-60

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

Ореста Миллера.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛѢ ГОГОЛЯ

(ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ).

1878

ДЕСЯТЬ ЛЕКЦІЙ.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

БИБЛІОТЕКА
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.
1874.

М-60

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе I

Лекція 1. Сущность Гоголевскаго направленія.—Критика сороковыхъ годовъ.—Первыя произведенія *Григоровича*, *Тургенева* и др.—„Обыкновенная Исторія“ *Гончарова*. 1

Лекція 2. *Гончаровъ*.—„Обломовъ“.—„Обрывъ“ 19

Лекція 3. *Достоевскій*.—„Бѣдные люди“ и пр.—„Неточка Незванова“.—„Униженные и Оскорбленные.“—„Записки изъ Мертваго Дома“ 34

Лекція 4. *Достоевскій*. — „Преступленіе и Наказаніе“.— „Идіотъ“.—„Бѣсы“ 54

Лекція 5. *Писемскій*. 72

Лекція 6. Романы докладывающаго направленія. — Бурсацкіе типы у *Стебницкаго*, *Помяловскаго* и *Рѣшетникова*.— Простонародные типы у *Рѣшетникова*, *Писемскаго*, *гр. Л. Н. Толстаго* и др.—Значеніе хроники: „Война и Миръ“.—„Въ Лѣсахъ“ *А. Печерскаго*. 87

Лекція 7. *Некрасовъ*. Произведенія перваго періода (по 1861 г.) 104

Лекція 8. *Некрасовъ*. Произведенія втораго періода (съ 1862 г.) 130

Лекція 9. *Щедринъ*.—„Губернскіе Очерки“.—„Сатиры въ прозѣ“.—„Невинные разсказы“ 153

Лекція 10. *Щедринъ*.—„Признаки Времени“.—„Письма о Провинціи“.—„Дневникъ провинціала въ Петербургѣ.“— „Ташкентцы“.— „Исторія одного города“. — Общіе выводы. 169

Приложеніе стр. 130 191

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лекціи эти, читанныя мною въ мартѣ и апрѣлѣ настоящаго года въ С.-Петербургскомъ Собраніи Художниковъ, вскорѣ вслѣдъ затѣмъ стали печататься въ «Недѣлѣ», теперь же выходятъ отдѣльною книжкой, вслѣдствіе того благопріятнаго обстоятельства, что имъ удалось быть хорошо стенографированными. Мнѣ послѣ этого уже нетрудно было сгладить нѣкоторыя неисправности (которыхъ, по всей вѣроятности, самъ я не умѣлъ избѣгнуть при устномъ изложеніи по конспекту), мѣстами же пополнить пропуски, умышленно сдѣланные мною во время чтенія для того, чтобы не употреблять уже слишкомъ во зло терпѣнія публики, которую и безъ того приходилось мнѣ задерживать въ жаркой залѣ значительно долѣе часа. Перечитывая сплошь отпечатанную теперь книгу, мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что въ лекціяхъ моихъ остались однакоже значительныя неточности и шероховатости, въ которыхъ, какъ и въ опечаткахъ *), я заранѣе прошу извиненія у читателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ я вполнѣ сознаю, что въ моемъ изложеніи предмета осталось много пробѣловъ, не достаетъ строгой системы, многое не доразвито и т. д. Дѣло въ томъ, что къ систематическому чтенію произведеній нашей новѣйшей литературы я обратился весьма недавно, послѣ того, какъ мнѣ пришлось, уступая потребности слушателей, прочесть (во Владимірскомъ училищѣ) публичные курсы нашей литературы XVIII и первой половины XIX в. и такимъ образомъ незамѣтно подойти къ литературѣ нашего времени. Приступая къ тѣмъ курсамъ, я предупреждалъ, что, при моихъ долголѣтнихъ спеціальныхъ занятіяхъ народною словесностью, я не могъ не отстать отъ новаго періода нашей литературы, а потому и просилъ снисхожденія къ курсу, который, можно сказать, слагался передъ самими слушателями изъ только-что осиленнаго матеріала. Но и приступая къ настоящему

*) Ихъ особенно много во второй половинѣ книги, которая отпечатана во время моей отлучки изъ Петербурга.

курсу, я былъ болѣе или менѣе въ такомъ же положеніи, *) а потому и долженъ былъ точно также разсчитывать на снисхожденіе публики... Теперь же—прошу снисхожденія у читателей...

Въ моихъ лекціяхъ много цитатъ. Ихъ было бы, можетъ быть, менѣе, еслибы я могъ заранѣе обработать весь курсъ и дать ему, по извѣстному совѣту Горація, полежать въ столѣ. Но я думаю, что хотя бы онъ пролежалъ въ немъ, по томуже совѣту, цѣлыхъ девять лѣтъ и потомъ бы былъ тщательно мною просмотрѣнъ,—какъ цитаты, такъ и изложеніе содержанія авторовъ занимали бы въ немъ все-таки не мало мѣста. По моему, авторы, разбираемые въ курсѣ, должны сами за себя говорить;—тогда только выводы не будутъ произвольны. Если въ моихъ лекціяхъ есть какое-нибудь достоинство, то именно то, что онѣ слагались не *по поводу* извѣстныхъ литературныхъ произведеній, а *на основаніи* тщательнаго ихъ разбора.

Русская литература послѣ Гоголя—тема весьма широкая. Чтобы уложить ее въ десять лекцій, я выключилъ всѣхъ драматическихъ писателей (имѣя въ виду современемъ разобрать ихъ особо), а изъ остальныхъ ограничился тѣми, которые не только дѣйствовали *послѣ* Гоголя, но и прямо *продолжали его направленіе*. **) Я долженъ былъ съузить свою задачу, и это, мнѣ кажется, всего менѣе можетъ быть поставлено мнѣ въ вину.

7 сент. 1874 г.

Ор. Миллеръ.

---

*) Передъ тѣмъ мнѣ удалось прочесть только по нѣсколько лекцій *отдѣльно* о Тургеневѣ и о Л. Н. Толстомъ (т. е. собственно объ одномъ произведеніи послѣдняго: «Война и Миръ»).

**) Кромѣ того я только вкратцѣ говорилъ о Тургеневѣ и А. Толстомъ, такъ какъ имѣлъ уже случай читать о нихъ особо.

Русская литература послѣ Гоголя.

(За исключеніемъ драматической).

ЛЕКЦІЯ I.

Сущность Гоголевскаго направленія.—Критика сороковыхъ годовъ.—Первыя произведенія Григоровича, Тургенева и др.—«Обыкновенная Исторія» Гончарова.

Гоголь, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, оставилъ глубокій слѣдъ въ русской литературѣ; онъ окончательно водворилъ въ ней то, въ чемъ она долго нуждалась, но что ей далось не легко. Въ русской литературѣ долго преобладало направленіе, чуждое жизни; оно неизмѣнно въ ней сохранялось нетолько при долгосрочномъ вліяніи на насъ вовсе не подходившей къ намъ, ни по возрасту, ни по бытовымъ основамъ своимъ, Византіи, но и при позднѣйшей, все болѣе и болѣе учащавшейся смѣнѣ различныхъ постороннихъ вліяній. Въ этомъ смыслѣ у насъ постоянно господствовала *схоластика*, хотя собственно такъ называемое *схоластическое направленіе* пришло къ намъ заднимъ числомъ изъ западной Европы на смѣну заматерѣлому византійству. Такъ-называемое схоластическое направленіе замѣнилось *псевдо-классицизмомъ*, въ сущности же оно продолжало существовать и въ этой новой литературной школѣ со всѣми ея героями, не имѣющими ничего общаго нетолько съ нашею жизнью, но даже и съ жизнью какой-либо опредѣленной страны; затѣмъ совершился переходъ къ сантиментальному направленію, дѣланнымъ слезамъ, дѣланнымъ чувствамъ; къ изображенію житья-бытья нашихъ русскихъ простолюдиновъ въ идиллическомъ блескѣ благодатной Аркадіи—та же старая ложь, тотъ же вѣчный разладъ съ дѣйствительностью! Затѣмъ

настала пора романтизма, съ его заоблачными мечтами, съ его удаленіемъ въ глубь средневѣковой поры и вообще въ отдаленную глубь временъ. Но даже и позже, у Пушкина, представившаго уже блистательные задатки новаго направленія, жизненнаго и правдиваго, даже и у него старая закваска еще сохраняется въ видѣ того *художническаго квіэтизма* (покоелюбія), который запирался въ своемъ самодовольномъ *я* и среди этой привольной пустыни не хотѣлъ уже знать ничего о «житейскихъ волненіяхъ». Но издавна уже, съ другой стороны, начинаетъ просачиваться и иная струя, струя жизненная, правдивая. Она сказывается во многихъ мѣстахъ нашей лѣтописи, запечатлѣнныхъ свѣжестью красокъ нашей родной дѣйствительности, въ смѣло затрогивающей современность проповѣди нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, въ стремленіи пѣвца Игорева пѣть «по былинамъ своего времени», она сказывается въ яркой прямотѣ посланія Вассіана къ Ивану III и писемъ Курбскаго къ Грозному. Позже мы видимъ ее въ той вѣрной картинѣ нашихъ до-петровскихъ порядковъ, которую рисуетъ смѣлое перо самоучки Посошкова, и въ различныхъ запискахъ по современнымъ вопросамъ великаго Ломоносова. Та же струя сказывается въ сатирѣ Кантемира, Фонъ-Визина и Новикова, въ сатиризмѣ нѣкоторыхъ одъ Державина, неожиданно и пріятно изумившемъ тогдашнюю публику, утомившуюся отъ прежнихъ надутыхъ одъ. Въ XIX в. струя эта расширяется въ комедіи Грибоѣдова, въ басняхъ Крылова, въ полныхъ правды картинахъ русскаго быта у Пушкина и у Лермонтова. Но окончательно пробивается эта струя и становится цѣлымъ могучимъ потокомъ—потокомъ, захватывающимъ почти всю нашу литературу,—только со временъ Гоголя.

Кто не знаетъ Гоголя? Кто не помнитъ его типовъ? Кто не помнитъ, между прочимъ, его «очаровательнаго» Манилова, въ составъ котораго «было черезчуръ много передано сахэра»; этого человѣка, который любилъ мечтать о томъ, «какъ было бы хорошо, еслибы вдругъ отъ дома провели подземный ходъ, или черезъ прудъ выстроить каменный мостъ, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли бы лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали мелкіе товары, необходимые для крестьянъ». И такимъ образомъ мечтаетъ человѣкъ, у котораго, при его сантиментальномъ ничего-недѣланіи выжимаетъ сокъ изъ тѣхъ же крестьянъ временщикъ-прикащикъ. Всѣ у Манилова—самые добрые, самые достойные люди. Въ разрядъ этихъ добрѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей попадаетъ и самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Извѣстно, что Маниловъ готовъ отдать

половину состоянія, чтобы хоть сколько-нибудь усвоить себѣ высокія душевныя качества Павла Ивановича. Извѣстно, что даже намекъ на покупку мертвыхъ душъ только на-время смущаетъ добродушно глядящаго на все, вполнѣ довѣрчиваго Манилова; Павлу Иванычу достаточно сказать, что это вовсе не будетъ вредить интересамъ Россіи, что онъ самъ благоговѣетъ передъ закономъ, что онъ не даромъ въ продолженіе своей жизни много страдалъ за правду; Маниловъ вѣритъ всему, и, согласившись на продажу мертвыхъ душъ, думаетъ о томъ, какъ бы было пріятно пофилософствовать съ Павломъ Ивановичемъ подъ тѣнью вяза и какъ бы «ихъ за эту трогательную дружбу само начальство отличило и пожаловало генералами.» Но почему же я вспомнилъ этотъ всѣмъ извѣстный типъ? Дѣло въ томъ, что гоголевскіе типы имѣли самое широкое значеніе; онъ и самъ указываетъ на это въ пояснительныхъ замѣткахъ къ своему «Ревизору». Дѣло въ томъ, что такимъ Маниловымъ, такимъ сладкимъ, все въ розовомъ цвѣтѣ рисующимъ себѣ Маниловымъ оставалась долгое время и русская литература. *Гоголь уничтожилъ разъ навсегда маниловщину въ русской литературѣ.*

Правда, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ, особыхъ явленій своей внутренней жизни, онъ-было пытался самъ до нѣкоторой степени воскресить эту маниловщину въ своей злополучной «Перепискѣ съ друзьями», но это, къ счастію, неудалось ему. Публика, привѣтствовавшая съ такимъ сочувствіемъ его прежнія произведенія, какъ извѣстно, отвернулась отъ этой устарѣлой маниловщины. Критика, въ лицѣ своего даровитѣйшаго представителя, Бѣлинскаго, ополчилась на Гоголя именно за его «Переписку». Къ сожалѣнію, въ лучшую пору литературной дѣятельности Гоголя самъ Бѣлинскій еще не былъ вполнѣ въ состояніи оцѣнить ее во всей глубинѣ ея значенія. Критика, Бѣлинскаго какъ извѣстно, перешла черезъ нѣсколько видовъ развитія. Но въ свой позднѣйшій, совершеннѣйшій видъ, тотъ, который запечатлѣнъ *общественнымъ направленіемъ*, она перешла только тогда, когда Бѣлинскимъ уже были разобраны прежнія и лучшія произведенія Гоголя, разобраны съ точки зрѣнія такъ-называемаго «искусства для искусства», притомъ же подъ вліяніемъ и съ употребленіемъ терминовъ господствовавшей въ то время философской школы— гегеліянства. «Миргородъ» и «Ревизоръ» разобраны были Бѣлинскимъ еще въ эту пору; потому-то, при всей необыкновенной талантливости критика, эти произведенія Гоголя не могли быть оцѣнены имъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ бы онъ несомнѣнно оцѣнилъ

ихъ впослѣдствіи, послѣ совершившагося въ немъ перелома. Повѣсти «Миргородъ» и особенно «Ревизоръ» разсмотрѣны были Бѣлинскимъ преимущественно съ точки зрѣнія художническихъ требованій соотвѣтствія идеи и формы, соразмѣрности отдѣльныхъ частей и т. п. Гегелевская же терминологія привела критика къ тому, что всѣ тѣ уклоненія отъ разумной жизни, которыя, попадаясь на всякомъ шагу, стали у насъ едвали не господствующимъ явленіемъ, должны были признаваться *призрачными*. Такимъ образомъ, напримѣръ, и самъ Сквозникъ-Дмухановскій, такъ и бьющій въ глаза яркою выпуклостью своей живой личности, которая воспроизведена у Гоголя, такъ сказать, съ плотью и кровью,—и онъ даже представлялся *призракомъ*, и это, разумѣется, не могло не мѣшать раскрытію настоящаго общественнаго смысла гоголевскихъ произведеній. Затѣмъ совершился въ Бѣлинскомъ переломъ, послѣ котораго его критика сдѣлалась по преимуществу общественной. Но въ эту пору ему не удалось уже возвратиться къ подробному разбору лучшихъ произведеній Гоголя; къ этой порѣ относится краткій разборъ «Мертвыхъ душъ», въ томъ злополучномъ 2-мъ изданіи, въ предисловіи къ которому уже съ достаточною ясностью обозначился печальный переворотъ, совершившійся въ Гоголѣ.

Къ этой же лучшей порѣ Бѣлинскаго относится и оцѣнка «Переписки съ друзьями». Но надо замѣтить, что кромѣ того Бѣлинскій явился тогда и истолкователемъ общаго смысла того направленія, которое было внесено Гоголемъ въ русскую литературу. [1]) Оно называется у Бѣлинскаго «школой Гоголя», направленіемъ «натуральнымъ», въ смыслѣ противоположности прежней литературной лжи во всѣхъ ея видахъ. Въ натуральной школѣ Бѣлинскій превозносилъ то, что подъ ея вліяніемъ «поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную, отказалась быть гремушкою, подъ которую пріятно прыгать и засыпать». Бѣлинскій хвалилъ въ натуральной школѣ и то, что она обнимаетъ весь человѣческій міръ, не гнушаясь никакими его углами, что она обращается ко всякаго рода людямъ и во всѣхъ этихъ людяхъ умѣетъ отыскать и выставить на видъ человѣческія черты. Вотъ въ этомъ-то широкомъ смыслѣ школа Гоголя продолжается и до сихъ поръ. Господствующій литературный родъ, выдвинутый этой школой, есть, какъ извѣстно, «нравоописательная повѣсть». Съ другой стороны, Гоголь оставилъ

[1]) См. его Обозрѣнія Р. литературы въ 1846 и 1847 г.

глубокій слѣдъ и на поприщѣ драматическомъ; послѣ его знаменитой комедіи явились талантливые послѣдователи, изъ ряда которыхъ особенно выдается въ наше время Островскій. Но я рѣшился на этотъ разъ оставить въ сторонѣ драматическую литературу послѣ Гоголя; я устраняю ее, такъ какъ въ продолженіе 10 лекцій трудно довольно подробно разобрать даже и главнѣйшихъ представителей нашей нравоописательной повѣсти. Русская комедія и вообще русская драма послѣ Гоголя можетъ составить когда-нибудь предметъ особаго курса. Въ настоящее же время, избирая собственно представителей нашей нравоописательной повѣсти, затѣмъ поэта-сатирика и бытописателя, Н. А. Некрасова (онъ же и содержательнѣйшій изъ нашихъ современныхъ поэтовъ) и сатирика въ прозѣ М. Е. Салтыкова (Щедрина), я конечно не могу съ одинаковой подробностью разобрать и каждаго изъ выбранныхъ мною писателей. При-этомъ мнѣ представляется возможность съ меньшей подробностью говорить о двухъ первостепенныхъ писателяхъ, которые были уже предметомъ моихъ прежнихъ лекцій,—о Тургеневѣ и о Львѣ Толстомъ. Я буду обращаться въ разныхъ случаяхъ къ тому или другому изъ нихъ, указывая на тѣ или другія черты, соотвѣтствующія или несоотвѣтствующія въ ихъ произведеніяхъ тѣмъ или другимъ чертамъ у другихъ писателей; причемъ я буду опираться на то, что было уже высказано въ моихъ прежнихъ лекціяхъ. [1]) Съ особенною подробностью я разберу сочиненія Гончарова, Достоевскаго, Писемскаго, Некрасова и Щедрина. Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ съ такимъ же вниманіемъ разобрать другихъ писателей, которые занимаютъ также почетное мѣсто въ нашей литературѣ: Помяловскаго, Кохановскую, Рѣшетникова, Печерскаго. Но о нѣкоторыхъ писателяхъ я не стану подробно говорить не столько по недостатку времени, сколько потому, что не считаю нужнымъ на нихъ останавливаться; я затрону ихъ только вскользь по поводу кое-какихъ сходствъ, представляемыхъ нѣкоторыми ихъ произведеніями, съ нѣкоторыми изъ произведеній писателей, которыхъ я буду разбирать подробно.

Началомъ дѣятельности лучшихъ нашихъ представителей нравоописательной повѣсти являются такъ-называемые «сороковые

---

[1]) Лекціи мои объ общественныхъ типахъ въ повѣстяхъ И. С. Тургенева, читанныя въ 1870 г., напечатаны были въ „Бесѣдѣ“ 1871 г. Лекціи же о хроникѣ гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ“, читанныя въ 1871 г., остались не напечатанными; но я надѣюсь въ скоромъ времени издать ихъ особо вмѣстѣ съ лекціями о Тургеневѣ.

года», славные вмѣстѣ съ тѣмъ и по своей критикѣ, главный представитель которой до сихъ поръ еще остается у насъ незамѣненнымъ. Счастливы были всѣ эти писатели, въ своемъ положеніи еще начинающихъ, счастливы тѣмъ, что ихъ сразу привѣтствовала теплая, задушевная, вполнѣ честная критика Бѣлинскаго, которая каждому таланту готова была воздать должное, которая, если и увлекалась иногда, если ради несогласія во взглядѣ и не вполнѣ оцѣнивала тотъ или другой талантъ, то никогда не руководствовалась соображеніями личными, или соображеніями *кружка*, тѣмъ, что разбираемый писатель принадлежитъ не тому, а другому *приходу*. Да, счастливы были представители нашей правоописательной повѣсти, что они выступили на свое поприще въ эту золотую пору отечественной критики!

Критика Бѣлинскаго въ то время достигла высшаго періода своего развитія, но достигла его, къ сожалѣнію, незадолго до его смерти. Тѣ два направленія, которыя боролись въ Бѣлинскомъ, направленіе чисто художническое и направленіе общественное, въ этотъ послѣдній періодъ его дѣятельности вполнѣ примирились; одно стало только дополненіемъ другаго. «Искусство—говорилъ въ эту пору Бѣлинскій — прежде всего должно быть искусствомъ; а потомъ уже оно можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ извѣстную эпоху.» Развивая свою мысль, онъ доказывалъ, что послѣднее вполнѣ достижимо только въ томъ случаѣ, когда искусство вполнѣ искусство, потому что только тогда оно обладаетъ силою дѣйствительно уловить и воплотить въ своихъ созданьяхъ духъ времени.

«Многихъ увлекаетъ волшебное словцо *направленіе*,—говорилъ Бѣлинскій;—не понимаютъ, что въ сферѣ искусства никакое направленіе гроша не стоитъ безъ таланта. Самое направленіе должно быть не въ головѣ только, а прежде всего въ сердцѣ, въ крови пишущаго.»

Но если направленіе должно быть *въ крови*, то оно оказывается неразрывно связаннымъ съ художникомъ, какъ съ *живымъ человѣкомъ*, а живой человѣкъ не можетъ не откликаться на явленія современной ему дѣйствительности. Поэтому-то, находилъ Бѣлинскій, и ошибаются тѣ, которые «хотятъ видѣть въ искусствѣ какой-то умственный Китай, рѣзко отдѣленный точными границами отъ всего, что не-искусство въ строгомъ смыслѣ слова.» Вотъ въ эту-то пору, когда критическіе взгляды Бѣлинскаго окончательно выяснились и опредѣлились, начали свое поприще тѣ

молодые таланты, которые теперь справедливо считаются у насъ первостепенными.

Рядомъ съ ними появились и нѣкоторые другіе, также потрудившіеся не мало для русской литературы и оставившіе въ ней по себѣ въ своемъ родѣ добрую память. Въ эту пору появились первыя произведенія Дружинина, Григоровича, которыя такъ и остались ихъ лучшими произведеніями.

Одна сторона тогдашней нравоописательной повѣсти не могла быть, при тогдашнихъ условіяхъ нашей печати, вполнѣ выяснена критикой Бѣлинскаго; на эту сторону, особенно близкую его теплому сердцу, онъ могъ только дѣлать намеки. Такъ напр., повѣсти Григоровича «Антонъ Горемыка» Бѣлинскій даже не посвятилъ полнаго разбора; онъ отозвался о ней совершенно кратко въ годичномъ обозрѣніи 1847 г., причемъ лишь вообще указалъ на человѣчность, которою она пропитана. Только въ общей характеристикѣ натуральной школы упоминается у него, въ видѣ примѣра, одно изъ дѣйствующихъ лицъ Григоровича (причемъ не поименовывается ни авторъ, ни самая повѣсть); это именно тамъ, гдѣ онъ говоритъ о непріятномъ впечатлѣніи, производимомъ натуральной школой на тѣхъ людей, которые привыкли смотрѣть на книгу, какъ на особаго рода десертъ послѣ вкуснаго обѣда. Представляя себѣ одного изъ подобныхъ людей, Бѣлинскій говоритъ между прочимъ: «Ему надобно было дать балъ, срокъ приближается, а денегъ не было; управляющій его, Никита Ѳедорычъ, что-то замѣшкался высылкой. Но сегодня деньги получены, балъ можно дать; съ сигарой въ зубахъ, веселый и довольный, лежитъ онъ на диванѣ, и отъ нечего дѣлать руки его лѣниво протягиваются къ книгѣ.—Опять та же исторія: проклятая книга разсказываетъ ему подвиги его Никиты Ѳедоровича, и ему-то, не знакомому ни съ какими человѣческими чувствами, поручена судьба и участь всѣхъ Антоновъ... «Скорѣе прочь ее, скверную книгу!» Уже совершенно невыясненнымъ осталось у Бѣлинскаго содержаніе другой повѣсти Григоровича—«Деревня». Тутъ, какъ извѣстно, для препровожденія времени барыни, которая никогда не видала крестьянской свадьбы, супругу ея приходитъ въ голову выдать замужъ за перваго попавшагося крестьянина бѣдную сироту, и этимъ довершается рядъ тѣхъ бѣдствій, которыя испытала она съ самаго дѣтства. Извѣстно, что когда, послѣ свадьбы, молодые являются съ поклономъ, барыня замѣчаетъ, что у молодой очень печальный видъ; но баринъ успокоиваетъ ее тѣмъ, что у народа самый обрядъ требуетъ слезъ въ продолженіе цѣлой недѣли. Кто

глубже Бѣлинскаго могъ чувствовать все значеніе такихъ повѣстей, кто былъ способнѣе его указать на то, что авторъ, идя по стопамъ Гоголя, ушелъ значительно дальше его въ правдивомъ воспроизведеніи народнаго быта? Гоголь, какъ извѣстно, только косвенно указывалъ на язву крѣпостного права; прямого выставленья ея со всѣми ея послѣдствіями мы не видимъ у Гоголя, какъ не видно, или почти не видно того и у Пушкина. Но язва эта вполнѣ раскрывается въ знаменитыхъ, сразу доставившихъ извѣстность Тургеневу, «Запискахъ охотника». И что же? именно эта ихъ сторона и не могла быть выяснена Бѣлинскимъ, который съ полнымъ сочувствіемъ привѣтствовалъ это произведеніе, но долженъ былъ ограничиться указаніемъ на то, съ какой теплотой понимаетъ Тургеневъ «человѣческое» въ народѣ.

Другія произведенія Тургенева, появившіяся при Бѣлинскомъ, не подавали такихъ большихъ надеждъ, какъ «Записки охотника». Ни «Андрей Колосовъ», личность котораго осталась не довольно выясненной, ни даже «Три портрета» не могли дать понятія о томъ, чѣмъ долженъ былъ сдѣлаться Тургеневъ; но Бѣлинскій, со свойственнымъ ему чутьемъ знатока, обратилъ вниманіе на тѣ стихотворныя произведенія Тургенева, которыя остаются теперь совершенно забытыми и даже самимъ авторомъ считаются, повидимому, недостойными помѣщенія въ полномъ собраніи его сочиненій. Между тѣмъ, Бѣлинскій и въ этихъ опытахъ умѣлъ замѣтить задатки таланта, хотя еще не попавшаго на настоящую свою дорогу. Но, говоря о стихотворной повѣсти Тургенева, «Андрей», герой которой представляетъ существовавшій и до Тургенева типъ русскаго человѣка, поучившагося кое-чему, далеко не глупаго, но не знающаго, что предпринять, и отъ нечего дѣлать начинающаго видѣть всю цѣль жизни въ одной любви, Бѣлинскій страннымъ образомъ заявилъ мнѣніе, будто бы изображать любовь «не въ талантѣ автора». Множество Тургеневскихъ повѣстей, появившихся уже послѣ Бѣлинскаго, конечно, не подтвердили этого мнѣнія. Съ другой стороны, даровитый нашъ критикъ не отмѣтилъ въ этомъ произведеніи нѣсколько стиховъ, въ которыхъ указываются причины невыясненности распространеннаго у насъ типа «лишняго» человѣка. Мы не разъ еще встрѣтимся съ этимъ типомъ у разныхъ писателей, и въ объясненіе его продолжающейся невыясненности придется припоминать эти Тургеневскіе стихи:

Скучалъ онъ не какъ Байроновъ Корсаръ,
А какъ потомокъ выходцевъ татаръ,

Скучалъ онъ—да, быть можетъ, оттого,
Что жить въ деревнѣ скучно, что въ столицахъ
Безъ денегъ жить нельзя, что ничего
Онъ цѣлый день не дѣлалъ... Но всего
Не выскажешь никакъ—*пока въ границахъ*
Законности, порядка, тишины
Держаться сочинители должны...

Бѣлинскій обратилъ вниманіе на стихотвореніе Тургенева «Разговоръ»; онъ призналъ въ немъ звучный и сильный стихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мысль не самостоятельную. Дѣйствительно, съ перваго взгляда, это странное стихотвореніе поражаетъ какимъ-то запоздалымъ байронизмомъ во вкусѣ Козлова. Но въ старомъ отшельникѣ, удалившемся въ пустыню отъ неудачной любви, и въ приходящемъ къ нему молодомъ человѣкѣ, разочарованномъ и махнувшемъ на все рукою, въ обмѣнѣ мыслей между старикомъ и юношей Тургеневъ тогда уже выставилъ два поколѣнія, взаимно упрекающія одно другое.

„...Ты въ любви не могъ
Найти покоя... но любовь
Не благо высшее людей;
Нетерпѣливо пышетъ кровь
Въ сердцахъ немыслящихъ дѣтей...
Они лишь *для себя* живутъ;
Когда жъ минуетъ та пора,
Приличенъ мужу долгій трудъ
На славномъ поприщѣ добра“...

На дальнѣйшія указанія старика, что не слѣдовало разочаровываться и опускать прежде времени руки, молодой человѣкъ отвѣчаетъ:

О, еслибы пророкъ святой
Сказалъ мнѣ: встань! иди за мной!
Клянусь, пошелъ бы я, томимъ
Великой радостью, за нимъ—
За нимъ—на гибель, на позоръ...
И пусть надменный приговоръ
Толпы рабовъ, толпы слѣпой
Гремитъ надъ нимъ и надо мной!
Но гдѣ пророки?“...

Старикъ не удовлетворяется этимъ оправданіемъ: ты долженъ былъ найти этотъ призывный голосъ въ своей собственной груди, говоритъ онъ:

„Такъ будь же проклятъ ты навѣкъ,
Больной, безсильный человѣкъ...
Я, грѣшникъ, здѣсь, одинъ, въ лѣсахъ
Мечталъ *о жизни молодой*,
О новыхъ, сильныхъ племенахъ—
Желалъ блаженныхъ, ясныхъ дней
Землѣ возлюбленной своей“...

Но молодой человѣкъ обращается къ нему самому съ такимъ упрекомъ:

„Теперь я спрашиваю васъ,
О предки наши! Что для насъ
Вы сдѣлали? скажите намъ:
Вотъ—нашимъ доблестнымъ трудамъ
Благодаря—смотрите—вотъ
На сколько выросъ нашъ народъ...
Чтожъ? отвѣчайте намъ... Увы!
Какъ ваши внуки—на покой
Безсмысленный—спѣшили вы
Съ работы трудной, но пустой“...

Въ этомъ сопоставленіи двухъ поколѣній, въ формѣ, конечно, странной, уже устарѣлой, заключается какъ-бы программа многихъ послѣдующихъ произведеній какъ самого Тургенева, такъ и другихъ представителей нашей нравоописательной повѣсти; но Бѣлинскій, конечно, не могъ предвидѣть появленія подобныхъ произведеній. Да и вообще, по тѣмъ произведеніямъ Тургенева, которыя появились при немъ, нашъ незабвенный критикъ не могъ составить себѣ полнаго понятія о будущемъ Тургеневѣ; вслѣдствіе этого, насъ не должно удивлять, что Бѣлинскій признавалъ его способнымъ только на физіологическіе очерки. Полноту творческой силы Бѣлинскій видѣлъ собственно въ Гончаровѣ, а это легко объясняется тѣмъ, что Гончаровъ сразу подарилъ насъ такимъ крупнымъ произведеніемъ, какъ «Обыкновенная исторія». Что касается насъ, то, имѣя уже передъ глазами цѣлый рядъ позднѣйшихъ капитальныхъ произведеній Тургенева, мы, конечно, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Бѣлинскаго. Хотя повѣсти Тургенева, сравнительно съ большими романами Гончарова, могутъ представиться и теперь не болѣе, какъ очерками, но въ сущности оно только такъ кажется, и остаться при такомъ мнѣніи можетъ только тотъ, кто смотритъ съ чисто внѣшней стороны, судитъ о внутренней глубинѣ по объему. Тургеневъ никогда не вдается въ мелочныя подробности, онъ умѣетъ выдѣлить изъ жизни своихъ героевъ нѣсколько такихъ моментовъ, которыми съ достаточною

ясностью обозначается ихъ природа; повѣсти его не длинны, но въ нихъ не менѣе содержанія, чѣмъ въ подробныхъ романахъ Гончарова, отличающихся тщательною отдѣлкою мелочей, тонкимъ анализомъ всевозможныхъ оттѣнковъ въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, духовная сущность которыхъ постепенно выказывается почти непрерывающимся рядомъ ихъ похожденій.

Бѣлинскій находилъ также, что Тургеневъ можетъ изображать только то, что онъ видѣлъ своими глазами и что предварительно изучилъ,—чистаго творчества нашъ критикъ не признавалъ въ немъ. Мы въ настоящее время должны видоизмѣнить это мнѣніе въ томъ смыслѣ, что, дѣйствительно, на Тургенева имѣетъ большое вліяніе все, что происходитъ вокругъ него, что онъ въ высшей степени отзывчивъ на всѣ явленія современной жизни. Онъ слѣдитъ за нарожденіемъ новыхъ типовъ, новыхъ направленій, онъ ихъ немедленно схватываетъ и воспроизводитъ, и, дѣйствительно, можетъ воспроизводить только то, что у него на глазахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ только рѣдко, и то не надолго, бывать въ Россіи, мы уже не находимъ въ его повѣстяхъ воспроизведенія новыхъ явленій русской жизни. Если въ «Дымѣ» еще выказались нѣкоторыя современныя стороны, то это только такія, которыя Тургеневъ могъ подмѣтить въ своихъ баденъ-баденскихъ соотечественникахъ. Литвиновъ и Потугинъ не такъ удались, какъ представители фрондёрствующаго барства, свившаго себѣ гнѣздо въ Баденъ-Баденѣ. Послѣдняя крупная повѣсть Тургенева «Вешнія воды», при удивительной художественности выполненія, собственно только повторяетъ старый типъ празднаго русскаго барича, проводящаго время въ сердечныхъ дѣлахъ, да и въ нихъ-то оказывающагося пошленькимъ, вслѣдствіе своей общей пошлости. Именно такой, зависящій отъ живыхъ впечатлѣній писатель, какъ Тургеневъ, и не долженъ бы былъ покидать своего отечества, чтобы остаться художникомъ-лѣтописцемъ дальнѣйшаго хода его внутренней жизни. Но такая зависимость Тургенева отъ живыхъ впечатлѣній составляетъ въ немъ вовсе не недостатокъ, а скорѣе достоинство. Гончаровъ не такъ скоро подчиняется впечатлѣніямъ: онъ, такъ сказать, тяжелъ на подъемъ. Всякое свое произведеніе онъ тщательно обработываетъ, отдѣлываетъ до мельчайшихъ подробностей, даетъ ему вылежаться въ столѣ, по старому Гораціеву правилу, потомъ, выпустивъ его въ свѣтъ, отдыхаетъ долго, долго—до тѣхъ поръ, пока не накопится болѣе новыхъ впечатлѣній, медленно пробуждающихъ его къ новому творчеству. При этомъ мы не находимъ у него такого

разнообразія въ содержаніи, какое видимъ у Тургенева. «Обыкновенная исторія» и «Обломовъ», хотя и раздѣленные цѣлымъ десятилѣтіемъ, представляютъ много между собою общаго; только впослѣдствіи, въ «Обрывѣ», видны нѣсколько новые замыслы автора, стремленіе воспроизвести и совершенно иныя стороны нашей жизни. Бѣлинскій считалъ Гончарова писателемъ вполнѣ объективнымъ, ни мало не выражающимъ въ своихъ произведеніяхъ самого себя: «у него нѣтъ ничего, кромѣ таланта; онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь, поэтъ-художникъ», отзывался о немъ Бѣлинскій. Позже, другіе критики высказывались въ противоположномъ смыслѣ: они находили въ произведеніяхъ Гончарова выраженіе его личнаго взгляда и находили этотъ взглядъ крайне узкимъ, ограниченнымъ, тѣмъ, что называютъ у нѣмцевъ «филистерскимъ». Нѣкоторые изъ этихъ позднѣйшихъ критиковъ (Писаревъ), противопоставляя Гончарову Тургенева, находили, что Тургеневъ выказываетъ себя въ своихъ произведеніяхъ съ болѣе сочувственной стороны, обнаруживаетъ бо́льшую широту взгляда. Другіе, напротивъ того (Алкандровъ - псевдонимъ), уподобляя, со стороны взгляда, Гончарова Тургеневу, у обоихъ находили «филистерство». Вѣрно-ли подобное мнѣніе? Для разрѣшенія этого вопроса надо вникнуть въ сущность того, что представляютъ наши писатели. Обращаюсь къ «Обыкновенной исторіи» Гончарова.

Главнымъ ея типомъ является, какъ извѣстно, молодой Адуевъ. Что же хотѣлъ выразить въ этомъ лицѣ Гончаровъ?

Онъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ первоначально сложилась жизнь Александра Ѳедоровича... Она сложилась прежде всего въ деревнѣ, подъ вліяніемъ матери, которая внушала ему: «здѣсь ты одинъ всему господинъ»; матери, которая въ немъ воспитала привычку считать всѣхъ вокругъ него обязанными угадывать каждое его желаніе, жить какъ-бы только ему на угоду. «Нянька все пѣла ему въ колыбели, что онъ будетъ ходить въ золотѣ и не знать горя». Вообще о слезахъ и бѣдствіи онъ зналъ только по слуху, какъ знаютъ о какой-нибудь заразѣ, которая не обнаружилась, но глухо гдѣ-то таится въ народѣ». Мать, развившая въ немъ эгоистическія наклонности, умѣла какъ-то распорядиться такъ, что и самая религіозность, которую она ему, по-своему, проповѣдывала, способна была лишь питать въ немъ ту же эгоистическую закваску. При отправленіи его въ Петербургъ, говоря ему о Богѣ, о посѣщеніи церкви, она придаетъ этому значеніе какого-то исправнаго искательства высшей небес-

ной протекціи; она пренаивно обѣщаетъ ему, что еслибы самъ онъ сталъ въ этомъ отношеніи лѣниться, то она ему вымолитъ у Бога и чиновъ, и крестовъ. Говоря о нищихъ, она соглашается, что надо, конечно, имъ помогать, потому что безъ этого не угодишь Богу, но что довольно, такъ сказать, только соблюдать обрядъ подаванія милостыни, вообще же много раздавать не слѣдуетъ, — надо копить для себя. Намекая на возможность выгодной женитьбы въ Петербургѣ, она прямо говоритъ, что Сонич-ку, которая его полюбила въ деревнѣ, можно и въ сторону; «что она въ самомъ дѣлѣ воображаетъ! развѣ ты лучшей партіи не найдешь?»

Послѣ всего этого, Бѣлинскій имѣлъ полное право назвать мать Адуева — «доброю внукой злой Простаковой», а ею воспитаннаго Александра Ѳедоровича мы съ неменьшею справедливостью можемъ назвать своего рода «Митрофаномъ».—Для чего онъ ѣдетъ въ Петербургъ? Да онъ и самъ этого не знаетъ, онъ ѣдетъ искать *чего-то*. Не забудьте приэтомъ, что онъ однакоже кончилъ курсъ въ университетѣ. Онъ открываетъ собою въ нашей литературѣ рядъ питомцевъ университета, вышедшихъ изъ стѣнъ его крайне мало подготовленными для настоящей жизненной дѣятельности, для дѣйствительно полезнаго служенія обществу. Гончаровъ объясняетъ это обстоятельство особымъ направленіемъ тѣхъ людей, которыхъ приходилось тогда слушать въ университетѣ. Молодому Адуеву профессора твердили, что онъ пойдетъ далеко, т. е., разумѣется, они не лично къ нему это относили, но онъ это заключилъ изъ ихъ курсовъ; они ему рисовали такія мечтательно неопредѣленныя картины будущей дѣятельности, въ которыхъ онъ, подъ вліяніемъ разыгравшагося воображенія, легко могъ найти себѣ видное мѣсто. Это были картины дѣятельности чисто заоблачной, ради пользы и добра *вообще*, *какой-то* пользы и *какого-то* добра *для всего человѣчества*.

И вотъ онъ самолюбиво мечталъ о подобной пользѣ, въ сущности только потѣшая этимъ и особеннымъ образомъ развивая свой доморощенный эгоизмъ, т. е. онъ мечталъ, что выдвинется далеко изъ ряда, какими-то особенно блистательными успѣхами, и что на него будутъ съ уваженіемъ указывать пальцами. Когда онъ пріѣзжаетъ къ дядюшкѣ и тотъ начинаетъ допытываться, ради чего онъ стремился въ столицу, А. Адуевъ говоритъ: «Меня влекло неодолимое стремленіе, надежда благородной дѣятельности; во мнѣ кипѣло желаніе уяснить и осуществить тѣ надежды, которыя толпились...» и т. д. Но тутъ же и признается: «у насъ профес-

соръ эстетики такъ говорилъ». Дядя переводитъ на обыкновенный языкъ эти вдохновенныя рѣчи профессора эстетики:

— Сколько я могу припомнить университетскія лекціи и перевести слова твои, ты пріѣхалъ сюда дѣлать карьеру и фортуну?

— Да, дядюшка, «карьеру»,—совершенно искренно сознается племянникъ.

Такимъ образомъ оказывается, что дядя сразу понялъ его, понялъ, что въ сущности племянникъ стремится къ тому же, къ чему и онъ самъ стремился всю свою жизнь; только племянникъ пока еще прикрываетъ эту цѣль грудой фразъ, заимствованныхъ изъ курса эстетики.

Молодой Адуевъ ищетъ сначала литературной славы. Дѣло въ томъ, что славы на служебномъ поприщѣ на первыхъ порахъ не добьешься; еслибы можно было разомъ подняться повыше—тогда бы другое дѣло! Но низшія приготовительныя ступени мало льстятъ самолюбію; между тѣмъ и литературная слава ему не дается; дядюшка даже прямо доказываетъ ему, что у него нѣтъ таланта,— и вотъ онъ весь уходитъ въ чувство любви къ дѣвушкѣ, съ которой случайно сошелся. Гончаровъ очень подробно описываетъ это воркованье голубковъ, но сущность его заключается въ слѣдующемъ выразительномъ разговорѣ между А. Адуевымъ и Наденькой:

— Ужели есть горе на свѣтѣ?—спрашиваетъ она.

— Говорятъ, есть, да я не вѣрю.

— Какое же горе можетъ быть?

— Дядюшка говоритъ: бѣдность...

— Бѣдность! да развѣ бѣдные не чувствуютъ того, что мы теперь? вотъ ужъ они и не бѣдны.

— Дядюшка говоритъ, что имъ не до того, нужно пить, ѣсть...

— Фи, ѣсть! дядюшка вамъ не правду говоритъ. Я не обѣдала сегодня, а какъ я счастлива...»

Въ этомъ миломъ разговорѣ выражается все міросозерцаніе этихъ праздныхъ мечтателей. Что она не знаетъ горя и выражается такъ наивно, — это не удивительно при томъ тепличномъ воспитаніи, которое получила она, подобно многимъ барышнямъ; но что онъ, кончившій курсъ въ университетѣ, держится такихъ же дѣтскихъ воззрѣній,—вотъ что гораздо страннѣе, и объясняется только той безжизненностью, той отвлеченностью, которою такъ долго отличалась у насъ наука, потому-то и не бывшая въ состояніи исправлять недостатки домашняго барскаго воспитанія. Когда

читаешь у Гончарова эти безконечныя сцены любви между А. Адуевымъ и Наденькой, то такъ и кажется, что они взялись разыграть роли того юноши и той дѣвицы изъ повѣсти А. Адуева, которые попали на какой-то необитаемый островъ и, живя на немъ, наслаждаются себѣ на просторѣ одной любовью. Искусственно уединившись отъ окружающаго ихъ многолюднаго міра, убаюкивая себя мечтою, что не существуетъ ни горя, ни слезъ, Александръ Ѳедоровичъ и Наденька только любуются другъ на друга,—но читатель заранѣе чувствуетъ, что долго имъ такъ не прожить, что скоро ихъ одолѣетъ невыносимая скука. «Сердце Наденьки было занято, но умъ оставался празденъ: Александръ не позаботился дать ему пищи»,—и вотъ онъ мало по малу надоѣдаетъ ей, прежде чѣмъ она ему надоѣла, что̀, разумѣется, также случилось бы ранѣе или позже. Чтобы успокоить его оскорбленное самолюбіе, дядя помогаетъ ему завязать другой романъ: въ него влюбляется женщина, къ которой уже самъ онъ первый охладѣваетъ. Все это очень просто и понятно: самые неглубокіе люди не могутъ совершенно уйти въ одно только личное чувство любви; жизнь наша неизбѣжно дѣлается пуста и скучна, если у насъ не завязаны связи съ обществомъ, если намъ не досталась хотя бы самая малая доля участія въ міровой работѣ. Но Александръ не понимаетъ настоящей причины своихъ неудачныхъ романовъ. Два раза разочаровавшись въ любви, онъ готовъ окончательно махнуть рукою на все, готовъ съ досады погрязнуть въ животной жизни; сближаясь съ какимъ-то совершенно неразвитымъ человѣкомъ, онъ случайно заводитъ, уже просто отъ скуки, третій романъ, который чуть-было не довелъ его до совершеннаго нравственнаго паденія. Послѣ всего этого, дядюшка оказывается правымъ въ своемъ недовѣрчивомъ взглядѣ на тѣ высиренніи фразы, которыя такъ обильно расточались племянникомъ. Но хотѣлъ-ли Гончаровъ сказать этимъ, что собственное направленіе дядюшки совершенно вѣрно; хотѣлъ-ли онъ заоблачному мечтателю, пустозвонному идеалисту Александру Ѳедоровичу противопоставить трезваго, практическаго дядю, какъ высокій жизненный идеалъ — вотъ вопросъ. Я думаю, что нашъ авторъ поставилъ дядюшку выше племянника только въ томъ смыслѣ, что первый, по крайней мѣрѣ, не обманываетъ себя и другихъ, что онъ искренень, что въ немъ нѣтъ ничего напускного, что онъ откровенно высказываетъ, къ чему стремится. «Цѣль моей жизни—успѣхъ, выгода, та же, что у тебя, Александръ, но ты не сознаешься въ этомъ, а я сознаюсь», вотъ что, въ разныхъ видахъ, говоритъ онъ племяннику. Дядя не-

только прямѣе и, въ этомъ смыслѣ, честнѣе племянника; онъ и гораздо умнѣе его, сразу разгадывая и обнажая его передъ нимъ самимъ. Ктому-же, при всемъ своемъ дѣловомъ эгоизмѣ, онъ менѣе эгоистъ, чѣмъ племянникъ; въ немъ есть извѣстная доброта и даже теплота, онъ совершенно искренно упрекаетъ А. Адуева въ томъ, что, жалуясь на человѣчество вслѣдствіе своихъ неудачъ въ любви, онъ забываетъ о нѣжной дружбѣ тетки и, что еще непростительнѣе, оставляетъ безъ писемъ свою старушку мать, которая его безгранично любитъ. Тѣмъ неменѣе, Гончаровъ вовсе не хотѣлъ выставить дядюшку Петра Ивановича лицомъ образцовымъ; это ясно изъ того, что ему не удается доставить счастіе своей женѣ. «Мужъ ея неутомимо трудился и все-еще трудится. Но что было главною цѣлью его трудовъ? Трудился-ли онъ для общей человѣческой цѣли, для самаго труда, или только для мелочныхъ причинъ, чтобы пріобрѣсть между людьми чиновное и денежное значеніе»? — это оставалось для нея загадкою, а между тѣмъ она внутренно томилась чувствомъ нравственной неудовлетворенности. Петръ Ивановичъ, при своемъ умѣ, не могъ наконецъ не понять этого, и въ этомъ заключается его нравственная кара». Не ясно-ли изъ этого, что Гончаровъ представляетъ и дядю стоящимъ на ложной дорогѣ? Но приномнимъ также мастерское описаніе присутственнаго мѣста, въ которое попадаетъ молодой Адуевъ въ началѣ романа: «Каждый день, каждый часъ, и сегодня, и завтра, и цѣлый вѣкъ бюрократическая машина работаетъ стройно, исправно, безъ отдыха, какъ-будто нѣтъ людей: одни колеса, да пружины». А этотъ Юпитеръ-громовержецъ въ образѣ начальника отдѣленія: «откроетъ ротъ, — и бѣжитъ Меркурій съ мѣдной бляхой на груди; протянетъ руку съ бумагой — и десять рукъ тянутся принять ее». Можетъ-ли быть, чтобы, рисуя такого Юпитера, нашъ авторъ видѣлъ въ немъ свой идеалъ? Бѣлинскій вовсе не думалъ этого, а указывалъ на вполнѣ объективное отношеніе Гончарова ко всѣмъ его дѣйствующимъ лицамъ. Но странно, какимъ образомъ Бѣлинскій могъ находить неестественною развязку романа; какимъ образомъ могъ онъ думать, что вмѣсто прозаическаго брака, какимъ кончаетъ Александръ Адуевъ, вѣрнѣе было бы сдѣлать изъ него мистика, фанатика, сектанта. Едва-ли все это не сказалось у Бѣлинскаго подъ вліяніемъ желанія сказать, что можно бы было, наконецъ, сдѣлать изъ Александра «славянофила», т. е., съ точки зрѣнія Бѣлинскаго, заоблачнаго мечтателя, особаго покроя. Въ такомъ приговорѣ нельзя не признать увлеченія. Едва-ли изъ основательнаго разбора личности А. Адуева

можно вывести, чтобы онъ годился въ какіе бы то ни было сектанты. Въ головѣ его, собственно говоря, даже вовсе и не было никакихъ идей, а былъ только напускной фразистый идеализмъ, подъ которымъ скрывались препошленькія эгоистическія наклонности, какъ это, впрочемъ, и указалъ Бѣлинскій въ первой половинѣ своей характеристики Александра Адуева. Чтобы покончить съ этимъ лицомъ, скажу, что въ немъ нельзя не видѣть прямаго наслѣдника Пушкинскаго Ленскаго; а вспомните мнѣніе самого Пушкина, что еслибы Ленскій не былъ убитъ на дуели, его бы ожидала самая прозаическая, самая пошлая будущность. Такая же точно будущность не могла не сдѣлаться прямымъ достояніемъ и А. Адуева. Въ-заключеніе, я, кажется, имѣю право вывести, что ни дядя, ни племянникъ не являются у нашего автора людьми идеальными, такими, за которыми слѣдовало бы идти. Но чѣмъ же объяснить появленіе въ нашей критикѣ мнѣнія, будто бы Гончаровъ выразилъ въ Петрѣ Ивановичѣ свои собственныя точки зрѣнія? Подобное мнѣніе высказано авторомъ статьи «О воспитательномъ значеніи повѣстей Тургенева и Гончарова» [1]). Кромѣ обвиненія Гончарова въ крайнемъ сочувствіи Петру Ивановичу, тутъ обвиняется и Тургеневъ въ крайнемъ несочувствіи Рудину, въ умышленномъ развѣнчаніи этой будто-бы возвышенной личности. Но если еще можно понять оборону критикомъ противъ самого автора личности Рудина, все-таки представляющей много такого, что подкупаетъ въ его пользу, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ [2]), то уже рѣшительно трудно понять ту оборону Александра Адуева противъ Гончарова, которая была предпринята Писаревымъ. Единственное объясненіе подобной странности развѣ то, что наша критика какъ-то опять начала заявлять идеальныя требованія, т. е., что въ ней началось что-то вродѣ черезчуръ уже быстрой реакціи противъ реализма, реакціи, нечувствительной для самихъ критиковъ, считающихъ себя реалистами.

Продолжая постоянно встрѣчать у нашихъ писателей личности съ естественной смѣсью добра и зла, а иногда и всего съ «каплей меду въ бочкѣ дегтю», личности, на которыхъ нельзя успокоиться, за которыми нельзя идти, критика начинаетъ сердиться на самихъ писателей, начинаетъ увѣрять, будто они видятъ въ жизни

---

[1]) «Невскій Сборникъ», 1867 г. Подписано: *Алкандровъ* (псевдонимъ).

[2]) Подробно объ этомъ въ моихъ лекціяхъ о Тургеневѣ («Бесѣда» 1871 г. Октябрь).

Лен. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

4878

только такихъ людей, потому что сами они таковы. На самомъ же дѣлѣ, еслибы Гончаровъ и Тургеневъ выставили такихъ дѣятелей, какихъ отъ нихъ требовали нѣкоторые критики, они бы должны были многое выдумывать, они должны бы были вдаваться въ тотъ же самый ложный идеализмъ, въ ту же истасканную маниловщину, конецъ которой положенъ у насъ Гоголемъ. Но вотъ аз то, что Гончаровъ не впалъ въ нее, что онъ позволилъ себѣ, чрезъ посредство Петра Ивановича, совлечь съ Александра пышное мечтательное убранство и указать подъ этимъ убранствомъ ту же эгоистическую и прежде всего комфортабельную натуру,—ему достался отъ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ критиковъ, а именно отъ Писарева, упрекъ, будто-бы этимъ романомъ онъ хотѣлъ сказать: «Эхъ, молодые люди, протестанты жизни, бросьте вы ваши стремленія вдаль, къ усовершенствованіямъ, къ лучшему порядку вещей! Это все пустяки! фантазерство! Надѣньте вицмундиры» и т. д. Но дѣло въ томъ, что А. Адуевъ ни къ какимъ усовершенствованіямъ никогда не стремился, а былъ созданъ именно для того, чтобы, сбросивъ съ себя все нахватанное изъ заоблачныхъ курсовъ эстетики, дѣйствительно въ концѣ концовъ надѣть вицмундиръ и въ соединенномъ съ нимъ комфортѣ усмотрѣть конечную цѣль стремленій. Самымъ вѣрнымъ цѣнителемъ «Обыкновенной Исторіи» остается такимъ образомъ первый цѣнитель ея—Бѣлинскій. Но онъ замѣчалъ въ свое время, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, типъ А. Адуева—типъ устарѣлый; самъ же онъ находилъ, что подобные люди еще существуютъ. Въ настоящее время мы можемъ сказать, что типъ этотъ уже окончательно устарѣлъ: Петры Ивановичи еще существуютъ, но Александры Адуевы, кажется, совершенно исчезли. Всего какихъ-нибудь двадцать семь лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ «Обыкновенной Исторіи», а между тѣмъ, читая ее, мы какъ будто-бы переносимся въ совершенно другія времена, какъ-будто читаемъ историческій романъ. Думаю, что это служитъ наглядными признакомъ той быстроты, съ какою подвигаемся мы впередъ. Обманывающіе себя и другихъ эгоисты-фантазеры, матеріалисты, замаскированные въ идеализмъ, уже окончательно у насъ сошли со сцены, — а вѣдь это что-нибудь да значитъ! И сколько бы ни было въ появляющихся у насъ затѣмъ направленіяхъ ошибочнаго, недодуманнаго,—видно рѣшительное стремленіе къ правдѣ, къ искренности; положительно началось и все еще продолжается ревностное исканіе, хотя бы и ощупью, хотя бы и съ претыкновеніями, вѣрнаго жизненнаго пути. А при такомъ искреннемъ исканіи, нѣтъ никакого сомнѣ-

нія, что рано или поздно путь этотъ будетъ наконецъ отысканъ нетолько тѣмъ или другимъ лицомъ, но и цѣлымъ обществомъ.

ЛЕКЦІЯ II.

Гончаровъ.—„Обломовъ“.—„Обрывъ“.

Болѣе 10-ти лѣтъ отдѣляютъ «Обломова» отъ «Обыкновенной исторіи», а между тѣмъ въ содержаніи обоихъ романовъ замѣчается нѣкоторое соотвѣтствіе. Съ другой стороны, и въ отношеніяхъ къ обоимъ произведеніямъ нашей критики оказывается много общаго.

«Обыкновенная исторія», какъ мы видѣли въ прошлый разъ, была встрѣчена обстоятельной и вполнѣ справедливой критикой Бѣлинскаго. Затѣмъ, значительно позже, стали появляться критики другого рода, въ которыхъ высказывались взгляды на это произведеніе уже совершенно предвзятые, высказывалось недовольство героями произведенія, а вслѣдствіе этого и недовольство самимъ авторомъ, которому страннымъ образомъ приписывалось сочувствіе его дѣйствующимъ лицамъ.

Подобныя воззрѣнія критики составляютъ въ своемъ родѣ замѣчательное явленіе; они доказываютъ только, что «натуральная школа» своей жизненной правдой производила настоящее свое дѣйствіе. Видя передъ собой живыхъ людей, стали сторониться отъ этихъ людей, отъ ихъ нравственной неудовлетворительности, ихъ пошлости, той пошлости, которая скрывалась подъ ихъ идеализмомъ, и Гончаровъ имѣлъ полное право напомнить своимъ позднѣйшимъ критикамъ, по примѣру Гоголя, народную пословицу: «на зеркало нечего пенять...».

Но я указалъ въ концѣ прошлой лекціи, что въ настоящее время «Обыкновенная исторія» уже не можетъ служить намъ зеркаломъ, потому что романъ этотъ отражаетъ уже пережитую нами эпоху. Едвали мы можемъ сказать то же самое объ «Обломовѣ». Едвали совершенно перевелось въ нашей жизни то, что называется, со словъ Штольца, «обломовщиной?»

Когда появился романъ, многіе стали узнавать въ немъ знакомыя черты; поднялись со всѣхъ сторонъ толки о нашей «обломовщинѣ», и краснорѣчивымъ истолкователемъ этихъ толковъ явился тотъ даровитый критикъ, который замѣнилъ собою Бѣлинскаго, но замѣнилъ, къ сожалѣнію, не на-долго. Появилась въ высшей степени доказательная, справедливая, добросовѣстная критика «Обломова»,

принадлежащая Добролюбову. Къ сожалѣнію, позже стали появляться другія критики, настолько же несправедливыя относительно «Обломова», насколько несправедливы были нѣкоторыя критики и относительно «Обыкновенной исторіи».

Добролюбовъ въ своей блистательной статьѣ уяснилъ, что Обломовъ Гончарова—лицо вовсе не отвлеченное, лицо непосредственно принадлежащее нашей русской жизни, самымъ неразрывнымъ образомъ съ нею связанное. Онъ положительно выяснилъ въ своей мастерской статьѣ, какимъ образомъ подъ вліяніемъ барскаго воспитанія возникали, и еще долго будутъ возникать Обломовы. Можетъ быть онъ съ недостаточной подробностью разсмотрѣлъ знаменитый «Сонъ Обломова», составляющій одинъ изъ перловъ нашей литературы, — сонъ, въ которомъ Обломову рисуется его дѣтство, его Обломовка, этотъ мирный уголокъ, представляющій нѣчто въ родѣ сказочнаго «соннаго царства». Замѣчу также, что съ другой стороны, тому барскому воспитанію, которое раскрывается въ «Снѣ Обломова», можно бы было противопоставить многія черты изъ дѣтства простыхъ людей, рисуемыя Тургеневымъ въ «Бѣжиномъ Лугѣ». Крестьянскія дѣти, выведенныя въ этомъ произведеніи, лишены всякаго воспитанія, т. е. всякаго ухода за ними; но за то, предоставленныя самимъ себѣ, они рано дѣлаются самостоятельными, рано проявляютъ дѣятельность, на которую вызываетъ ихъ сама жизнь. Потребность помогать родителямъ, пасти стадо и при-этомъ не бояться звѣрей, дѣлаетъ ихъ преждевременно взрослыми; трудовая доля, въ которую втянуты они съ самаго дѣтства, не даетъ молодымъ ихъ силамъ оставаться праздными,—и вотъ это-то и составляетъ для нихъ ту естественную воспитательную силу, воздѣйствія которой лишены дѣти, выросшія въ барствѣ. Широко понимая Обломова и объясняя его какъ произведеніе нашей барской среды, Добролюбовъ видѣлъ «обломовщину» и во многихъ другихъ типахъ нашей литературы; онъ видѣлъ Обломова нетолько въ Гоголевскомъ Тентетниковѣ, который дѣйствительно можетъ быть признанъ прямымъ родоначальникомъ Ильи Ильича, онъ видѣлъ Обломова и въ такихъ типахъ, которые съ перваго взгляда вовсе на него не похожи, въ типахъ такихъ людей, которые, много толкуя о дѣлѣ, прямо считаютъ себя дѣльцами, но въ сущности мало, или совсѣмъ ничего не дѣлаютъ. Какъ извѣстно, Добролюбовъ, находилъ «обломовщину» и въ Тургеневскомъ «Рудинѣ», и въ «Героѣ нашего времени» Лермонтова, и даже въ Пушкинскомъ «Онѣгинѣ». Добролюбовъ понималъ «обломовщину» какъ жизнь внѣ всякихъ связей съ обществомъ, какъ

исключительное погруженіе въ самого себя, при чисто-мечтательномъ, праздномъ сочувствіи общественнымъ интересамъ.

Если понимать Обломовщину такимъ образомъ, то зачатки ея представляетъ у самого Гончарова Александръ Адуевъ, точно такъ же, какъ Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядюшка «Обыкновенной исторіи», представляетъ немало общаго со Штольцемъ. Воспитаніе Александра Адуева и воспитаніе Обломова весьма сходно; оно связываетъ ихъ обоихъ, дѣтей XIX столѣтія, съ фонъ-визинскимъ Митрофанушкой. Далѣе, однакоже, оба они слушали курсъ наукъ въ университетѣ. Но я замѣтилъ уже въ прошлый разъ, что наша литература выставила немало людей, не вынесшихъ почти ничего изъ университетскаго курса.

Въ «Обломовѣ» Гончаровъ подробно говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ и довольно ясно истолковываетъ его. По выходѣ Обломова изъ университета, «голова его представляла сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, религій, ничѣмъ не связанныхъ, политико-экономическихъ, математическихъ или другихъ истинъ, задачъ, положеній.... у него между наукой и жизнью лежала цѣлая бездна, которой онъ не пытался перейти. Жизнь у него была сама по себѣ, а наука сама по себѣ».

Эта схоластическая мертвенность нашей университетской науки объясняется тѣмъ, что она долго оставалась у насъ только *прививною*—естественное неудобство нашей запоздалой образованности. Намъ приходилось на скорую руку только переносить къ себѣ готовое, усиленно повторять чужіе зады, прежде чѣмъ удалось наконецъ начать и самостоятельную работу. Весьма медленно становилась наша наука въ уровень съ требованіями нашей жизни, весьма неподатливо откликалась она на нихъ въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, которымъ и доставалось же за то отъ схоластиковъ: «помилуйте, да это вѣдь не наука; вы этимъ испортите молодежь» и т. п., тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, эта такъ-называемая «порча молодежи» могла только помѣшать ей окончательно погрузиться въ «обломовщину».

Герой второго романа Гончарова, конечно, вынесъ изъ университетскихъ стѣнъ уже значительно болѣе, чѣмъ Александръ Адуевъ. Онъ вынесъ изъ нихъ довольно ясное пониманіе того, что должно называть настоящимъ «дѣломъ» и что «бездѣльемъ», только скрывающимся подъ личиною дѣла. Обломовъ въ своемъ сужденіи о другихъ выказываетъ весьма свѣтлые взгляды. Онъ не видитъ, напр., настоящаго дѣла въ простомъ составленіи себѣ карьеры, онъ не видитъ настоящаго дѣла и въ литературномъ

подбираніи мелкаго житейскаго сора, въ ожесточенномъ ратованіи противъ пустяковъ, въ томъ, что позднѣйшимъ сатирикомъ названо было «*литературнымъ пѣнкоснимательствомъ*». Въ Обломовѣ есть желаніе дѣятельности, но дѣятельности не механической, а самостоятельной, творческой, только эта творческая дѣятельность проявляется у него въ *мечтахъ:* онъ многое создаетъ, лежа у себя на постели. Обломовъ способенъ отдать справедливость чужому труду, но, на бѣду, труда въ настоящемъ смыслѣ онъ не замѣчаетъ вокругъ себя. А трудъ просто ради труда, безъ всякой другой, высшей цѣли, ему непонятенъ; поэтому онъ готовъ бы, пожалуй, хотя и не рѣшается этого высказать, видѣть своего рода бездѣлье и въ трудолюбіи Штольца. Но сознаніе важности и цѣнности настоящаго труда такъ и остается въ немъ только *сознаніемъ*; онъ слишкомъ тяжелъ на подъемъ, для того чтобы, приглядѣвшись къ явленіямъ жизни, высмотрѣть себѣ практическую цѣль и начать для нея трудиться. Какъ по своему свѣтлому уму, ясно понимающему наше *дѣловое бездѣлье*, такъ и по барской неразвитости въ немъ самомъ *силы воли*, необходимой для настоящаго труда, Обломовъ самымъ непосредственнымъ образомъ связанъ съ русскою жизнью. Если же связь эта и могла бы быть еще болѣе выяснена, то только при окончательномъ устраненіи тѣхъ условій нашей литературной дѣятельности, о которыхъ говоритъ Тургеневъ въ поэмѣ своей «*Разговоръ*» (упомянутой въ моей 1-й лекціи). Нельзя не удивляться послѣ этого самой возможности появленія критической статьи Писарева, въ которой утверждалось, будто-бы «обломовщина» оказывается у Гончарова не явленіемъ общественнымъ, а простымъ результатомъ темперамента, несчастнаго тѣлосложенія героя романа.

Писаревъ, какъ извѣстно, дошелъ въ своей критикѣ до того, что усмотрѣлъ въ Обломовѣ какую-то «клевету на русскую жизнь»; но вѣдь это нѣсколько отзывается тѣмъ направленіемъ, которое и въ Гоголевскихъ типахъ усматривало клевету!. Вмѣстѣ съ тѣмъ Писаревъ какъ-будто обидѣлся нѣмецкимъ происхожденіямъ Штольца; по крайней мѣрѣ онъ вложилъ въ уста Гончарову слѣдующую обидную для насъ мораль: «Россіяне, всѣ вы спите... всѣ вы до такой степени одурѣли отъ сна... что мнѣ, романисту, приходится, въ укоръ вамъ, брать своего положительнаго героя изъ нѣмцевъ, подобно тому, какъ предки ваши, новгородскіе славяне, изъ нѣмцевъ призвали себѣ великаго князя, собирателя русской земли». «И россіяне, продолжаетъ уже самъ критикъ, съ свойственною имъ однимъ добродушною наивностью, умиляются надъ

геніальнымъ произведеніемъ своего романиста, всматриваются въ утрированную до-нельзя фигуру Обломова и восклицаютъ съ добродѣтельнымъ раскаяніемъ: «да, да, вотъ наша язва», и т. д. Но Писаревъ правъ въ одномъ: Гончаровъ дѣйствительно видитъ образцовую личность въ Штольцѣ; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Чтобы онъ сочувствовалъ Петру Ивановичу Адуеву, на это, какъ мы видѣли, нѣтъ доказательствъ, но въ Штольцѣ онъ хотѣлъ выставить нѣчто въ родѣ идеала; онъ хотѣлъ представить въ немъ сочетаніе дѣлового направленія съ тою сердечною теплотою, съ тѣми поэтическими наклонностями, которыхъ почти нѣтъ у Петра Ивановича; но это, надо признаться, вовсе не удалось нашему романисту.

Гончаровъ, очевидно, думалъ представить въ Штольцѣ гармоническое сліяніе двухъ стихій — нѣмецкой практичности съ русской «широкой натурой». Вышло же только то, что Штольцъ тратитъ «по бюджету каждый день, какъ каждый рубль», что «въ организмѣ у него нѣтъ ничего лишняго», и что онъ наконецъ «ищетъ равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа». Но эти тонкія потребности духа выражаются у него собственно въ томъ, что онъ охотно слушаетъ музыку и читаетъ Шиллера, т. е. это составляетъ для него извѣстную принадлежность того *комфорта*, стремленіе къ которому является, въ сущности, главною цѣлью Штольца. Въ чемъ выразилась у этого обрусѣлаго нѣмца такъ-называемая «широкая русская натура»—остается загадкой. Вообще попытка Гончарова выставить идеальнаго дѣлового человѣка кончилась почти также печально, какъ и болѣе ранняя попытка въ этомъ родѣ Гоголя.

Во второй части «Мертвыхъ душъ» онъ, какъ извѣстно, думалъ выставить образцовыхъ людей въ лицѣ такихъ пріобрѣтателей, какъ помѣщикъ Ксанжогло и откупщикъ Муразовъ. Гончаровъ въ лицѣ Штольца хотѣлъ, повидимому, представить личность болѣе высокой пробы, которая, наживаясь, не забываетъ и высшихъ человѣческихъ стремленій; но на самомъ дѣлѣ вышелъ такой же «пріобрѣтатель», человѣкъ, который скоро составляетъ себѣ состояніе, принимая участіе въ разныхъ компаніяхъ, безпрестанно разъѣзжая съ мѣста на мѣсто и такимъ образомъ постоянно, повидимому, оставаясь дѣятельнымъ—но, въ сущности, только ради собственнаго интереса. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что Гончаровъ въ концѣ романа самъ почувствовалъ неудачность своего идеальнаго замысла, а потому и заставилъ Штольца испытать въ

своей семейной жизни участь, отчасти напоминающую участь Петра Ивановича Адуева.

Та тоска, которая овладѣваетъ по временамъ Ольгой, несмотря на то, что она такъ счастлива со Штольцемъ, эта тоска доказываетъ, что и въ немъ она не нашла того, что ей нужно, тѣхъ высшихъ цѣлей, къ которымъ она постоянно стремилась, сначала какъ-бы инстинктивно, потомъ совершенно сознательно. Ольга представляетъ намъ въ высшей степени привлекательный, художественно обрисованный образецъ женщины, которая не удовлетворяется однимъ личнымъ счастьемъ, однимъ личнымъ чувствомъ любви.

Это выражается уже въ одномъ изъ первыхъ разговоровъ ея съ Обломовымъ, когда онъ, подъ вліяніемъ только-что охватившаго его чувства, говоритъ ей:

— Въ вашихъ глазахъ, въ улыбкѣ, въ этой вѣткѣ, въ Casta diva все здѣсь...
— Нѣтъ, не все—половина, отвѣчаетъ Ольга.
— Гдѣ же другая? что послѣ этого еще?
— Ищите.
— Зачѣмъ?
— Чтобы не потерять первой.

Ей нужна другая, высшая половина счастья, т. е. высшая жизненная цѣль. Только при этой высшей цѣли любовь можетъ быть постоянной, вѣчной; только такая любовь, которая соединяетъ людей во имя общаго служенія чему-то высшему, можетъ дать содержаніе цѣлой жизни; иначе, рано или поздно, она приведетъ къ той же скукѣ, къ какой привела Адуева съ Наденькой. Только предполагая эту, неистощимую въ своемъ содержаніи, лучшую половину жизни, Ольга спрашиваетъ Обломова: «ужели вы не шутя думаете, что можно разлюбить?» Оттого-то ее и поражаетъ вопросъ—пожертвовала-ли бы она ему тѣмъ, что всего дороже, честью?—«Никогда; на этомъ пути впослѣдствіи всегда разстаются, а я... разстаться съ тобой»!.. Но разлука съ нимъ представляется ей невозможною только до тѣхъ поръ, пока она вѣритъ въ возможность воскресить его, пробудить въ немъ дѣятельное стремленіе къ высшей цѣли и этимъ стремленіемъ, какъ рычагомъ, поднять его на ноги. Но ей приходится страшно разочароваться, и вотъ въ своей послѣдней бесѣдѣ съ Обломовымъ она говоритъ: «ты нѣженъ, какъ голубь, ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей, да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего—я не знаю»! Она и сама вполнѣ ясно не сознаетъ, въ чемъ

именно должна заключаться эта другая цѣль, но она ее страстно ищетъ.

Разочаровавшись въ Обломовѣ, Ольга поддержала себя вѣрою въ Штольца. Но когда она начала догадываться, что и его дѣятельность—только кажущаяся, потому что и въ ней никакой высшей цѣли нѣтъ, поколебалась ея вѣра въ него, поколебалось и ея счастье. Это живое исканіе чего-то, дающаго широкое содержаніе жизни—черта дѣйствительно существующая въ человѣческой природѣ—совершенно вѣрно подмѣчена Гончаровымъ въ нашихъ женщинахъ, подобно тому, какъ многія въ высшей степени сочувственныя черты подмѣчены въ нихъ и Тургеневымъ. Это составляетъ замѣчательную черту въ нашей литературѣ, что, постоянно терпя неудачу въ идеальныхъ мужскихъ характерахъ, она дала намъ нѣсколько совершенно удачныхъ идеальныхъ характеровъ женскихъ. Но если мы сопоставимъ Ольгу Гончарова со многими женскими личностями Тургенева, то увидимъ, что хотя послѣднія большею частью богаты силами, но у многихъ изъ нихъ эти силы уходятъ сполна на одну только личную привязанность; не удалась имъ любовь—и все пропало, вся жизнь испорчена! Таковы напр. Маша въ «Затишьѣ», Вѣра въ «Фаустѣ», Лиза въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Много говорилось въ нашей критикѣ объ ошибочныхъ понятіяхъ этихъ лицъ, (не о воспроизведеніи ихъ у Тургенева, совершенно вѣрномъ, вполнѣ художественномъ). Но ошибочность эта не въ томъ, что Вѣра не жертвуетъ своимъ долгомъ жены, что Лиза отступаетъ передъ правомъ другой, хотя и недостойной женщины; ошибочность въ томъ, что, испытавъ несчастіе въ любви, испытавъ необходимость разлуки съ тѣмъ, кого любишь, —онѣ затѣмъ никакой другой цѣли въ жизни не видятъ; —въ томъ, что Вѣра въ «Фаустѣ» не находитъ поддержки себѣ въ долгѣ матери, что Лиза въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» умѣетъ только заживо схоронить себя въ монастырѣ. Стремленіе къ чему-то пошире одной личной любви замѣтно отчасти у Наташи въ повѣсти «Рудинъ». Но эти задатки высшихъ стремленій едва-ли не должны заглохнуть въ ней послѣ брака съ такимъ лицомъ, какъ Волынцевъ. Совершенно уже ясное стремленіе къ высшему оказывается въ тургеневской Асѣ. «Дни уходятъ, жизнь уйдетъ», говоритъ она, «а что мы сдѣлали»? Или въ другой разъ: «Крылья у меня выросли—да летѣть некуда». Но мы не знаемъ, что постигло ее послѣ разлуки съ тѣмъ, кого она полюбила. Еще болѣе ясное стремленіе къ высшему видимъ мы въ повѣсти Тургенева «Наканунѣ», въ этой прекрасной повѣсти, такъ справедливо и такъ тепло оцѣненной

Добролюбовымъ и такъ странно осмѣянной Писаревымъ. Съ Тургеневской Еленой всего болѣе находится въ нравственномъ родствѣ Ольга Гончарова, но судьба ихъ неодинакова: Елена нашла свой идеалъ въ болгарѣ Инсаровѣ— Ольга не нашла своего идеала и въ Штольцѣ; Елена, лишась преждевременно Инсарова, находитъ себѣ дальнѣйшій исходъ въ служеніи той идеѣ, для которой жилъ онъ, и страстная преданность которой надорвала его здоровье—какой же исходъ можетъ найти Ольга, послѣ того, какъ пошатнулась ея вѣра въ Штольца? Добролюбовъ въ своей критикѣ предполагалъ, что, разувѣрившись въ Штольцѣ, она оставитъ и его, какъ оставила Обломова. Нѣтъ, она не оставитъ его, имѣемъ мы право сказать, зная то глубокое *семейное чувство*, которое такъ сильно развито въ Ольгѣ. У нея уже есть семья; къ семьѣ этой, какъ извѣстно, принадлежитъ и принятый на воспитаніе Штольцемъ сынъ умершаго Обломова. Ольга должна найти исходъ въ томъ, чтобы воспитательнымъ вліяніемъ своей личности не дать этому новому поколѣнію пойти по стопамъ Обломова, или Штольца.

Чего не доставало, чтобы поднять на ноги залежавшагося Илью Ильича, чтобы придать высшее значеніе Штольцу? Штольцъ говоритъ, что «любовь съ силою Архимедова рычага движетъ міромъ», т. е. онъ говоритъ это о личной любви; и что же? этотъ рычагъ, который доставался Обломову въ лицѣ Ольги, однакоже не поднялъ его на ноги. Та же личная любовь, которая затѣмъ въ полной мѣрѣ досталась Штольцу, не сдѣлала его такимъ, чтобы не дать тоскѣ закрасться въ душу Ольги. Выходитъ, что настоящимъ рычагомъ можетъ служить только другаго рода любовь, болѣе обнимающая, болѣе и дающая,—любовь къ другимъ людямъ, къ обществу, къ родинѣ. Вотъ тотъ жизненный выводъ, который приходится сдѣлать Ольгѣ. Она не станетъ воспитывать то юное поколѣніе, которое у нея на рукахъ, въ нравственномъ одиночествѣ, въ томъ барскомъ уединеніи, въ которомъ держали Обломова. Она будетъ умѣть завязать уже въ дѣтяхъ спасительныя для человѣка связи съ окружающимъ его міромъ. Она не станетъ откладывать ознакомленіе юнаго поколѣнія съ тѣмъ, что значитъ человѣческое горе и человѣческая нужда, а поэтому въ немъ пробудится рано и потребность приходить на помощь другимъ и только въ этомъ и видѣть настоящую, полную содержанія жизнь. Семья, среди которой будетъ дѣйствовать Ольга, послужитъ для нея, такъ сказать, мастерской, гдѣ, подъ теплымъ вліяніемъ ея любящей женской природы, подготовятся будущіе общественные дѣятели. Вотъ тѣ заключенія, ко-

торыя могутъ быть сдѣланы на основаніи романа Гончарова относительно воспитательныхъ мѣръ противъ «обломовщины» [1]).

Проходитъ болѣе 12 лѣтъ и, наконецъ, появляется третье произведеніе нашего романиста,—«Обрывъ», въ которомъ затрогиваются, повидимому, новыя стороны жизни; но все же, вглядываясь, мы замѣчаемъ и тутъ дальнѣйшее развитіе старой темы. Что̀ такое Райскій? Это, какъ и самъ онъ себя считаетъ, по преимуществу художникъ, но такой, который до конца не можетъ достичь какихъ-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ; это, какъ его очень мѣтко опредѣляетъ М. Волоховъ, — *неудачникъ*. Но если такъ, то что̀ онъ такое, какъ не тотъ-же Обломовъ въ видѣ художника? Однако онъ уже не совершенно отрѣшенъ отъ общественныхъ симпатій; онъ считаетъ нужнымъ самъ пробуждать Бѣловодову къ жизни, говоря ей: «вы здѣсь наслаждаетесь всѣмъ, а подумали ли вы о тѣхъ людяхъ, которые вамъ доставляютъ доходъ?» Но Бѣловодова имѣетъ полное право отвѣтить на это, что онъ и самъ имѣетъ такихъ же подневольныхъ людей, а что же онъ для нихъ сдѣлалъ? Да, онъ только говоритъ о дѣятельности на пользу другимъ, настоящей же дѣятельной силы въ немъ нѣтъ, нѣтъ и настоящей любви даже къ тому искусству, которому онъ хочетъ служить, иначе эта любовь довела бы его до какихъ-нибудь болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. Именно потому, что настоящей любви къ своему призванію въ немъ нѣтъ, онъ и остается всю свою жизнь неудачникомъ. Прямою, повидимому, противоположностью Райскаго представляется Аяновъ; это, собственно говоря, тотъ же дядюшка Петръ Ивановичъ; но тутъ Гончаровъ уже окончательно намъ доказываетъ, что въ людяхъ подобнаго рода онъ не видитъ ничего сочувственнаго; онъ прямо говоритъ, что вся цѣль этого человѣка — «повыситься изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе, а подъ конецъ, за долговременную и полезную службу и «неусыпные» труды... въ тайные совѣтники и бросить якорь въ портѣ—въ какой-нибудь нетлѣнной коммиссіи или комитетѣ съ сохраненіемъ окладовъ, а тамъ, волнуйся себѣ человѣческій океанъ, мѣняйся вѣкъ, лети въ пучину судьба народовъ, царствъ,—все пролетитъ мимо его, пока апоплексическій или другой ударъ не остановитъ теченія его жизни». Словомъ, тутъ Гон-

[1]) Но этимъ, конечно, не устраняются особыя, никакому воспитанію неподдающіяся, причины *обломовщины*, а вмѣстѣ и причины происхожденія *лишнихъ людей*, на неразъясненность которыхъ указалъ въ своемъ „Разговорѣ“ Тургеневъ.

чаровъ совершенно ясно намъ обрисовываетъ, такъ сказать, *дѣловую обломовщину* (хотя, по пріобрѣтательскимъ своимъ сторонамъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ и *штольцовщина*). Лицомъ, вполнѣ исполненнымъ любви къ своему дѣлу, къ своему художническому призванію, является въ «Обрывѣ» Кирилловъ. Да, но любя искусство, онъ отрѣшилъ его отъ всего остальнаго міра; онъ не живой человѣкъ, не художникъ-дѣятель,—онъ просто своего рода аскетъ, замкнувшійся въ художническую келью. Таковъ же и товарищъ Райскаго, Козловъ; онъ дѣйствительно любитъ свой предметъ, но оторванъ ото всего живаго; съ дѣйствительнымъ міромъ связанъ онъ исключительно личною привязанностью къ женѣ: оставляетъ его эта женщина,—и вся прелесть, весь смыслъ жизни для него потеряны.

Лицомъ, въ своемъ родѣ дѣятельнымъ, любящимъ, является, повидимому, бабушка — эта сочувственнѣйшая личность изъ стараго поколѣнія «Обрыва». Да, но изъ той сферы, которую она обнимаетъ своимъ любящимъ сердцемъ, исключено очень многое: исключены ея крѣпостные люди, которыхъ она даже не считаетъ заслуживающими помощи доктора, а отсылаетъ къ старухѣ знахаркѣ. Наконецъ, ея во многихъ отношеніяхъ правдивое сердце долго не мѣшаетъ ей заискивать въ Нилѣ Андреевичѣ, о которомъ она сама говоритъ, что онъ достигъ своего положенія не совсѣмъ похвальными средствами.

Есть въ «Обрывѣ» одно лицо, принадлежащее молодому поколѣнію, которое называетъ себя «*грядущей силой*». Но Райскій находитъ однако возможнымъ спросить Марка Волохова, — «почему онъ ничего не дѣлаетъ?», а Маркъ Волоховъ только и можетъ отвѣтить на это: «но и вы вѣдь ничего не дѣлаете». Впрочемъ, въ бесѣдѣ съ Вѣрой, Маркъ Волоховъ указываетъ на свое жизненное дѣло. «Это дѣло», говоритъ онъ, «вспрыскивать живой водой человѣческіе мозги». Такое вспрыскиваніе живой водой, какъ онъ его понимаетъ, должно вести къ тому, чтобы смыть съ человѣческихъ мозговъ все напускное; но, смывая съ нихъ многое слой за слоемъ, онъ наконецъ начинаетъ уже не смывать, а вытравливать и тѣ симпатическія стороны, которыя присущи человѣческой природѣ, и касаться которыхъ значитъ ее уродовать,— онъ касается тѣхъ связей, которыя соединяютъ человѣка съ человѣкомъ; онъ относитъ и эти во-вѣки нерасторжимыя связи къ числу искусственныхъ, напускныхъ явленій. Стремленіе Марка Волохова очистить человѣческій умъ ото всего, что онъ считаетъ *насильственно навязаннымъ*, даетъ ему, какъ конечное искомое,

голое человѣческое *я*, предоставленное его влеченіямъ, которыя должны быть всѣ, безъ изъятія, слѣпо удовлетворяемы.

Вотъ съ такимъ-то человѣкомъ встрѣчается дѣвушка, которая начинаетъ работать надъ нимъ, какъ Ольга работала надъ Обломовымъ. Многое ей представляется привлекательнымъ въ Маркѣ Волоховѣ. Онъ не уживается съ общепринятыми правилами, она и сама не мирится съ ними во многомъ. Она ничего не принимаетъ на вѣру, — она вѣритъ только тому, въ чемъ убѣждается (въ этомъ и отличіе ея отъ простодушной ея сестры—такъ живо обрисованной Гончаровымъ, Марѳиньки). Въ Маркѣ Волоховѣ привлекаютъ Вѣру свободныя отношенія ко всему установившемуся; она видитъ въ немъ освободительныя стремленія, но ее отталкиваетъ то, къ чему приводятъ они Марка—это голое человѣческое *я*, предоставленное своимъ влеченіямъ. Въ этомъ, ничѣмъ не ограниченномъ, *я* она видитъ только стихійную силу, а стихійная сила легко становится силой гнетущею. Чѣмъ внимательнѣе вглядывается Вѣра въ Марка, тѣмъ болѣе убѣждается въ томъ, что стремленіе освободить свое *я* отъ всякихъ сдерживающихъ началъ невольно переходитъ у него въ стремленіе подчинить этому *я* все окружающее. Въ Маркѣ такимъ образомъ все болѣе и болѣе выясняется передъ нею крайній деспотъ, но она долго, упорно вѣритъ въ возможность раскрыть передъ нимъ то внутреннее противорѣчіе, въ которое онъ безсознательно попадаетъ, остановить его освободительную работу на томъ рубежѣ, переходя за который свобода становится самовластіемъ. Она хочетъ заставить его признать нѣчто высшее, чему онъ долженъ сознательно и съ любовью подчиниться; но это такъ же точно не удается ей, какъ Ольгѣ не удается пробужденіе къ дѣятельности Обломова. Высшее начало, по понятію Вѣры, это то, что она (странное соотвѣтствіе съ ея именемъ) называетъ *вѣрой*, въ переводѣ же на обыкновенный житейскій языкъ — вѣровать, значитъ признавать что-то, что-то выше своего собственнаго *я* и его произвольныхъ влеченій. Одно время ей показалось, что она можетъ въ этомъ смыслѣ пробудить вѣру въ Маркѣ, и тогда она была счастлива, находилась въ томъ состояніи, которое Райскій назвалъ экстазомъ. Но, послѣ рѣшительнаго свиданія съ Маркомъ, того свиданія, въ которомъ они должны были опредѣлить свои взаимныя отношенія, — ей пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ. Короткія отношенія свои къ Марку она понимала не иначе, какъ при участіи того высшаго начала, которое въ данномъ случаѣ является мыслію о *семьѣ*. Вѣра, какъ и Ольга, твердо вѣритъ въ возможность постоянной

любви со стороны нравственно здороваго, неиспорченнаго человѣка. Но Маркъ Волоховъ не хочетъ признавать естественной возможности подобнаго постоянства; въ постоянной любви онъ видитъ любовь по приказу, по правиламъ, видитъ «пуды, надѣваемые на ноги»; «...я останусь еще въ этомъ болотѣ», говоритъ онъ, «не знаю, сколько времени, буду тратить силы вотъ тутъ,— но не для васъ, а прежде всего для себя, потому что въ настоящее время это стало моей жизнью, — и я буду жить, пока буду счастливъ, пока буду любить. А когда охладѣю—я скажу и уйду, куда поведетъ меня жизнь, не унося съ собой никакихъ «долговъ», «правилъ» и «обязанностей»; я всѣ ихъ оставлю тутъ, на днѣ обрыва! Видите, я не обманываю васъ — я высказываюсь весь: скажу и уйду! и вы имѣете право сдѣлать то же. А вонъ тѣ мертвецы лгутъ себѣ и другимъ—и эту ложь называютъ «правилами». А сами потихоньку дѣлаютъ то же самое».

Но Вѣрѣ не легче оттого, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, не лицемѣритъ, а поступаетъ честно: ей становится страшно и холодно отъ подобной честности, потому что она усматриваетъ въ этомъ отсутствіе настоящей, глубокой привязанности къ себѣ. При своемъ свѣтломъ умѣ, она не можетъ не понимать, что Маркъ, со всею предвзятою мыслію о невозможности постоянной любви, когда-нибудь просто *вообразитъ*, что любви уже нѣтъ, и станетъ тогда безсознательно ломать свое чувство—ради проповѣдуемой имъ свободы чувства, просто чтобъ доказать, что постояннаго чувства нѣтъ и не можетъ быть. Еслибы онъ дѣйствительно глубоко ее полюбилъ, должна она думать, онъ бы бросилъ свою предвзятую мысль, онъ бы увѣровалъ въ то же, во что вѣритъ она, въ начало семейное, которое должно освятить ихъ взаимныя отношенія. «Я говорила себѣ часто: сдѣлаю, что онъ будетъ дорожить жизнью... сначала для меня, а потомъ и для жизни, будетъ уважать... сначала опять меня, а потомъ и другое въ жизни, будетъ вѣрить мнѣ... а потомъ...»

— «Вы поймете жизнь—говоритъ она Марку—не будете блуждать въ-одиночку, со вредомъ для себя и безъ всякой пользы для другихъ... изъ васъ выйдетъ человѣкъ нужный, сильный...»

И во всемъ этомъ ей приходится окончательно разочароваться: онъ остается вѣренъ своему, правда, честно высказанному, ученію о «влеченіяхъ» и «физическомъ процессѣ». По ея же взгляду, подчиняться только однимъ влеченіямъ, не ставя надъ ними рѣшительно ничего—значитъ не имѣть разумной точки опоры, того, что называетъ она корнемъ, значитъ уродовать человѣческую при-

роду. Но если вся работа Вѣры надъ Маркомъ оказывается неудачной, если она должна, наконецъ, сознаться, что ей не пересоздать его, то, при ея характерѣ, при ея нравственномъ закалѣ, ей остается сдѣлать съ нимъ то же, что сдѣлала Ольга съ Обломовымъ. Вѣрѣ остается только разстаться съ Маркомъ. Одно изъ двухъ — или она должна признать его взглядъ и отказаться отъ своего собственнаго, какъ ложнаго,—и тогда она неминуемо пойдетъ съ нимъ на дно обрыва; или она должна устоять въ своихъ убѣжденіяхъ, и тогда она не пойдетъ за нимъ—середины нѣтъ.

Нашъ авторъ какъ будто не понялъ этого, а потому романъ его къ концу представляетъ сплошную фальшивую ноту. Давъ Вѣрѣ устоять въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ однакоже заставляетъ ее спуститься съ обрыва, т. е. теоретически она остается при своемъ ученіи, а практически, на дѣлѣ, она является какъ бы наглядным доказательствомъ несостоятельности его, примѣромъ, на который можетъ указать Маркъ, въ подтвержденіе своей мысли, что сила влеченья — верховная сила. Высоко поднявъ любимое лицо своего романа, Гончаровъ, по какой-то странной прихоти, взялъ да и сбросилъ его съ высоты въ обрывъ. Чѣмъ же объяснить такое поразительное явленіе у писателя съ такимъ глубокимъ чутьемъ психолога и художника? Это можно объяснить развѣ тѣмъ, что Гончаровъ въ своемъ послѣднемъ романѣ отчасти измѣнилъ той художественной объективности, которую такъ превозносилъ въ немъ Бѣлинскій. Онъ не выдержалъ ея тутъ, не удовлетворился безстрастнымъ воспроизведеніемъ жизненныхъ явленій въ той ихъ взаимной связи и цѣлостности, которыя уже сами по себѣ даютъ возможность читателю сдѣлать изъ нихъ подобающее заключеніе. Гончарову захотѣлось вложить въ свой романъ такую мораль, которая прямо бы била въ глаза, захотѣлось во всеуслышанье прокричать: «посмотрите, до чего можетъ дойти дѣвушка, хотя и чрезвычайно умная, но не бѣгающая, какъ отъ чумы, отъ различныхъ «Марковъ»; ему захотѣлось предостеречь русскихъ дѣвушекъ: «смотрите, подальше отъ нихъ, не то попадете на дно обрыва». И что же? Изъ прекрасно задуманнаго романа вышло подъ конецъ что-то въ родѣ той старинной «Кунигунды», которую бабушка, въ видахъ морали, заставляетъ читать вслухъ, и, какъ извѣстно, безъ малѣйшей пользы нетолько для Вѣры, но даже для Марфиньки. Допустивъ преднамѣренную мораль, Гончаровъ невольно впалъ въ ту переполненность фальшивыми нотами, которою отличается 5-я часть романа. Все, что слѣдуетъ за «обрывомъ»,— продолжительное хожденіе бабушки, это странное, ни къ чему

неведущее разыгрываніе ею роли какого-то «Вѣчнаго Жида», повинующагося постоянно звучащему надъ нимъ: «иди! иди!», странное покаяніе той же бабушки въ ея старомъ грѣхѣ; почти граничащее съ комизмомъ (хотя авторъ, разумѣется, не хотѣлъ этого) посредничество между Вѣрой и Маркомъ Тушина,—все это такъ натянуто, все это своего рода tour de force, въ сущности, рѣшительно ни къ чему неведущій. Замѣчу наконецъ вообще про этого Тушина, котораго назначеніе современемъ изгладить воспоминанія объ «обрывѣ», замѣчу, что ему кромѣ того предназначено въ романѣ осуществить идеалъ разумнаго практическаго дѣятеля. Но лицо это выходитъ безжизненнымъ, блѣднымъ; о немъ только говорится, что онъ очень много и очень хорошо что-то дѣлаетъ, но существенный смыслъ его практической дѣятельности изъ его собственныхъ словъ и поступковъ мы едвали можемъ узнать.

Въ концѣ романа, Райскій, какъ извѣстно, начинаетъ писать романъ подъ заглавіемъ «Вѣра», и высказываетъ при-этомъ слѣдующія соображенія:

«Какъ я напишу драму Вѣры, да не съумѣю обставить пропастями ея паденіе, а русскія дѣвы примутъ ошибку за образецъ, да, какъ козы, одна за другой пойдутъ скакать съ обрывовъ (!!!»)

Кажется, можно, по крайней мѣрѣ, пожелать, чтобы въ новомъ изданіи своего романа Гончаровъ похерилъ эту странную фразу, въ которой мораль доходитъ до оскорбленія здороваго нравственнаго чувства. Такъ и хочется сказать автору: вы не туда совсѣмъ бьете! Поддерживайте вѣру въ человѣческое достоинство, вѣру въ достоинство женщины, и тогда не будутъ страшны никакіе обрывы. А развязкой вашего романа вы, даровитый авторъ, сами поколебали такую вѣру...

Но что же, въ концѣ концовъ, этотъ Маркъ, надъ пересозданьемъ котораго такъ неудачно трудилась Вѣра? Типъ этотъ, по своимъ основнымъ чертамъ, не новъ; Маркъ, очевидно, предназначался служить дорисовкою типа, выставленнаго Тургеневымъ въ лицѣ Базарова. Но даетъ-ли намъ Гончаровъ что-нибудь такое, что бы болѣе выяснило этотъ типъ? Типъ Базарова, самъ по себѣ,— типъ совершенно ясный, цѣльный, живой. Онъ тоже хочетъ освободить себя ото всего, что считаетъ онъ напускнымъ, и при-этомъ невольно старается вырвать съ корнемъ и то, что составляетъ неотъемлемую принадлежность человѣческой природы. Не желая быть, какъ онъ выражается, *самоломаннымъ*, онъ безсознательно, на каждомъ шагу, ломаетъ себя, свою, въ сущности, вовсе несухую и нехолодную природу; но она въ немъ постоянно

беретъ свое: мы видимъ, что онъ любитъ отца и мать, влюбляется въ Одинцову, наконецъ чувствуетъ себя близкимъ къ народу, несмотря на то, что говоритъ про себя: «я возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо?» Онъ съ презрѣніемъ, съ высоты своего безпредразсудочнаго величія, глядитъ на народъ, но все это—и презрѣніе, и самое это величіе — только слѣдствіе того, что онъ не умѣетъ, не хочетъ умѣть «*отдаться*»—хотя бы даже народу, мысли о народномъ благѣ. И вотъ онъ съ презрѣніемъ отталкиваетъ отъ себя эту мысль, тогда какъ въ сущности его такъ и тянетъ къ народу, и онъ съ положительнымъ удовольствіемъ говоритъ Павлу Петровичу Кирсанову: «спросите любаго изъ вашихъ же мужиковъ, въ комъ изъ насъ—въ васъ или во мнѣ—онъ скорѣе признаетъ соотечественника. Вы и говорить-то съ нимъ не умѣете...» Базаровъ—не ходячая теорія; онъ живой человѣкъ, именно живыми своими сторонами обличающій многое въ своей теоріи и въ тоже время, несмотря ни на что, возбуждающій къ себѣ участіе, растворенное даже уваженіемъ.

Что же добавилъ къ этому типу Гончаровъ своимъ Маркомъ Волоховымъ? Маркъ Волоховъ знакомится съ Вѣрой, воруя яблоки изъ сада ея бабушки; онъ не знаетъ другой дороги, какъ черезъ заборъ или черезъ окно; онъ беретъ деньги взаймы, прямо говоря, что ихъ не отдастъ; онъ надѣваетъ чужое платье, чтобы оставить его за собою; поддѣлываясь подъ тонъ Вѣры, онъ, письмомъ отъ ея имени, выпрашиваетъ денегъ и платья у Райскаго; онъ вырываетъ страницы изъ книгъ, и притомъ изъ такихъ, которыхъ не можетъ не считать полезными, и закуриваетъ ими папиросы. Вотъ, стало быть, цѣлое множество новыхъ чертъ,—но все это нагроможденіе ихъ приводитъ только къ тому, что Маркъ оказывается каррикатурой, а не живымъ человѣкомъ. И между тѣмъ до конца остается совершенно невыясненнымъ вопросъ, предложенный имъ самимъ Рейскому: «отчего я такой? отвѣтьте, и тогда я, можетъ быть, вамъ отвѣчу, отчего я не буду ничего дѣлать» (т. е. ничего, кромѣ того *вспрыскиванья мозговъ*, которымъ онъ занимается). Правда, въ одномъ разговорѣ съ Вѣрой, Маркъ объясняетъ ей, изъ какого рода людей онъ и ему подобные (эта «новая, грядущая сила») вербуютъ себѣ послѣдователей. Онъ говоритъ, во-первыхъ, о *семинаристахъ*: «ихъ держатъ въ потемкахъ, умы питаютъ мертвечиной и въ добавокъ порютъ нещадно: вотъ, кто позадорнѣе изъ нихъ, да еще изъ *кадетъ* — этихъ во-

все не питаютъ, а только порютъ—и падки на новое, рвутся изъ всѣхъ силъ — изъ потемокъ къ свѣту... Народъ молодой, здоровый, свѣжій, проситъ воздуха и пищи, а намъ такихъ и надо».— «Кому *намъ*?» спрашиваетъ Вѣра,—и вотъ этотъ-то вопросъ—все-таки такъ и остается вопросомъ и для читателя. Кто такіе *они*, эти вербующіе себѣ послѣдователей?.. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что они «*ни вѣсть откуда взялись*»;—но вѣдь этого не можетъ быть, вѣдь должна же существовать *причина* ихъ появленія. У автора остается не разъясненнымъ и воспитаніе самого Марка. Дѣлаются намеки на то, что онъ былъ юнкеромъ, былъ, какъ будто, и въ университетѣ (хотя послѣднее возбуждаетъ сомнѣнье въ Козловѣ). Откуда же онъ? Отчего онъ такой?

Да, отчего онъ такой—въ этомъ-то и весь вопросъ, а Гончаровъ не даетъ на него отвѣта *). Но тотъ же типъ встрѣтится намъ еще не разъ у другихъ писателей, и мы будемъ имѣть случай увидѣть, отвѣтятъ-ли они намъ на тотъ же основной вопросъ, или нѣтъ? Во-первыхъ, мы встрѣтимся съ этимъ типомъ у Достоевскаго. Но прежде, чѣмъ мы дойдемъ до того, намъ предстоитъ разобрать многочисленныя произведенія еще незнающей этого типа—первой поры дѣятельности автора «Бѣдныхъ Людей».

ЛЕКЦІЯ III.

Достоевскій.—«Бѣдные люди» и пр.—«Неточка Незванова». — «Униженные и Оскорбленные».—«Записки изъ Мертваго Дома».

Мы покончили съ произведеніями Гончарова. Въ продолженіи слишкомъ 20-ти лѣтъ, нашъ авторъ подарилъ намъ три большіе романа, между которыми замѣчается, какъ мы видѣли, значительное соотвѣтствіе. Въ основѣ двухъ первыхъ произведеній лежатъ характеры, повидимому, совершенно несходные между собою, даже противоположные; но противоположность эта только кажущаяся. Собственно говоря, Александръ Адуевъ—это тотъ же самый Петръ Ивановичъ, только пока еще мечтающій; перестанетъ мечтать —

*) На вопросъ о происхожденіи этого типа вообще старался я, *по мѣрѣ возможности*, дать отвѣтъ въ моемъ подробномъ разборѣ «Отцовъ и Дѣтей». (См. «Бесѣду» 1871 г. декабрь). Относительно же Марка Волохова замѣчу еще, что по времени дѣйствія романа, онъ занимается своимъ «вспрыскиваніемъ мозговъ» еще до освобожденія крестьянъ—но едвали типъ, въ который мѣтилъ Гончаровъ, успѣлъ уже вполнѣ обозначиться въ то время.

будетъ тотъ же «дядюшка». Штольцъ — это, собственно говоря, «вѣчно двигающійся Обломовъ», Обломовъ въ томъ смыслѣ, что вся его дѣятельность, всѣ его усилія уходятъ на то, чтобы создать себѣ комфортабельное положеніе въ жизни, а жизнь его въ сущности, сколько ни старается ее идеализировать Гончаровъ, — жизнь пустая, лишенная всякихъ высшихъ цѣлей и въ этомъ смыслѣ *обломовская* (или даже ниже того, потому что Илья Ильичъ чувствуетъ пустоту своей жизни, а Штольцъ втянулся въ свою съ полнѣйшимъ самоуслажденіемъ).

Въ обоихъ романахъ выше остальныхъ дѣйствующихъ лицъ поставлены женщины, особенно же высоко—Ольга въ «Обломовѣ». Правда, одинъ критикъ,—весьма даровитый, но нерѣдко высказывавшій взгляды парадоксальные,—Аполлонъ Григорьевъ, высказалъ слѣдующее сужденіе объ Ольгѣ: изъ нея современемъ «выйдетъ преотвратительная барыня съ вѣчной и безцѣльной нервной тревожностью, истинная мучительница всего окружающаго, одна изъ жертвъ Богъ знаетъ чего»... Но мнѣніе это, смѣю сказать, оригинально и только...

Въ «Обрывѣ» мы замѣтили содержаніе болѣе сложное, чѣмъ въ двухъ первыхъ романахъ, но, въ сущности, и тутъ, съ одной стороны,—цѣлый рядъ «Обломовыхъ» разныхъ видовъ съ другой—хотя и является личность, совершенно иного рода, принадлежащая совершенно новому поколѣнію, но она осталась, при всей кажущейся подробности въ ея обрисовкѣ, рѣшительно невыясненною.

Въ «Обрывѣ» опять женщины поставлены выше другихъ дѣйствующихъ лицъ: въ старомъ поколѣніи бабушка, въ молодомъ—Вѣра. Но идеальная высота этихъ двухъ женщинъ не выдержана до конца и не выдержана вовсе не ради опасенія погрѣшить противъ жизненной правды, а ради, какъ видѣли мы, посторонней *моральной* цѣли. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что Гончаровъ въ своихъ женскихъ типахъ вообще умѣлъ достигать соединенія идеальныхъ сторонъ съ жизненною правдою. Если мы не могли не замѣтить *фальшивой идеализаціи* въ Штольцѣ, то не могли не признать совершенно вѣрнаго воспроизведенія идеальныхъ сторонъ въ Ольгѣ.

Это особенно замѣчательно по сравненію съ Гоголемъ, которому во II части «Мертвыхъ Душъ» положительно не удались не только идеальные мужскіе характеры, но и идеальный характеръ женскій—Улинька.

Между тѣмъ, само по себѣ, стремленіе Гоголя къ *идеальнымъ*

сторонамъ жизни могло быть ошибочно развѣ въ томъ отношеніи, что выводило его за предѣлы той сферы, которая по преимуществу принадлежала ему по особенностямъ его таланта *). Само по себѣ, такое стремленіе вовсе не непремѣнно ведетъ къ *маниловщинѣ*. Ошибочно только усматривать идеальное тамъ, гдѣ его нѣтъ. Жизненная правда въ широкомъ смыслѣ не только не исключаетъ идеальныхъ сторонъ, но и требуетъ воспроизведенія ихъ, насколько онѣ дѣйствительно проявляются въ жизни, — такого воспроизведенія, которое давало-бы видѣть въ личностяхъ съ идеальной основой — живыхъ людей. Такою и представляется намъ Ольга Гончарова; такою представилась-бы и Вѣра, если-бы не несчастный «обрывъ». Не будь его, и она, наряду съ Ольгою и нѣкоторыми женскими типами Тургенева, была-бы однимъ изъ доказательствъ того рѣшительнаго шага впередъ, который, въ дѣлѣ созданія женскихъ характеровъ, сдѣланъ нашею литературою послѣ Гоголя.

Если обратить вниманіе на тотъ кругъ, изъ котораго, по преимуществу, беретъ свои типы Гончаровъ, то окажется, что это тотъ-же кругъ, изъ котораго вывелъ столькихъ своихъ героевъ и Гоголь, — это кругъ помѣщичій и чиновничій. Людей изъ «народа», въ собственномъ смыслѣ слова, Гончаровъ не выводитъ; народъ является у него, какъ и у Гоголя въ его не-малороссійскихъ произведеніяхъ, только въ лицѣ слугъ, и въ отношеніи къ этой части народа у Гончарова, какъ и у Гоголя, не замѣчается той теплой человѣчности, которою отличаются первыя произведенія Григоровича и Тургенева. Долго не подходилъ собственно къ народу и тотъ писатель, къ которому я теперь перейду, — долго не подходилъ къ нему и Достоевскій. Но съ первыхъ-же своихъ шаговъ на литературномъ поприщѣ Достоевскій обращается къ людямъ бѣднымъ, загнаннымъ, хотя и изъ класса чиновничьяго, къ тѣмъ изъ этого класса, для которыхъ, конечно, не «благодать» ихъ кличка: *чиновникъ*. Въ этомъ отношеніи Достоевскій является прямымъ продолжателемъ того направленія, которое выразилось въ повѣсти Гоголя «Шинель». Но въ романѣ «Бѣдные люди», сразу доставившемъ Достоевскому такую почетную извѣстность, нельзя не признать значительнаго шага впередъ противъ «Шинели». Гуманное отношеніе къ бѣднымъ, забитымъ людямъ тутъ проведено гораздо

*) Хотя Гоголю удалось воспроизведеніе положительныхъ сторонъ — въ художникѣ Пискаревѣ, главнымъ же образомъ во многихъ личностяхъ «Тараса Бульбы».

далѣе, чѣмъ у Гоголя. Не даромъ Бѣлинскій обратился къ Достоевскому съ такими сочувственными словами: «Честь и слава молодому поэту, муза котораго любитъ людей на чердакахъ и въ подвалахъ, и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: вѣдь это тоже люди, ваши братья!»

Конечно, уже и Гоголь сказалъ это психологическою постановкою героя «Шинели», который хотя и смѣшонъ, но такъ живо трогаетъ каждаго сколько-нибудь по-человѣчески чувствующаго читателя. Тѣмъ не менѣе, герой Гоголя, такъ сказать, весь ушелъ самъ въ себя, въ продолжительныя заботы о томъ для него значительномъ комфортѣ, какой онъ доставляетъ себѣ новой шинелью; сочувствіе къ нему читателя возбуждается собственно тѣмъ, что авторъ даетъ понять, какъ дорого, цѣною какихъ долгихъ лишеній, достается маленькому человѣку и какое событіе въ его приниженной жизни составляетъ то, что̀ является у другого само собой въ ряду множества другихъ вещей, безъ которыхъ и обойтись нельзя, а маленькій человѣкъ обходится! Все то, что предпринимаетъ Акакій Акакіевичъ для доставленія себѣ новой шинели — своего рода нравственный подвигъ, но подвигъ, который ведетъ къ его личному удовольствію и удобству. Гораздо болѣе представляютъ намъ «бѣдные люди» Достоевскаго. Въ лицѣ Макара Дѣвушкина, этого добряка-чиновника, переписывающагося съ героиней повѣсти, авторъ, по замѣчанію Бѣлинскаго, «показалъ намъ, какъ много прекраснаго, благороднаго и святаго лежитъ въ самой ограниченной человѣческой натурѣ», т. е. въ тѣхъ симпатическихъ связяхъ, которыя соединяютъ бѣднаго, загнаннаго человѣка съ другимъ бѣднымъ, загнаннымъ существомъ.

Ту же глубоко-человѣческую черту усмотрѣлъ Бѣлинскій и въ другомъ лицѣ этой повѣсти, въ лицѣ эпизодическомъ, старикѣ Покровскомъ. «Подставной мужъ обманутой женщины, потомъ угнетенный мужъ разлихой бой-бабы, шутъ и пьяница—и онъ человѣкъ!» говоритъ Бѣлинскій. — Да, и онъ человѣкъ, даже въ лучшемъ смыслѣ слова, потому что онъ въ состояніи любить до самоотверженія. «Вы можете смѣяться надъ его любовью къ своему мнимому сыну», продолжаетъ Бѣлинскій, «напоминающею робкую любовь собаки къ человѣку; но если, смѣясь надъ нею, вы въ тоже время глубоко ею не трогаетесь, если изображеніе Покровскаго съ книгами въ карманѣ и подъ мышками, безъ шапки на головѣ, въ дождь и холодъ бѣгущаго за гробомъ смѣшно-любимаго имъ сына, не производитъ на васъ трагическаго впечатлѣнія, не говорите

объ этомъ никому, чтобы какой-нибудь Покровскій, шутъ и пьяница, не покраснѣлъ за васъ, какъ за человѣка».

Все это сказано Бѣлинскимъ именно потому, что въ Покровскомъ, какъ и въ Макарѣ Дѣвушкинѣ, несмотря на тотъ темный уголъ, въ который забиты они невзгодами жизни, ярко теплится та искра Божія, которая совершенно погасла не только въ Обломовѣ, но и въ Штольцѣ, потому что оба они не видятъ ничего далѣе — одинъ своего кабинета съ мягкой постелью и вѣчнымъ халатомъ, другой — своей нескончаемой суеты ради собственныхъ выгодъ и удовольствій. Искра Божія погасла въ нихъ—и потому-то приходится Ольгѣ отказаться отъ надежды нетолько сдвинуть съ мѣста Обломова, но и отыскать живительный смыслъ въ трудолюбіи Штольца. Напротивъ, что касается Дѣвушкина и Покровскаго, то Бѣлинскій находилъ даже, чего послѣ него не находили другіе критики, что Достоевскій «вовсе не хотѣлъ изобразить людей, у которыхъ умъ и способности придавлены, приплюснуты жизнью». И въ нихъ дѣйствительно не забито то, что симпатически связываетъ человѣка съ человѣкомъ. Добролюбовъ въ своей статьѣ «Забитые люди» налегаетъ на другую сторону произведеній Достоевскаго,—на общественную приниженность главныхъ его героевъ со всѣми ея послѣдствіями. Къ числу ихъ Добролюбовъ совершенно справедливо относитъ то, что Дѣвушкинъ съ какимъ-то особеннымъ умиленіемъ умаляется передъ своимъ начальствомъ; «я вѣдь человѣкъ маленькій», говоритъ онъ, основывая на такомъ сознаніи всю свою практическую философію. Но, уживаясь самъ съ такой скромной долей, онъ не мирится съ мыслію, чтобы она могла удовлетворить и ту дѣвушку, къ которой онъ такъ привязанъ. Ея бѣдное, загнанное положеніе хотѣлъ-бы онъ усладить, улучшить; и вотъ онъ отдаетъ послѣдніе гроши, чтобы доставить ей какое-нибудь удовольствіе, или хоть лакомство. Правда, во многихъ другихъ повѣстяхъ Достоевскаго мы уже не находимъ этой нравственно поддерживающей бѣдняка заботы о другихъ бѣднякахъ. Многіе «забитые люди» Достоевскаго, подобно Гоголевскому Акакію Акакіевичу, *загнаны въ самихъ себя* и такимъ образомъ окончательно являются жертвами своего положенія. Таковъ, какъ совершенно вѣрно выяснилъ Добролюбовъ, герой повѣсти того-же названія г. Прохарчинъ, котораго одна ошеломляющая мысль о томъ, что онъ можетъ быть выгнанъ изъ службы, доводитъ до пьянства и преждевременной смерти. Не менѣе печально кончаетъ личность, поставленная, повидимому, въ болѣе благопріятное положеніе, но, при большей развитости въ ней требованій отъ жизни,

не уживающаяся съ мыслью, что ей никогда не достанется многое, такъ легко достающееся другимъ,—я разумѣю героя «Двойника», г. Голядкина. Если «Бѣдные люди» связаны съ Гоголевской «Шинелью», то «Двойникъ» не менѣе тѣсно связанъ съ «Записками сумасшедшаго», только разница въ томъ, что Гоголь набросалъ свой психологическій очеркъ немногими мастерскими чертами, съ сжатостью, свойственною великому художнику, у Достоевскаго же замѣтна крайняя расплывчивость и растянутость. За то, съ другой стороны, если Добролюбовымъ вѣрно истолкованъ смыслъ, вложенный Достоевскимъ въ своего «Двойники», то произведеніе это, по глубинѣ мысли, превосходитъ «Записки сумасшедшаго». Этотъ фантастическій двойникъ, по толкованію Добролюбова, есть не что иное, какъ внутреннее раздвоеніе одной и той-же личности. Голядкинъ сознаетъ, что для успѣха въ жизни ему нужно умѣніе заискивать въ людяхъ, нужны такія качества, какихъ въ немъ нѣтъ, — и вотъ эта-та практическая, недостающая ему способность подслуживанія и олицетворяется имъ въ лицѣ г. Голядкина младшаго, который своей пронырливостью постоянно перебиваетъ дорогу г. Голядкину старшему. Какъ-бы-то ни-было, герой повѣсти въ своемъ помѣшательствѣ постоянно занятъ столкновеніями со своимъ двойникомъ, т. е. съ другимъ, воображаемымъ *самимъ собою*, а это можетъ быть объяснено только такимъ предшествующимъ психическимъ состояніемъ, которое не выпускало его изъ заколдованнаго круга *личныхъ* заботъ и стремленій.

Извѣстно, что Добролюбовъ въ своей статьѣ, намѣтивъ основной смыслъ многихъ дѣйствующихъ лицъ Достоевскаго, упоминаетъ мимоходомъ и о той странной, хотя и не сходящей съ ума, но душевно далеко не здоровой личности, которая является въ повѣсти «Село Степанчиково» подъ именемъ Ѳомы Ѳомича. Личность эта представляетъ замѣчательный, съ психологической глубиной воспроизведенный нашимъ авторомъ переходъ изъ положенія человѣка оскорбленнаго, униженнаго—въ положеніе человѣка оскорбляющаго, при представившейся возможности забрать власть въ свои руки.

Ѳома Ѳомичъ, долго бывшій приживальщикомъ въ домѣ стараго самодура генерала, вдругъ переходитъ къ человѣку, который отличается самымъ кроткимъ, гуманнымъ характеромъ, и, пользуясь этимъ, приживальщикъ забираетъ въ руки не только хозяина, но и весь домъ. Онъ съ какимъ-то наслажденіемъ продѣлываетъ надъ другими то, что самъ вынесъ: загнанность его

прежняго положенія развила въ немъ эгоизмъ до послѣднихъ предѣловъ. Впрочемъ, въ концѣ повѣсти (на это не обратила вниманія критика), ему представляется возможность подняться нравственно: отъ него зависитъ разстроить бракъ добряка полковника съ нѣжно привязавшейся къ нему гувернанткой и такимъ образомъ отомстить полковнику за то, что онъ, было, попытался нѣсколько пообуздать самоуправство Ѳомы Ѳомича,— но Ѳома Ѳомичъ вдругъ отказывается отъ мести; онъ великодушно содѣйствуетъ этому браку и такимъ образомъ изъ маленькаго тирана подчинившагося ему дома неожиданно превращается въ благодѣтеля.

Нѣкоторое психологическое соотвѣтствіе съ Ѳомой Ѳомичемъ представляетъ у нашего автора герой «Записокъ изъ подполья», вымещающій на несчастной дѣвушкѣ всѣ тѣ униженія, которыя пришлось вытерпѣть ему самому отъ другихъ, вслѣдствіе загнанности своего положенія. Но когда эта дѣвушка не такъ понимаетъ его жестокую проповѣдь и думаетъ схватиться за него, чтобы подняться нравственно, — онъ сурово отталкиваетъ ее отъ себя, обнаруживая передъ нею всю бездну того эгоизма, который развился въ немъ отъ ожесточенности человѣка приниженнаго.

Другія личности Достоевскаго не ожесточены, а просто запуганы своимъ положеніемъ и находятся подъ вліяніемъ подначальнаго страха даже тогда, когда бояться рѣшительно нечего, потому-что начальники ихъ—люди добрые. Такимъ является у нашего автора молодой чиновникъ, сходящій съ ума отъ мысли, что, увлекшись своимъ положеніемъ жениха, онъ не успѣетъ въ срокъ окончить работу, возложенную на него «его превосходительствомъ». Здѣсь, конечно, авторъ уже вдается въ крайность: у героя, какъ замѣтилъ Добролюбовъ, оказывается уже слишкомъ «*слабое сердце*» (таково и заглавіе повѣсти). Но и этотъ оттѣнокъ забитости получаетъ свое значеніе въ той общей картинѣ забитыхъ людей, какую рисуетъ намъ Достоевскій. Въ сущности такого же запуганнаго человѣка видимъ мы и въ повѣсти, озаглавленной «Скверный анекдотъ», повѣсти, по юмористическому своему тону, довольно близко подходящей къ Гоголевскимъ произведеніямъ. Дѣло тутъ, какъ извѣстно, въ желаніи начальника порисоваться своей популярностію, гуманно отнестись къ подчиненному. Совершенно случайно его превосходительство попадаетъ на свадебный пиръ къ мелкому чиновнику своего департамента, попадаетъ съ другаго пира, на которомъ онъ уже успѣлъ достаточно угоститься. Очутившись въ средѣ, для него слишкомъ низкой, и не зная, какъ-бы такъ, спустившись до нея, не утратить своего достоинства, онъ избираетъ бла-

гую часть—продолжаетъ и тутъ угощаться, но, хвативъ наконецъ черезъ край, попадаетъ въ положеніе, вовсе не выгодное для его «достоинства» и еще менѣе выгодное для подчиненнаго, котораго вздумалъ онъ «осчастливить». Свадебный пиръ кончается въ высшей степени неудобною болѣзнью его превосходительства и необходимостью тщательнаго ухода за его высокой персоной—тутъ-же, въ квартирѣ «осчастливленныхъ» молодыхъ. Но что составляетъ уже рѣшительно печальную сторону этого «сквернаго анекдота»—это дальнѣйшія послѣдствія конфуза его превосходительства для подчиненнаго, у котораго сей конфузъ приключился. Печальна та логика, которая сейчасъ-же заставляетъ подчиненнаго понять, что, сдѣлавшись ближайшимъ свидѣтелемъ критическаго положенія своего начальника, онъ уже не долженъ и думать показываться ему на глаза; и вотъ подъ вліяніемъ этой логики онъ спѣшитъ заглазно подать прошеніе о переводѣ въ другое мѣсто. Въ развязкѣ такимъ образомъ этотъ «анекдотъ»—по мнѣнію нѣкоторыхъ просто пустая, даже плоская, грязная шутка, — не лишонъ весьма серьезнаго смысла и находится, по послѣдствіямъ его для маленькаго человѣка, въ самой близкой связи съ другими картинами галлереи «забитыхъ людей» Достоевскаго.

Къ той-же галлереѣ, конечно, должны быть отнесены и учительскіе типы, въ «Дядюшкиномъ снѣ» и въ «Игрокѣ». Въ первомъ мы видимъ бѣднаго учителя уѣзднаго училища, забракованнаго въ качествѣ жениха именно изъ-за бѣдности. Между тѣмъ та, которую онъ любитъ и которая платитъ ему тѣмъ-же въ душѣ, сдается на постыдную торговую сдѣлку своей матери съ дряхлымъ сіятельнымъ богачомъ, успѣвшимъ, отъ слишкомъ весело проведенной жизни, потерять сознанье и память. И этотъ-то живой мертвецъ долженъ повести ее подъ вѣнецъ, между тѣмъ какъ отвергнутый ею молодой честный труженикъ съ горя чахнетъ и умираетъ отъ чахотки. Въ «Игрокѣ» обрисовано подначальное положеніе учителя въ домѣ человѣка, который смотритъ на него какъ на какую-то, почему-то считающуюся необходимою, мебель. Не что иное, какъ желаніе выйти изъ этого подначальнаго положенія, приводитъ его къ тому, чтобы рискнуть попытать счастіе въ соблазняющей его игрѣ на рулеткѣ. И какую яркую противоположность представляетъ при-этомъ азартная игра старухи тетки генерала съ игрою учителя. Старуха пускается на краю могилы въ игру—по барской прихоти и изъ желанія показать племяннику, разсчитывающему на ея наслѣдство, что она не только еще въ живыхъ, но и полна жизни и страсти, а главное, что она

полновластная владычица своего богатства: захочетъ, и спуститъ все въ одинъ день у него на глазахъ, не оставивъ ему ни копѣйки.—Это совсѣмъ не то, что отчаянное «авось и я выйду въ люди» учителя, убѣдившагося въ томъ, какъ тяжелъ трудовой хлѣбъ, и рѣшившагося попытать счастье. Къ тому-же у него тутъ примѣшивается и желаніе поправить своимъ выигрышемъ положеніе любимой имъ дѣвушки, падчерицы генерала. Не отнесись она къ нему такъ гордо, не оттолкни она его, протянутую къ ней, руку, и онъ съумѣлъ-бы остановиться во-время, не втянулся-бы окончательно въ грязный омутъ игры. Униженіе, испытываемое имъ, бѣднякомъ, отъ Полины,—самое тяжелое изъ униженій, потому-что оно достается отъ существа любимаго,—доводитъ его до потери вѣры въ себя и въ другихъ, до совершеннаго нравственнаго паденія. А если мы наконецъ вспомнимъ послѣднюю встрѣчу его съ англичаниномъ, достающіеся отъ него упреки въ пустотѣ, въ отсутствіи характера, обобщеніе, дѣлаемое англичаниномъ— «что всѣ-то вы, русскіе,— пустые, безхарактерные люди»,—то не трудно будетъ понять, что, послѣ всего предшествующаго, такое окончательное униженіе могло только нравственно доконать несчастнаго молодаго человѣка. Повѣсть остается какъ-бы оборванной, но можно предвидѣть, что героя ея ожидаетъ впереди только самоубійство...

Мы такимъ образомъ возобновили въ памяти цѣлый рядъ повѣстей, въ которыхъ выводятся униженные и забитые люди (я пополнилъ этотъ рядъ повѣстями, не отмѣченными у Добролюбова). Имѣя въ виду всѣ эти повѣсти, мы конечно не можемъ не согласиться съ вѣрностью сужденія, высказаннаго Добролюбовымъ, но должны восполнить его не менѣе вѣрнымъ сужденіемъ Бѣлинскаго. Добролюбовъ обратилъ главное вниманіе на то, до какой степени всѣ эти люди придавлены жизнью; Бѣлинскій—на то, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ не дали окончательно подавить въ себѣ все человѣческое. Но для насъ особенно важенъ взглядъ самого-Достоевскаго на то, что составляетъ самое цѣнное въ человѣкѣ; а взглядъ этотъ прямо выраженъ у него въ «Запискахъ изъ подполья»: «Свое собственное вольное и свободное «хотѣніе», говоритъ онъ тутъ, свой собственный, хотя-бы самый дикій, капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хоть-бы даже до сумасшествія,—вотъ это-то и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ». Но не надо пугаться этихъ словъ, этого *хотѣнія* ради *хотѣнія*: Достоевскій сейчасъ-же оговаривается: «хотѣть можно и противъ своей собственной выгоды, а иногда и положи-

тельно должно». Да, только способность и на такое хотѣнье доказываетъ, что человѣкъ владѣетъ своею личностью, какъ полнымъ своимъ имуществомъ,— захочетъ, и пожертвуетъ собою для другихъ. Въ своихъ «Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» Достоевскій окончательно высказывается въ этомъ смыслѣ: «поймите меня — самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ не принужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть, по моему, признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ можно только при самомъ сильномъ развитіи личности». Вотъ что составляетъ идеалъ нашего писателя, и на этотъ-то идеалъ указываетъ онъ отрицательно рядомъ людей, которымъ именно свободнаго обладанія своею личностью и не достаетъ, въ которыхъ, повидимому, совершенно забито свободное человѣческое *хотѣніе*. Но Бѣлинскій не даромъ замѣтилъ, что въ Дѣвушкинѣ и Покровскомъ, не смотря на всю ихъ приниженность, вполнѣ сохранилась способность любить до самоотверженія, а Достоевскій именно въ этомъ и видитъ самое сильное проявленіе личности; стало быть, она тутъ не совершенно забита. Въ лицахъ вполнѣ довольныхъ, успокоившихся на комфортѣ, убаюканныхъ удобствами жизни, скорѣе можетъ оказаться совершенно подавленною та свободная человѣческая личность, которая проявляется въ расширеніи своего *я* постояннымъ общеніемъ со всѣмъ окружающимъ міромъ. Мы видѣли на Ал. Адуевѣ, на Обломовѣ, до какой степени самое воспитаніе можетъ вести къ тому, что личность въ этомъ лучшемъ, человѣчнѣйшемъ смыслѣ, такъ и остается непробужденною.

Достоевскій, напротивъ того, далъ намъ два дѣтскихъ типа, взятыхъ изъ той-же обиженной судьбою среды, съ которою онъ постоянно имѣетъ дѣло, и мы ясно видимъ на нихъ, что именно раннее знакомство съ нуждою и горемъ и зажигаетъ въ душѣ тотъ священный огонь, который такъ часто остается навсегда чуждымъ людямъ, приголубленнымъ счастьемъ.

Неточка Незванова—главное лицо той прекрасной повѣсти Достоевскаго, которая осталась, какъ извѣстно, неоконченной вслѣдствіе постигшей его катастрофы,—Неточка Незванова выростаетъ уже вовсе не въ томъ блаженномъ невѣдѣніи жизни съ ея невзгодами, которое доводитъ и хорошихъ по природѣ людей до «обломовщины». Рано, еще ребенкомъ, познакомилась она съ горемъ, рано почувствовала сильную жалость къ людямъ, представлявшимся ей уни-

женными. Правда, она ошибалась на первыхъ порахъ: самымъ униженнымъ и оскорбленнымъ представлялся ей ея отчимъ, тогда какъ тѣ выговоры и попреки, которые доставались ему отъ жены, были имъ совершенно заслужены. Не понимая этого, считая мать обидчицей, Неточка привязывается къ отчиму, который, пользуясь этимъ, заставляетъ ее наконецъ утаивать деньги у матери. Читая романъ, невольно боишься, что этотъ человѣкъ развратитъ ея юную душу,—но то теплое, любящее начало, которое такъ громко говоритъ въ ней, служитъ лучшимъ ручательствомъ, что этого не случится. И мнимо загнанный отчимъ, и сосредоточенная въ себѣ, какъ-бы очерствѣвшая, страдалица мать умираютъ одинъ за другимъ. Неточка остается круглою сиротой и попадаетъ къ чужимъ людямъ; они ее хорошо одѣваютъ и кормятъ, но настоящей сердечной ласки она долго не встрѣчаетъ ни отъ кого, кромѣ какъ отъ самого князя, который, повидимому, и самъ играетъ какую-то печальную роль въ своемъ аристократическомъ домѣ. Но вотъ вдругъ къ Неточкѣ, во время ея болѣзни, приводятъ маленькую княжну, и мало-по-малу между этими двумя, такъ различно поставленными въ жизни дѣтьми, начинаетъ завязываться дружба. Достоевскій мастерски проводитъ психологическую черту, отдѣляющую ребенка, выросшаго въ нуждѣ и рано узнавшаго жизнь, отъ ребенка, воспитаннаго въ богатой семьѣ при блаженномъ невѣдѣніи жизни. Маленькая княжна долго не можетъ привыкнуть къ Неточкѣ; не зная, что такое горе, она не можетъ понять, почему та все плачетъ. Долго Неточка кажется ей прескучнымъ, пренесноснымъ ребенкомъ. Княжна думаетъ развеселить ее разными лакомствами, но все понапрасну, и бѣдная Катя уже считаетъ свою подругу рѣшительно ни къ чему негодной. Но надо замѣтить, что въ этой Катѣ, при всей ея избалованности, съ другой стороны замѣтна и нѣкоторая ожесточенность. Мать ея, при своемъ чисто барскомъ своенравномъ характерѣ, часто поступаетъ съ нею несправедливо; отъ непомѣрнаго баловства она вдругъ переходитъ къ ненужной, ничѣмъ особеннымъ невызываемой строгости, и въ ребенкѣ отъ этого развивается упорство и своенравная гордость своего рода. Понятно, что при такихъ качествахъ она долго не соглашается попросить прощенія у Неточки, которую огорчила тѣмъ, что слишкомъ любопытно ее распрашивала, кто такіе были и какъ жили ея родители. Къ тому-же вѣдь самолюбіе заставляетъ маленькую княжну завидовать Неточкѣ: всѣ говорятъ, что она и лучше учится, и добрѣе,—и вотъ Катѣ хочется показать, что у нея за то есть

такія преимущества, о которыхъ Неточка и думать не можетъ. Между-тѣмъ въ сердечко Кати уже невольно закралась привязанность къ Неточкѣ, но при своей такъ рано развившейся гордости и самолюбіи, она долго не хочетъ признаться въ этомъ и самой себѣ, а тѣмъ-менѣе выказать свое чувство. Она внутренно какъ будто-бы сознаетъ, до какой степени готова она подчиниться вліянію этой бѣдной дѣвочки, но гордость эгоизма, угнѣздившаяся въ избалованной дѣвочкѣ, долго не допускаетъ ее до подобнаго подчиненія. Но вотъ наконецъ Неточка рѣшительно побѣждаетъ ее тѣмъ, что со всѣмъ увлеченіемъ дѣтскаго самоотверженія беретъ на себя вину Кати, за что ее и сажаютъ въ ту мрачную комнату, которую ея разыгравшееся воображеніе обращаетъ въ «темницу». Только съ той минуты, когда Катя увидѣла такую полную любовь къ себѣ со стороны своей подруги, и собственная привязанность Кати къ ней разомъ вышла наружу. Но именно тутъ-то, когда стала часъ отъ часу крѣпнуть и развиваться ихъ дѣтская дружба, когда еще не извѣстное ей воспитательное начало стало проникать въ сердце Кати въ видѣ теплой любви къ добрѣйшему и такъ много уже испытавшему, въ своей маленькой жизни, ребенку,—именно тутъ, этому, можетъ быть еще первому, единственному дѣйствительно-воспитательному началу въ ея воспитаніи — и это, конечно, съ умысломъ — не даютъ развиться: Катю увозятъ въ Москву, а Неточку сдаютъ въ другой домъ. Она, какъ извѣстно, находитъ и тутъ лицо, къ которому привязывается тѣмъ крѣпче, что и это лицо—страдающее, несмотря на все приволье и блескъ своей обстановки; новая привязанность крѣпнетъ съ годами и вызываетъ новые самоотверженные поступки со стороны Неточки, уже дѣвицы... Но повѣсть, къ сожалѣнію, тутъ-то и обрывается...

Другой дѣтскій типъ Достоевскаго, которому онъ даетъ и умереть ребенкомъ послѣ всѣхъ, испытанныхъ имъ потрясеній, выведенъ имъ въ романѣ «Униженные и оскорбленные». Недостатки этого романа, которыхъ дѣйствительно много,—неестественность постоянной любви Наташи къ этому отвратительному барченку — вертопраху-плаксѣ Алешѣ, неестественность потакательства имъ обоимъ Ивана Петровича, отсутствіе разнообразія въ языкѣ дѣйствующихъ лицъ, оказывающемся какъ-бы сплошь языкомъ самого автора,—все это указано Добролюбовымъ. Я обращу вниманіе собственно на тотъ дѣтскій типъ, который выкупаетъ недостатки романа, на типъ маленькой Нелли. Она познакомилась съ горемъ, быть можетъ, даже короче, чѣмъ Неточка. Ей пришлось быть сви-

дѣтельницей оскорбленнаго положенія своей матери, которую бросилъ мужъ и отъ которой, за бракъ съ нимъ, отказался отецъ. Испытавъ всѣ возможные виды лишеній и огорченій, она наконецъ умираетъ на рукахъ у малютки дочери, которая остается затѣмъ на попеченіи женщины, едва не доводящей ее до конечной погибели. Но какъ ни много терпѣла отъ нея Нелли, когда ее вырываютъ изъ рукъ этой вѣдьмы, дѣвочка готова вернуться къ ней, чтобы только не дать ей новаго повода попрекать свою покойную мать за даровой хлѣбъ: она хочетъ отслужить Бубновой за эти такъ называемыя *благодѣянія* ея страдалицѣ матери,—не думая о томъ, что вѣдьма, съ которою она имѣетъ дѣло, никогда не будетъ считать этого стараго долга уплаченнымъ. Любя самоотверженно людей оскорбленныхъ, благоговѣя предъ самою памятью ихъ, Неточка способна съ другой стороны такъ-же сильно и глубоко ненавидѣть людей оскорбляющихъ. Еще ребенокъ, она не вѣритъ уже въ безкорыстіе людей, которыхъ не знаетъ: ей кажется, что если ей дѣлаютъ добро — она сейчасъ-же должна заплатить за него, чтобы не попрекали. Вотъ чѣмъ объясняется ея образъ дѣйствія съ Иваномъ Петровичемъ, которому она обязана спасеніемъ своимъ отъ Бубновой. За то, когда она окончательно убѣждается въ его сердечной привязанности къ ней, недовѣрчивая холодность сразу обращается у нея въ горячую и безграничную привязанность къ этому человѣку, причемъ въ ея молодую, преждевременно развившуюся душу западаетъ даже и ревность къ другому существу, о которомъ такъ много заботится онъ, — къ Наташѣ. Но когда онъ знакомитъ ее съ исторіей этой Наташи, въ которой она узнаетъ какъ-бы повтореніе исторіи своей матери, когда онъ умоляетъ Нелли перейти къ отцу Наташи съ тѣмъ, чтобы размягчить сердце озлобленнаго старика и привести его къ примиренію съ дочерью, Нелли изъявляетъ согласіе. Она забываетъ ревность, возникшую-было въ ея душѣ; она подавляетъ въ себѣ и отвращеніе къ отцу Наташи, вызванное его суровостью къ дочери, она съ увлеченіемъ разсказываетъ этому страшному для нея старику (напоминающему ей непреклоннаго ея дѣда), она съ жаромъ не по лѣтамъ разсказываетъ ему исторію своей матери и доводитъ его до того, что онъ съ отверстыми объятіями принимаетъ дочь свою. Но этотъ тяжелый разсказъ окончательно надрываетъ и безъ того уже истерзанное сердце дѣвочки: она, какъ бы тая, умираетъ жертвою могучаго жара, преждевременно переполнившаго ея душу. Но, дѣлаясь жертвой своей способности любить до самоотверженія—любить память матери, а съ тѣмъ вмѣстѣ любить и *чужую*, чуть-чуть не со-

перницу, изъ-за поразительнаго сходства въ ея судьбѣ съ судьбой матери, Нелли сохраняетъ до конца и способность безгранично ненавидѣть: она умираетъ, не прощая князя, погубившаго ея мать. А такое совмѣщеніе могучаго чувства съ не менѣе могучею страстью въ ребенкѣ, — это уже, конечно, не забитость личности, а преждевременное развитіе ея до крайнихъ предѣловъ. Послѣ этого намъ приходится окончательно признать вѣрнымъ приведенное выше сужденье Бѣлинскаго, не дождавшагося ни «Неточки», ни «Униженныхъ и оскорбленныхъ», но какъ-бы заранѣе угадавшаго смыслъ и будущихъ произведеній Достоевскаго. Если-же другой, не менѣе даровитый и гуманный критикъ, Добролюбовъ, обратилъ вниманіе только на другую сторону этихъ произведеній, совершенную *забитость* большинства дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, то это объясняется, надо думать, тѣмъ, что такія *не поддающіяся*, какъ Нелли, преждевременно гаснутъ, или же, если и выдерживаютъ до конца (чѣмъ должна кончить Неточка, мы не знаемъ), то, при всей силѣ самоотверженія, достигаютъ все-таки слишкомъ немногаго для поддержки подобныхъ себѣ «униженныхъ и оскорбленныхъ». Добролюбовъ, въ концѣ своей прекрасной статьи, доискивается причинъ того множества этого рода людей, какое представляетъ намъ жизнь, воспроизводимая Достоевскимъ; но онъ впадаетъ при-этомъ въ односторонность, доискиваясь главнымъ образомъ мѣстныхъ причинъ этого печальнаго явленія. Вопросъ, между тѣмъ, несравненно глубже: «униженные и оскорбленные» вслѣдствіе самаго своего положенія на нижнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, составляютъ явленіе не только мѣстное, но и обще-европейское, обще-человѣческое. Глупо и безнравственно было-бы, разумѣется, утѣшать себя этимъ: будь явленіе только мѣстнымъ, — противъ него-бы скорѣе могли быть отысканы мѣры, ему-бы скорѣе возможно было положить конецъ; явленіе-же всеобщее, противъ котораго тщетно испытываетъ разныя мѣры весь образованный міръ, должно корениться такъ глубоко, что невольно подрывается вѣра въ возможность искорененія. Повсемѣстность «униженныхъ и оскорбленныхъ», существованіе ихъ въ самыхъ «благоустроенныхъ» обществахъ объясняется тѣмъ, что нѣтъ еще во всемъ образованномъ мірѣ страны, гдѣ-бы была дѣйствительно ограничена власть величайшаго изъ тирановъ—капитала! Повсемѣстность такого явленія и доводила многихъ глубокихъ мыслителей до крайняго пессимизма и мизантропіи, до той мизантропіи, въ которой нерѣдко слышится гораздо болѣе любви къ человѣчеству, чѣмъ въ различныхъ идеальныхъ теоріяхъ: вѣдь онѣ такъ удобно приводятъ къ ко-

нечному благу и къ вѣрѣ въ достоинство человѣка, потому что создаются въ комфортабельномъ кабинетѣ, послѣ обильнаго гастрономическаго стола!

Возвращаясь собственно къ типамъ Достоевскаго, мы можемъ теперь окончательно заключить, что, кромѣ людей совершенно забитыхъ, онъ выводитъ и такихъ, въ которыхъ еще сохранилось сильнѣйшее проявленіе личности — самоотверженіе, или же такихъ, которыхъ подавленіе ея доводитъ до озлобленія. Съ личностями послѣдняго рода нашему автору пришлось наконецъ стать лицомъ къ лицу въ «Запискахъ изъ мертваго дома». Первое впечатлѣніе, испытанное составителемъ этихъ записокъ при поступленіи въ «мертвый домъ», было самое тяжелое, самое безотрадное. Это множество людей, собравшихся не по доброй волѣ съ разныхъ концовъ обширной земли русской въ одно разношерстное общество, трудящихся не по свободному выбору, не по собственному хотѣнію, — это общество и на читателя производитъ сначала такое мрачное впечатлѣніе, что онъ готовъ повторить стихи Пушкина:

„Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ
Какъ юношу любви свиданье...“

Но, приглядываясь къ людямъ, которые его окружаютъ, составитель записокъ мало по малу различаетъ между ними натуры, мало испорченныя или даже исполненныя самыхъ мягкихъ, самыхъ симпатическихъ качествъ. Такими чертами отличается напр. Сушиловъ, когда-то дворовый человѣкъ, Богъ вѣсть за что попавшій на ссылку въ безотчетно-безправныя времена крѣпостничества, а въ самомъ ужасномъ отдѣленіи «мертваго дома» очутившійся по наивности, заставившей его «смѣниться» съ другимъ арестантомъ. Не менѣе сочувственнаго представляетъ и этотъ красивый мальчикъ Сироткинъ, любимецъ своей крестьянки-матери, прямо изъ-подъ ея, по крайней мѣрѣ теплаго, крова попавшій въ рекруты; не помирившись со своей новой долей, онъ попытался сперва застрѣлиться, потомъ съ отчаянія, что это не удалось, вдругъ, въ порывѣ какого-то нравственнаго опьянѣнія, убилъ своего командира и послѣ этого мгновеннаго взры-

ва снова обратился въ кроткаго, тихенькаго ребенка. Другаго рода оттѣнокъ представляетъ Акимъ Акимычъ, человѣкъ, постоянно съ величайшимъ усердіемъ исполнявшій всѣ обязанности службы, но разъ, по глупости, хватившій въ своемъ усердіи черезъ край: разстрѣлявъ мирнаго кавказскаго князька, стрѣлявшаго по русскимъ крѣпостямъ, онъ безсознательно дошелъ до жестокости, поставленной ему въ вину и самимъ начальствомъ, въ сущности-же остался предобродушнымъ малымъ. А кавказецъ Нурра, котораго вина заключалась въ томъ, что, принадлежа къ числу «мирныхъ», онъ переходилъ къ «немирнымъ» и дѣйствовалъ противъ русскихъ! Несмотря на этотъ горскій патріотизмъ, онъ въ острогѣ предобродушно относился къ своимъ русскимъ товарищамъ, а автора записокъ привѣтствовалъ дружескимъ ударомъ по плечу, которымъ хотѣлъ, очевидно, выказать свое сердечное участіе къ «новичку». Или тотъ милый, кроткій Алей, о которомъ говоритъ авторъ, что «никогда его не забудетъ», — этотъ младшій братъ въ семьѣ горцевъ, напавшій вмѣстѣ со старшими на караванъ съ цѣлью грабежа, но даже не знавшій при-этомъ, куда и зачѣмъ его ведутъ, а слѣдовавшій за братьями потому, что младшему, по понятіямъ горцевъ, нельзя разсуждать, когда велятъ старшіе. Самъ по себѣ Алей—мягкій, добрый юноша. Онъ зачитывается въ острогѣ евангелія и съ особеннымъ наслажденіемъ думаетъ угодить христіанину тѣмъ, что говоритъ ему: «Иса былъ великій пророкъ!» А величавая фигура старика раскольника, сосланнаго за то, что, съ его точки зрѣнія, представляется религіознымъ подвигомъ, и свое пребываніе въ одномъ мѣстѣ съ каторжниками считающаго за спасительное мученичество! Понятна послѣ этого сила его нравственнаго вліянія на остальныхъ каторжныхъ, которые такъ ему довѣряютъ, что всѣ отдаютъ ему на сохраненіе свои деньги. Но, мало по малу вглядываясь и въ другія личности, авторъ и въ нихъ понемногу отыскиваетъ человѣческія черты. Такъ, онъ замѣчаетъ въ нихъ жажду полезной работы, работы съ цѣлью, со смысломъ, и ту готовность, съ которой они принимаются за работу такого рода и стараются окончить ее непремѣнно къ сроку, потому что это даетъ имъ возможность выказать себя съ доброй стороны. Или усердное справленіе праздниковъ, которымъ арестанты какъ-бы хотятъ сказать: «вѣдь и мы тоже люди, тоже христіане!» Или та почти дѣтская радость, что имъ разрѣшили театръ, который даетъ возможность обнаружить свои способности и внести хотя нѣкоторое разнообразіе въ ихъ однозвучную жизнь; или то, что пожертвованные калачи дѣлятся у нихъ постоянно поровну; или мягкія отношенія каторжниковъ къ ссыльнымъ изъ иноземъ-

цевъ, чуждыя всякой исключительности и нетерпимости. Вспомнимъ наконецъ и сцену выпуска на волю орла съ подстрѣленнымъ крыломъ, котораго никакъ не удалось жителямъ Мертваго Дома сдѣлать ручнымъ и который, быть можетъ, именно этимъ и вызываетъ ихъ особенное сочувствіе.

— «Пусть хоть околѣетъ, да не въ острогѣ», говорили одни.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не пріучишь къ острогу-то»,—поддакивали другіе.

— Знать онъ не такъ, какъ мы,» прибавилъ кто-то.

— Вишь сморозилъ: то птица, а мы, значитъ, человѣки.

— Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ, и т. д.

И вотъ, несвободные сами, они по крайней мѣрѣ отпускаютъ на волю этого неподдавшагося острогу царя и любуются, какъ онъ утекаетъ, несмотря на свое больное крыло.

— Вишь его!»—задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется!»—прибавилъ другой.

— А ты думалъ благодарить воротится?»—замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло, воля. Волю почуялъ.

— Слобода, значитъ.

— И невидать уже, братцы»....

Нельзя наконецъ не привести и слѣдующаго общаго замѣчанія составителя Записокъ:

«Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу, и вы видите въ немъ такое богатство, чувство, сердце, такое яркое пониманье и собственнаго и чужаго страданья, что у васъ какъ-бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали....»

Достоевскій вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, до какой степени сколько-нибудь мягкое отношеніе начальства къ этимъ людямъ и малѣйшее выраженіе съ его стороны довѣрія къ нимъ способно укрѣплять въ нихъ человѣческія чувства. Говоря объ одномъ изъ такихъ добрыхъ начальниковъ, онъ утверждаетъ: «потеряй онъ тысячу рублей, я думаю, первый воръ изъ нашихъ, если-бы нашелъ ихъ, отнесъ-бы къ нему». Зато всякое выраженіе въ родѣ—«ты знаешь, я могу съ тобой все сдѣлать»—«я тебя въ бараній рогъ согну» доводитъ этихъ людей до совершеннаго ожесточенія. Въ отпоръ тѣмъ, кто способенъ такъ выражаться, а равно и дѣйствовать въ соотвѣтственномъ духѣ, острожники противопоставляютъ гордую

терпѣливость при самыхъ ужасныхъ наказаніяхъ. Та же особаго рода гордость не позволяетъ имъ и сознаваться въ своей преступности. Такая гордость является со стороны арестантовъ мстительнымъ отпоромъ всему обществу, изъ-за котораго ихъ, какъ грозящихъ его безопасности, засадили въ острогъ. «Большинство совсѣмъ не винило себя; врядъ-ли кто изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности» *). Между тѣмъ, авторъ представляетъ намъ и говѣніе арестантовъ, показываетъ, какъ они, при выходѣ священника съ чашей и произнесеніи имъ словъ: «помяни мя яко разбойника», всѣ вдругъ, гремя цѣпями, падаютъ на землю, съ чувствомъ несомнѣннаго, искренняго раскаянія. Откуда-же вдругъ такое пробужденіе чувства виновности? Но вѣдь тутъ ихъ зовутъ словами, *одинаковыми для всѣхъ* (и съ разбойникомъ сравниваются тутъ *всѣ люди*), ихъ зовутъ къ пролившему свою кровь *за всѣхъ безъ изъятія*; тутъ, передъ этой *единой* чашей, они чувствуютъ себя дѣйствительно *равными со всѣми людьми*, тутъ и они—не отверженники родной семьи, и вотъ это-то сознанье разсмягчаетъ ихъ ожесточившіяся сердца и они готовы признать себя виноватыми, потому что тутъ оказываются виноватыми *всѣ вообще*. Въ концѣ «Записокъ изъ мертваго дома» Достоевскій спрашиваетъ: «...И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать, вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ, вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ? То—то, кто виноватъ?»

Но и съ этимъ вопросомъ опять-таки мы должны, къ сожалѣнію, обратиться ко всѣмъ странамъ и ко всѣмъ народамъ, такъ какъ вездѣ преступленія являются, въ большей или меньшей степени, слѣдствіемъ несовершенства порядковъ общественныхъ. Многое въ «Запискахъ изъ мертваго дома» отзывается собственно нашей жизнью, связано съ нашими порядками, къ счастью, отчасти теперь уже упраздненными. Отжило крѣпостное право — и цѣлый многочисленный разрядъ ссыльныхъ сдѣлался послѣ того невозможнымъ. Смягчилась военная дисциплина, и все рѣже и рѣже должны становиться преступленія, вызывавшіяся прежнею край-

*) Это вполнѣ подтверждается содержаніемъ тѣхъ *арестантскихъ пѣсенъ*, которыя приводятся С. В. Максимовымъ въ I-й ч. его труда: «Сибирь и Каторга».

нею строгостью. Новый судъ положилъ конецъ тому, что такъ глубоко возмущало составителя «Записокъ изъ мертваго дома», — необращенію вниманія на побудительныя причины, исключительному принятію въ разсчетъ только самаго *факта* преступленія. Право присяжныхъ—даже и признавая фактъ, оправдывать въ извѣстныхъ случаяхъ подсудимаго (право *священное*, безъ всякаго спора, хотя-бы на первыхъ порахъ и могли случаться злоупотребленія), въ свою очередь положило конецъ цѣлому разряду прежнихъ каторжниковъ. Подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ преобразованій много должно явиться, и другихъ подобнаго рода *изъятій и сокращеній* въ числѣ преступниковъ. Въ самомъ быту арестантовъ многое можетъ улучшиться, при введеніи той или другой новѣйшей, усовершенствованной пенитенціарной системы. Но впечатлѣніе, производимое книгой Достоевскаго, не потеряетъ основной своей силы и послѣ самыхъ рѣшительно-гуманныхъ преобразованій по тюремной части. Вчитываясь въ нее, такъ и чувствуешь, что, какъ-бы даже заключеннымъ ни было хорошо въ мѣстахъ заключенія, въ нихъ все-таки будетъ оставаться извѣстная доля озлобленія противъ общества, которое, видя въ нихъ враговъ своихъ, засадило ихъ хотя-бы и въ наикомфортабельнѣйшую клѣтку.

Выводъ, невольно остающійся у читателя по прочтеніи книги, — таковъ, что тюрьмы только ограждаютъ общество отъ опасныхъ членовъ, но ни при какихъ условіяхъ, сами по себѣ, не исправляютъ этихъ людей, а потому единственныя дѣйствительныя мѣры противъ преступленій—это мѣры, ихъ *предупреждающія*. Такими-же мѣрами могутъ оказаться только тѣ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ привели-бы и къ сокращенію числа «униженныхъ и оскорбленныхъ»; но, для подобнаго сокращенія, жизнь должна-бы устроиться на такихъ, широко-понимаемыхъ, началахъ справедливости и человѣчности, какихъ еще нѣтъ нигдѣ. И когда-то они хоть гдѣ нибудь будутъ!

Вотъ то заключеніе, которое придаетъ книгѣ Достоевскаго значеніе общечеловѣческое, и оно тѣмъ болѣе неотразимо, что авторъ не позволяетъ себѣ ни малѣйшей натяжки, ни малѣйшаго преувеличенія, нигдѣ не впадаетъ въ мелодраматизмъ или фальшивую идеализацію преступленія, а стремится только къ глубинѣ психическаго анализа, имъ вполнѣ и достигнутой. Это совсѣмъ не то, что мы видимъ у нѣкоторыхъ французскихъ писателей на ту же тему, у которыхъ преступники являются нерѣдко героями, а представители правосудія—какими-то мелодраматическими злодѣями. Дѣло вовсе не въ *злодѣяхъ* и не въ *герояхъ*, а въ цѣломъ и повсемѣстномъ порядкѣ вещей, жертвою котораго оказываются цѣлые разряды

«преступниковъ» *). У Достоевскаго эти послѣдніе, тѣмъ неменѣе, вовсе не являются образцами добродѣтели; они у него только остаются *людьми*, они у него—*несчастные*. Взглядъ Достоевскаго на преступника—это нашъ русскій народный взглядъ, тотъ взглядъ, который заставляетъ каждаго изъ народа съ особеннымъ радушіемъ подавать свою трудовую копейку именно такому «несчастному». Но взглядъ этотъ, повидимому, вынесенъ изъ ученія, столь-же хорошо извѣстнаго и всему христіанскому міру; взглядъ этотъ непосредственно основывается на словахъ: «не судите, да не судимы будете»—или: «кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый подними камень и брось въ нее». Не мало было говорено о томъ, до какой степени слабо народъ нашъ усвоилъ себѣ столько уже вѣковъ тому назадъ доставшееся ему просвѣщеніе христіанское. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ за нимъ особенную наклонность къ одной обрядности, при несомнѣнныхъ сотаткахъ привычекъ и сусвѣрныхъ понятій чисто языческихъ; дѣйствительно, непарушеніе поста нерѣдко соединяется у него съ самымъ вопіющимъ нарушеніемъ первыхъ основъ христіанской, или даже и всякой, нравственности, и вовсе невыдуманными оказываются такіе случаи, что осѣняли себя крестомъ, приступая къ совершенію преступленія. Все это такъ, и никакая ложная сентиментальность въ отношеніяхъ нашихъ къ народу не должна намъ мѣшать признаваться въ этомъ. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя стороны христіанскаго нравственнаго ученія запали, должно быть, уже очень давно въ глубину души нашего народа и, однажды запавъ, прочно пустили тамъ корни. Вотъ этимъ-то объясняется и тотъ мягкій, сострадательный взглядъ на преступника, который доставилъ ему у насъ, разумѣется, при вліяніи множества историческихъ обстоятельствъ, нисколько не оскорбительное названье «несчастнаго». Но намъ придется обратить вниманіе на то, выдержанъ-ли этотъ народно-христіанскій взглядъ самимъ Достоевскимъ въ его дальнѣйшихъ произведеніяхъ.

---

*) Есть, разумѣется, множество преступленій особаго рода, порождаемыхъ не *подавленіемъ личности*, а предоставленіемъ ей, иногда съ самаго дѣтства, *слишкомъ широкаго балующаго и развращающаго простора;* къ такому же широкому простору, въ силу реакціи, склонны стремиться и личности подавляемыя,—и вотъ ихъ-то и имѣетъ въ виду Достоевскій.

ЛЕКЦІЯ IV.

Достоевскій.—„Преступленіе и наказаніе“.—„Идіотъ“.—„Бѣсы“.

Мы разсмотрѣли цѣлый рядъ произведеній Достоевскаго, черезъ который проходитъ одна основная, любимая его мысль,—мысль о людяхъ, названныхъ у него «униженными и оскорбленными.» Люди эти, какъ мы видѣли, часто не выдерживаютъ своего положенія и преждевременно умираютъ, или же сходятъ съ ума; иные изъ нихъ, впрочемъ весьма немногіе, изъ оскорбленныхъ сами становятся оскорбителями; нѣкоторые находятъ себѣ нравственный исходъ въ сочувствіи чужому горю, въ томъ, чтобы, по возможности, по мѣрѣ силъ, услаждать положеніе другихъ, подобно имъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Наконецъ, въ «Запискахъ изъ мертваго дома» Достоевскій представилъ намъ цѣлый рядъ *озлобленныхъ*, доведенныхъ тѣмъ самымъ до *преступленія*. Тутъ мы видимъ какъ-бы рядъ глубокихъ психологическихъ этюдовъ, за которыми позже послѣдовала большая картина: «Преступленіе и наказаніе». Къ ней-то я и обращусь теперь.

Задача этого романа была чрезвычайно трудна; она могла оказаться по силамъ только такому высоко даровитому автору, какъ Достоевскій. Изобразить въ 1-й части романа весь процессъ преступленія, затѣмъ, въ слѣдующихъ частяхъ,—не что иное, какъ дальнѣйшее психологическое развитіе душевнаго состоянія преступника, сквозь которое проглядывало-бы и душевное настроеніе, предшествовавшее преступленію и его подготовившее—тема въ высшей степени тяжелая по своему гнетущему однообразію и по ужасному впечатлѣнію на читателя. И что-же? читаешь—и духъ замираетъ, однако же, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, не можешь оторваться отъ книги. Кто-же является тутъ преступникомъ? — Личность вполнѣ развитая, студентъ. Какое преступленіе совершаетъ онъ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ убійство для грабежа. Нельзя не сознаться, какъ и замѣтила въ свое время критика, что это случай въ полномъ смыслѣ слова исключительный, нѣчто совершенно особенное, выходящее изъ ряда; между тѣмъ читаешь — и по неволѣ вѣришь, что все это возможно, до такой степени психологически вѣренъ весь процессъ развитія преступленія и его послѣдствій. Преступникъ—бѣднякъ, но бѣднякъ мыслящій, стало быть, такой, которому несравненно тяжелѣе всякаго другаго бѣдняка. Онъ долженъ, для того, чтобы только просуществовать въ свое учебное время, заниматься обученьемъ дѣтей за мѣдный грошъ. При томъ усиленномъ умственномъ трудѣ, какого требуетъ университетская

наука, онъ лишонъ какихъ-бы то ни было удобствъ, лишонъ и высшихъ наслажденій, въ родѣ театра—всего, что доставляетъ человѣку совершенно законный отдыхъ отъ умственнаго труда. Бѣдность забила его въ душную кануру гдѣ-то на чердакѣ. Правда, онъ самъ говоритъ: «другіе трудятся, другіе выносятъ все это, и я могъ-бы еще трудиться; работаетъ же Разумихинъ», сознается онъ, указывая на выносливаго своего товарища, «да я озлился и не захотѣлъ. Я, какъ паукъ, къ себѣ въ уголъ забился».

Но авторъ умѣетъ показать намъ, что озлобленіе, доведшее Раскольникова до празднаго лежанія въ своемъ углу, до того, что онъ умышленно опустилъ руки и пересталъ работать, — это озлобленіе возникло не изъ однѣхъ только личныхъ причинъ. Раскольниковъ—одна изъ тѣхъ натуръ, которыя любитъ Достоевскій,—одна изъ натуръ, исполненныхъ участія къ чужому горю. Во время его процесса оказалось, что онъ, самъ бѣднякъ, въ продолженіи полугода поддерживалъ своего больнаго товарища; когда-же тотъ умеръ, онъ взялъ на свои руки его больнаго отца, помѣстилъ его въ больницу и похоронилъ на свои трудовыя деньги. При всей своей бѣдности, онъ хотѣлъ было жениться на дочери своей квартирной хозяйки, и что-же его привлекало къ ней? «Право не знаю», говоритъ онъ впослѣдствіи, уже послѣ ея смерти, «право не знаю, за что я къ ней тогда привязался, кажется, за то, что всегда больная... Будь она еще хромая, или горбатая, я бы, кажется, еще больше ее полюбилъ....» И при этой-то сильно развитой сострадательности, при этой чуткости сердца, онъ долженъ постоянно удерживать руку, которая такъ и протягивается у него на помощь кому-бы то ни было; онъ долженъ ее удерживать потому, что у него самого ничего нѣтъ, и если онъ станетъ слишкомъ щедро дѣлиться своими трудовыми деньгами, то ему придется быть въ тягость своей матери, которая, сама бѣдная, готова ему отдать послѣднее. А между тѣмъ мало-ли видитъ онъ вокругъ себя такихъ рукъ, которымъ было-бы такъ легко протянуться къ переполненному сундуку, чтобы вынуть оттуда и не малую даже ленту на помощь ближнему, но руки эти преспокойно остаются себѣ неподвижными. А тутъ еще это ожесточающее впечатлѣніе, производимое старухой ростовщицей, къ которой Раскольникову, какъ и многимъ другимъ, приходится прибѣгать. Вспомните тотъ моментъ, когда онъ идетъ къ ней, чтобы заложить послѣднее, что у него осталось—часы своего покойнаго отца. Съ какимъ хладнокровіемъ она оцѣниваетъ ихъ въ полтора рубля и при этомъ еще усчитываетъ проценты. У него-же эти полтора рубля исчезаютъ рѣшительно незамѣтно, потому что онъ,

по обыкновенію, сейчасъ-же дѣлится ими съ другими. За посѣщеніемъ ростовщицы, какъ извѣстно, слѣдуетъ страшная сцена въ распивичной, гдѣ является Мармеладовъ,—одна изъ тѣхъ сценъ, въ которыхъ кажущійся комизмъ рѣшительно поглощается самымъ ужаснымъ трагизмомъ. И какими глазами долженъ глядѣть Раскольниковъ на этого пьянаго Мармеладова, съ такой откровенностью высказывающаго все, что у него на душѣ, нисколько себя не прикрашивая и не извиняя? Ему, конечно, невольно должно приходить въ голову: «не то же ли довело этого человѣка до пьянства, что меня довело до лежанія въ моей канурѣ?» Какъ не прійти къ подобному заключенію послѣ слѣдующаго обращенія Мармеладова къ содержателю распивочной: «Думаешь-ли ты, продавецъ, что этотъ полуштофъ твой мнѣ въ сласть пошелъ? Скорби, скорби искалъ я на днѣ его, скорби и слезъ, и вкусилъ, и обрѣлъ; а пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, и Кто всѣхъ и вся понималъ, Онъ единый, Онъ и Судія. Пріидетъ въ тотъ день и спроситъ: «А_гдѣ дщерь, что мачихѣ злой и чахоточной, что дѣтямъ чужимъ малолѣтнымъ себя предала? Гдѣ дщерь, что отца своего земнаго, пьяницу непотребнаго, не ужасаясь звѣрства его, пожалѣла? И скажетъ: «Пріиди! Я уже простилъ тебя разъ... Простилъ тебя разъ—прощаются-же и теперь грѣхи твои мнози, за то, что возлюбила много»...

Всего болѣе, конечно, должна поразить Раскольникова участь этой Сони, которая «для мачихи злой, для дѣтей чужихъ себя предала». И что-же? возвращаясь домой послѣ этой потрясающей сцены, онъ застаетъ письмо отъ матери, изъ котораго видитъ, что сестра его, проживая гувернанткою у г. Свидригайлова, чуть-чуть не попала въ положеніе Сони. Ей удалось спастись оттуда, но она рѣшается схватиться за выгодный бракъ съ г. Лужинымъ, «котораго она, конечно, не любитъ», какъ сознается сама мать въ письмѣ, «но который, кажется, человѣкъ хорошій». — «Это *кажется* всего великолѣпнѣе», восклицаетъ Раскольниковъ, «и эта-же Дунечка за это-же *кажется* замужъ идетъ!» — Понятно послѣ этого дѣлаемое Раскольниковымъ сопоставленіе: «тутъ мы и отъ Сонечкина жребія пожалуй-что не откажемся! Сонечка, Сонечка Мармеладова, вѣчная Сонечка, пока міръ стоитъ! Жертву-то, жертву-то обѣ вы измѣрили-ли вполнѣ? Знаете-ли вы, Дунечка, что Сонечкинъ жребій ничѣмъ не скверпѣе жребія съ г. Лужинымъ? «*Любви тутъ не можетъ быть*, пишетъ мамаша». Онъ человѣкъ достаточный; съ нимъ можно поправить свои обстоятельства—а также и обстоятельства брата... Но вѣдь то, что предпринимаетъ Дунечка, продолжаетъ внутренно

разсуждать Раскольниковъ, «можетъ быть хуже, гаже, подлѣе того, что̀ выбрала Сонечка, потому что у васъ, сестрица, все-таки на излишекъ комфорта разсчетъ, а тамъ просто на просто о голодной смерти дѣло идетъ»... А что̀ ежели этотъ разсчетъ—главнымъ образомъ для него, для милаго братца Родіона Романовича? «Не бывать тому!» рѣшаетъ онъ. «А что̀-же ты сдѣлаешь, чтобы этому не бывать? Всю судьбу свою, всю будущность свою имъ посвятишь, когда кончишь курсъ и мѣсто достанешь? Слышали мы это, да вѣдь это *буки*, а теперь?....»

И послѣ этого письма, обнажившаго передъ нимъ всю отталкивающую некрасоту его положенія — положенія человѣка, для котораго осмѣливаются приносить подобнаго рода жертвы—вдругъ эта нечаянная встрѣча на бульварѣ съ дѣвочкой, которую кто-то подпоилъ, и съ господиномъ, подстерегающимъ ее издали—конечно не изъ состраданія. И какая ужасающая иронія сказывается въ разсужденіи Раскольникова о тѣхъ двадцати копѣйкахъ, которыя далъ онъ городовому, чтобы нанять извощика и отвезти дѣвочку: «двадцать копѣекъ мои унесъ... ну пусть и съ того тоже возьметъ, да и отпуститъ съ нимъ дѣвочку, тѣмъ и кончится... И чего я взялся тутъ помогать! Ну мнѣ ли помогать? Имѣю-ли я право помогать? Да пусть ихъ переглотаютъ другъ-друга живьемъ, — мнѣ-то чего! И какъ я смѣлъ отдать эти двадцать копѣекъ? Развѣ онѣ мои?» Дѣло въ томъ, что помощь, оказанная имъ,—«капля въ морѣ»; да и не глупо-ли такъ ребячески протестовать противъ неизбѣжнаго порядка вещей?! «Такой процентъ, говорятъ, долженъ уходить всякій годъ, куда-то... къ чорту, должно быть, чтобы остальныхъ освѣжать и имъ не мѣшать. Процентъ! Славныя, право, у нихъ словечки: они такія успокоительныя, научныя. Сказано—процентъ, стало быть и тревожиться нечего.... А что, коль и Дунечка какъ-нибудь въ процентъ попадетъ! Не въ тотъ, такъ въ другой?...»

Вотъ послѣ этого-то и приходится ему случайно подслушать разговоръ между студентомъ и офицеромъ, одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые иногда происходятъ безъ всякаго умысла и безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, — но тутъ, послѣ всего предшествующаго, чужой разговоръ получаетъ для Раскольникова роковое значеніе. Студентъ говоритъ о той-же ростовщицѣ, которая такъ хорошо знакома Раскольникову, выставляетъ эту гадкую, тщедушную старушонку мучительницею своей здоровой, крѣпкой, но кроткой и забитой сестры. Но что-же ожидаетъ и впередъ эту кроткую Лизавету за ея долговременное терпѣніе и тяжелую, трудовую жизнь? Старуха далека отъ мысли о томъ,

чтобы, по крайней мѣрѣ, отказать ей послѣ себя хотя какую-нибудь частичку своихъ стяжаній. Все должно послужить для нея же самой по ту сторону гроба. Не даромъ-же она обходилась всю жизнь безъ удобствъ и только *копила*: посредствомъ накопленнаго она разсчитываетъ, въ религіозномъ своемъ эгоизмѣ, припасти себѣ тепленькое мѣстечко въ загробномъ мірѣ, для чего и отказываетъ все свое состояніе въ монастырь. А что, еслибы иначе употребить это состояніе?—вотъ вопросъ, невольно представляющійся студенту, разговаривающему съ офицеромъ. «Молодыя, свѣжія силы, пропадающія даромъ, безъ поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь! Сотни, тысячи, можетъ быть, существованій, направленныхъ на дорогу; десятки семействъ, спасенныхъ отъ нищеты, отъ разложенія, отъ гибели, отъ разврата.... и все это на ея деньги! Убей ее и возьми ея деньги съ тѣмъ, чтобы съ ихъ помощью посвятить потомъ себя на служеніе всему человѣчеству и общему дѣлу: какъ ты думаешь, не загладится-ли одно крошечное преступленьице тысячами добрыхъ дѣлъ? За одну жизнь—тысячи жизней, спасенныхъ отъ гніенія и разложенія; одна смерть—и сто жизней взамѣнъ,—да вѣдь тутъ ариѳметика!» Правда, на вопросъ, сдѣланный студенту офицеромъ: «убилъ-ли-бы онъ самъ старуху?» студентъ отвѣчаетъ: «Разумѣется нѣтъ.... не во мнѣ тутъ дѣло». Но Раскольникову, послѣ всего, что онъ перечувствовалъ и передумалъ, невольно представляется мысль: не онъ-ли на это призванъ? Ему, конечно, случалось и прежде слышать подобные разговоры и никогда они не пропадали для него даромъ. Однажды онъ написалъ даже цѣлую статью о томъ, что многое только принято называть преступленіемъ, и что эта кличка удерживаетъ робкихъ людей отъ того, что на самомъ дѣлѣ было-бы вовсе не преступленіемъ. Въ статьѣ этой развивалось софистическое ученіе о томъ, что есть люди обыкновенные, и есть люди необыкновенные. Необыкновенные люди — это «власть имущіе»; они имѣютъ право переступать ту черту, которая удерживаетъ другихъ. Необыкновенные люди одарены смѣлостью, которая и увѣнчиваетъ ихъ поступки успѣхомъ, обращающимъ эти поступки въ великія дѣла, въ подвиги; тогда какъ при неуспѣхѣ тотъ-же самый поступокъ представляется преступленіемъ. Для того, чтобы провести какую-нибудь новую мысль, необыкновенные люди будто бы и могутъ, и должны всячески устранять всѣ преграды.

Вотъ ученіе, развитое Раскольниковымъ въ его статьѣ: вся сила только въ томъ, чтобы *умѣть «дерзнуть»*. Статья написа-

на за нѣсколько мѣсяцевъ до преступленія, подготовлявшагося съ величайшею постепенностью. Статья, надо думать, обдумывалась въ тѣ дни, когда Раскольниковъ, повидимому, праздно лежалъ въ своей канурѣ, на самомъ-же дѣлѣ внутренно работалъ надъ тѣмъ, что̀ давалъ ему тяжелый жизненный опытъ. Долго статья эта могла имѣть для него только теоретическое значеніе. Для практическаго примѣненія она пригодилась ему лишь тогда, когда накопились новыя, но все въ томъ-же родѣ, жизненныя впечатлѣнія—впечатлѣнія отъ различныхъ роковыхъ встрѣчъ и отъ несчастнаго письма матери. Отъ этихъ встрѣчъ и этого письма созрѣвшая въ немъ мысль переходитъ въ жажду дѣла, которая и обращаетъ его наконецъ въ своего раба. Но авторъ, поставивъ своего героя на такую дорогу, заставивъ его этимъ путемъ прійти къ преступленію, сильно рисковалъ выставить его однимъ изъ тѣхъ мелодраматическихъ героевъ, какихъ мы можемъ найти не мало, особливо во французской литературѣ. Опасность, однако, вполнѣ обойдена нашимъ авторомъ. Раскольниковъ вовсе не становится героемъ; Достоевскій не поднимаетъ его на ходули—его преступленіе такъ и остается *преступленіемъ*. Раскольниковъ совершаетъ его какъ невольникъ всецѣло имъ овладѣвшей идеи, какъ своего рода мономанъ. Оттого-то и забываетъ онъ о необходимыхъ предосторожностяхъ,—прежде всего о томъ, что надо запереть дверь; въ эту-то дверь и входитъ несчастная Лизавета, которой приходится стать его второй, уже совершенно нечаянной жертвой. Съ Раскольниковымъ такимъ образомъ происходитъ то, что̀ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: за однимъ, предумышленнымъ убійствомъ непосредственно слѣдуетъ другое, случайное: чувство самосохраненія, вдругъ пробудившееся въ Раскольниковѣ, заставляетъ его поразить роковымъ топоромъ и эту несчастную, которую самъ онъ всегда такъ жалѣлъ. Уже этого одного довольно, чтобы не дать ему возможности вообразить себя героемъ.

«О, какъ я ненавижу теперь эту старушонку!» говоритъ онъ впослѣдствіи,—«кажется-бы, другой разъ убилъ, еслибы очнулась!» Но удивить можетъ то, чему удивляется и онъ самъ — *почему онъ при этомъ почти не думаетъ о Лизаветѣ, точно и не убивалъ ее*. Но это—психологическая тонкость, объясняемая тѣмъ, что въ сознаніи Раскольникова особенно живо то, что̀ входило въ первоначальный, долговременно выношенный замыселъ преступленія, а убійство Лизаветы—случайность, въ него не входившая. Но какъ тяготитъ его эта случайность въ тѣ минуты, когда она возникаетъ въ его сознаніи, видно изъ слѣдующихъ

словъ: «....Бѣдная Лизавета! Зачѣмъ она тутъ подвернулась!.... Лизавета! Соня! бѣдныя, кроткія, съ глазами кроткими, милыя!»...

Совершивъ уже вовсе неразсчитанное второе убійство, неминуемо вытекшее изъ перваго, онъ не рѣшается воспользоваться деньгами. Сперва, въ попыхахъ, онъ себѣ набиваетъ карманы, но, даже не глядя, много-ли имъ взято, спѣшитъ поскорѣе избавиться отъ награбленнаго, поскорѣе зарыть это все гдѣ-то тамъ подъ камнемъ. Авторъ, склонный къ мелодраматизму, совершенно иначе распорядился-бы этими деньгами: онъ заставилъ-бы своего героя тотчасъ-же употребить ихъ съ широкими цѣлями и этимъ употребленіемъ возвысить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. А вѣдь поводъ къ тому представился очень скоро. За преступленіемъ слѣдуетъ несчастный случай съ Мармеладовымъ: на него наѣзжаетъ карета и разшибаетъ его до смерти. Раскольниковъ, какъ извѣстно, отвозитъ его домой, гдѣ онъ и умираетъ, оставляя окончательно нищими жену и дѣтей. Вотъ тутъ-то, казалось-бы, и воспользоваться старухиными деньгами, поспѣшить ихъ достать изъ подъ камня и отдать Мармеладовой, чтобы затѣмъ имѣть право сказать: «я, при всемъ моемъ преступленіи,—благодѣтель человѣческаго рода». Ничего подобнаго нѣтъ у нашего автора, просто и правдиво наблюдающаго человѣческую природу. Раскольниковъ даетъ вдовѣ тѣ трудовыя деньги своей матери, которыя она ему только что выслала. Но авторъ, съ другой стороны, показываетъ, нисколько все-таки не впадая въ ложный идеализмъ, что этотъ поступокъ на время доставляетъ отраду Раскольникову. «...Онъ сходилъ тихо, не торопясь (съ лѣстницы дома Мармеладовыхъ), весь въ лихорадкѣ, и не сознавая того, полный одного, новаго, необъятнаго ощущенія вдругъ прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущеніе могло походить на ощущеніе приговореннаго къ смертной казни, которому вдругъ и неожиданно объявляютъ прощеніе...» Изъ подъ вліянія страшныхъ ощущеній, соединенныхъ съ убійствомъ, онъ вдругъ попадаетъ въ положеніе иного рода: онъ только-что утеръ другимъ людямъ слезы, онъ, стало быть,—нужный членъ въ человѣческой семьѣ. Вотъ онъ уходитъ, унося съ собою это живительное сознаніе, и его догоняетъ малютка Поленька, посланная старшей сестрой, чтобы узнать имя ихъ благодѣтеля. «Онъ положилъ ей обѣ руки на плечи и съ какимъ-то счастьемъ глядѣлъ на нее...». «....Тоненькія, какъ спички, руки ея обхватили его крѣпко, крѣпко, голова склонилась къ его плечу, и дѣвочка тихо заплакала», прижимаясь лицемъ къ нему всѣ крѣпче и крѣпче.... «Папочку жалко!» проговорила она, съ такой чистой любовью повѣряя ему свое горе, вовсе въ немъ не подозрѣвая преступника, да

и не зная даже, въ дѣтской своей чистотѣ, что на свѣтѣ есть преступленія.

Но душевное счастье, конечно, достается Раскольникову не на долго, — ощущеніе совершоннаго передъ тѣмъ преступленія опять полновластно занимаетъ мѣсто въ его душѣ. Вспомните картину поминокъ по Мармеладовѣ, картину, въ которой его вдова разыгрываетъ такую страшную роль, кажущуюся сначала чуть не каррикатурною, но вполнѣ объясняющуюся помѣшательствомъ этой несчастной женщины. Вспомните то униженіе, которое приходится тутъ вынести Сонечкѣ, заподозрѣнной въ кражѣ г. Лужинымъ, подготовившимъ съ особеннымъ злостнымъ стараніемъ эту ужасную сцену;—и что-же?—у Раскольникова не хватаетъ тутъ духу выступить защитникомъ Сонечки. Видя, что ея и безъ того уже горькая чаша окончательно переполнилась, онъ только удивляется ея терпѣнію и выносливости и думаетъ найти въ ней опору самому себѣ. Вмѣсто того, чтобы громко принять ея сторону, онъ только думаетъ про себя: пойду потомъ къ ней, разскажу ей все, ей одной исповѣдаю все, что я совершилъ; она одна это вынесетъ, она одна поддержитъ меня. Прійдя къ ней и ставъ передъ ней на колѣни, онъ цѣлуетъ ея ноги и говоритъ: «я не тебѣ поклонился, я всему страданію человѣческому поклонился». Черта эта, отдѣльно взятая, можетъ показаться нѣсколько изысканною, но въ связи со всѣмъ остальнымъ она является совершенно естественною: поклонъ этотъ усладителенъ для Раскольникова, потому-что это поклонъ существу, также заклейменному печатью отверженія потому-что это поклонъ тому, изъ чего вытекаетъ множество преступленій и чѣмъ эти преступленія выкупаются. Въ этомъ поклонѣ Раскольникова нѣтъ ни малѣйшей рисовки, разсчета на эффектъ; это окончательно подтверждается тѣмъ, что слѣдуетъ далѣе. Вспомните всю эту картину: убійца и грѣшница въ пустой, холодной комнатѣ, при догорающемъ огаркѣ—какая опять благодарная почва для мелодрамы! Какъ много они могли-бы сказать громкихъ фразъ, въ родѣ, напримѣръ, такихъ: «да, мы преступники, но мы выше, мы чище всѣхъ остальныхъ!» Но у Достоевскаго ничего этого и въ поминѣ нѣтъ: онъ заставляетъ Сонечку прочесть Раскольникову главу о воскресеніи Лазаря, по книгѣ, которую не за долго до своей смерти принесла ей бѣдная Лизавета, убитая этимъ самымъ Раскольниковымъ, безотвѣтно слушающимъ теперь чтеніе изъ этой книги, горячее чтеніе глубоко-проникнутой вѣрою грѣшницы.

Но тутъ онъ еще не открывается Сонѣ; онъ къ ней приходитъ вторично и тогда лишь высказываетъ ей все, а она отвѣчаетъ про-

стыми, вырвавшимися изъ сердца словами: «Нѣтъ, нѣтъ тебя несчастнѣе никого теперь въ цѣломъ свѣтѣ!»; т. е. она сердцемъ выражаетъ тотъ взглядъ на преступника, который, какъ видѣли мы, проведенъ Достоевскимъ черезъ «Записки изъ мертваго дома». Раскольниковъ, открываясь Сонѣ, нисколько не старается прикрасить преступленіе благовидными побужденіями; напротивъ, онъ производитъ у нея на глазахъ самый страшный разлагающій анализъ самого себя, и все сколько нибудь-благовидное, способное благопріятно подѣйствовать на нее, положительно въ себѣ отрицаетъ. «Не для того, говоритъ онъ, чтобы матери помочь, я убилъ —вздоръ!.... Не для того я убилъ, чтобы, получивъ средства и власть, сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества... другое толкало меня подъ руки: мнѣ надо было узнать тогда и поскорѣй узнать, смогу-ли я *переступить*, или не смогу? Тварь-ли я дрожащая или право имѣю?»... Вотъ что онъ говоритъ ей, этой рѣшительно чуждой разсудочныхъ ухищреній Сонѣ; еслибы онъ хотѣлъ рисоваться, то долженъ бы былъ говорить совершенно другое, потому что именно этого «право имѣю» она и не въ состояніи понять. «....Право кровь проливать!» говоритъ она ему съ ужасомъ. Еслибы онъ хотѣлъ оправдать себя передъ ней, онъ бы ей сталъ говорить о тѣхъ симпатическихъ чувствахъ, которыхъ въ немъ дѣйствительно много, но которыхъ онъ какъ-будто уже и не сознаетъ въ себѣ. Онъ знаетъ, что ее привело въ ея унизительное положеніе, что дало ей силу «позоръ принять» и «съ жизнію не покончить»; онъ знаетъ, что силу эту дала ей любовь, самоотверженная любовь къ бѣднымъ чужимъ дѣтямъ, къ полусумасшедшей мачихѣ. Соня требуетъ отъ него, чтобы онъ пошелъ и объявилъ о томъ, что онъ сдѣлалъ: съ ея точки зрѣнія иначе онъ поступить не можетъ. — «Пойди, поцѣлуй землю, которую ты обагрилъ кровью, и скажи — «я убилъ», говоритъ она ему. «Зачѣмъ пойду, что имъ скажу?» отвѣчаетъ онъ, такъ смиренно поклонившійся ей и въ лицѣ ея человѣческому страданію, но не способный, какъ она, совершенно смириться. Дѣло въ томъ, что къ нему, сравнительно съ нею, можно-бы было примѣнить извѣстный эпитетъ Ап. Григорьева — *хищный*. Онъ хищенъ и гордъ своею хищностью въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ горды и герои «Мертваго дома». «Что имъ скажу? Они сами милліонами людей изводятъ, да еще за добродѣтель почитаютъ» говоритъ Раскольниковъ. Кончается однако-же тѣмъ, что онъ идетъ и объявляетъ о своемъ преступленіи, какъ дѣлаетъ это многое множество преступниковъ, остающихся тѣмъ-не-менѣе и гордыми, и озлобленными въ глубинѣ души. Та-же гордость и озлобленіе сохраняются и въ Раскольниковѣ и во время суда, и долгое время

на каторгѣ. «Его гордость сильно была уязвлена, онъ строго судилъ себя, и ожесточенная совѣсть его не нашла никакой особенно ужасной вины въ его прошедшемъ, кромѣ развѣ простаго промаха».

Только мало-по-малу это озлобленіе уступаетъ вліянію несчастной многолюбящей Сони, которая слѣдуетъ за нимъ и на каторгу, гдѣ она умягчительно дѣйствуетъ и на сердца другихъ, вовсе ей незнакомыхъ, каторжниковъ. «Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша нѣжная, болѣзная!» обращались къ ней эти грубые люди, столь чуткіе, какъ мы знаемъ по «Мертвому дому», къ малѣйшему проявленію человѣчности въ обращеніи съ ними. Ея-то беззавѣтная любовь къ людямъ пробуждаетъ наконецъ и въ Раскольниковѣ угасшую вѣру въ человѣка; въ немъ происходитъ то, что онъ самъ какъ-бы предвидѣлъ заранѣе, заставивъ ее прочесть себѣ о воскресеніи Лазаря. То нравственное чудо, которое совершается въ церкви «Мертваго дома» высшею христіанскою любовью, призывающею и преступниковъ, наравнѣ съ другими, къ одной уравнивающей всѣхъ чашѣ,—то-же чудо совершается тутъ надъ Раскольниковымъ неотразимымъ вліяніемъ его спутницы, несмотря ни на что не озлобившейся и не переставшей «много любить».

Но въ «Преступленіи и наказаніи» есть и другіе характеры, служащіе болѣе или менѣе для того, чтобы, при сопоставленіи съ ними, ярче выдавалась впередъ личность Раскольникова. Вотъ, во-первыхъ, въ высшей степени приличный, трудомъ себѣ проложившій дорогу, строго нравственный, какъ онъ думаетъ самъ и какъ думаютъ о немъ люди, Петръ Петровичъ Лужинъ;—но авторъ живо даетъ почувствовать, что этою благовидностью поступковъ, съ которою, разумѣется, онъ никогда не попадетъ подъ судъ, прикрывается самый отвратительный, всепоглощающій эгоизмъ. Совершенно другое лице Свидригайловъ — широкая необузданная натура, человѣкъ не разъ называющій себя, въ глаза Раскольникову, «одного съ нимъ поля ягодой», и, конечно, не безъ извѣстнаго основанія. Раскольниковъ вліяніемъ различныхъ жизненныхъ впечатлѣній доведенъ до теоріи, по которой вся сила въ томъ, чтобы «дерзнуть»;—Свидригайловъ безъ всякихъ теорій давно и постоянно «дерзалъ», практически предоставивъ себѣ свободу, незнающую закона самоограниченія. Но въ натурѣ этого человѣка существуютъ и симпатическія поползновенія: передъ смертью онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, обезпечиваетъ семейство Мармеладовыхъ. Къ Дунечкѣ, какъ мы убѣждаемся, онъ питалъ постоянную, глубокую страсть, которая про-

никается наконецъ и уваженіемъ къ ней, заставляющимъ его уважить свободу ея воли, а потомъ, съ отчаянія въ томъ, что любилъ безотвѣтно, покончить съ самимъ собою. Свидригайловъ служитъ въ романѣ и къ тому, чтобы окончательно не допустить поднять на пьедесталъ Раскольникова, и къ тому, чтобы не дать подняться рукѣ съ побивающимъ камнемъ даже и на такихъ, повидимому, вполнѣ развращенныхъ, какъ онъ.

Самымъ выдающимся лицомъ послѣ Раскольникова является постоянно противопоставляемый ему въ романѣ товарищъ его Разумихинъ; но въ этой личности, т. е. въ ея художественномъ воспроизведеніи, могутъ легко быть различены двѣ стороны. Разумихинъ—это добрякъ, прямая душа, притомъ дѣловитъ, постоянно трудящаяся, выносливая и неувлекающаяся натура; это одинъ изъ тѣхъ людей, которые не пропадутъ никогда и нигдѣ. Всѣ эти черты такъ стройно соединены въ немъ, что изъ нихъ слагается вполнѣ живой человѣкъ. Но съ другой стороны ему приписаны авторомъ многіе взгляды, которыхъ назначеніе, очевидно, служить только отпоромъ для взглядовъ Раскольникова, а равно и выраженіемъ взглядовъ самого автора. Разумихинъ много говоритъ о нашей «недѣловитости», о томъ, что мы «чуть не двѣсти лѣтъ какъ отъ всякаго дѣла отучены», т. е., надо думать, со временъ петровской реформы отучены отъ всякой самостоятельной дѣятельности. Онъ не разъ возвращается къ этой точкѣ зрѣнія, въ сущности вовсе не вытекающей ни изъ его характера, ни изъ его положенія. «...Всѣ вы, до единаго, болтунишки и фанфаронишки!» говоритъ онъ Раскольникову; «заведется у васъ страданьице — вы съ нимъ, какъ курица съ яйцомъ, носитесь! Даже и тутъ воруете чужихъ авторовъ,—ни признака жизни въ васъ самостоятельной!» Другой разъ называетъ онъ Раскольникова «переводомъ съ иностраннаго», а обо всѣхъ насъ вообще говоритъ, что мы «и соврать-то своимъ умомъ не умѣемъ». «Всѣ-то мы, всѣ безъ исключенія, по части науки, развитія, мышленія, идеаловъ, желаній, либерализма, всего... еще въ первомъ предуготовительномъ классѣ гимназіи сидимъ! Понравилось чужимъ умомъ пробавляться,—въѣлись!»... Все это, взятое само по себѣ, далеко не лишено правды, но въ романѣ это своего рода славянофильство какъ-то не вяжется съ Разумихинымъ, какъ съ живымъ человѣкомъ, представляется чѣмъ-то со стороны въ него вложеннымъ, съ цѣлью—указать на то, что Раскольниковъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ «чужихъ книжекъ». Но вѣдь это, мнѣ кажется, противорѣчитъ тому глубокому психологическому анализу, который, составляя всю силу романа, такъ ясно показы-

ваетъ, до какой степени преступленіе Раскольникова подготовлялось жизненными впечатлѣніями. Софистическія страницы, вычитанныя изъ книжекъ, имѣли тутъ значеніе только потому, что психическое состояніе Раскольникова представляло для нихъ вполнѣ благодарную почву. Да и откуда берутся тѣ или другія ученія? Конечно, они возникаютъ изъ жизни. Возникновеніе ихъ на западѣ доказываетъ, что имъ есть изъ чего возникать тамъ; если-же, переносимыя къ намъ, они не проносятся мигомъ, а прививаются крѣпко,—то имъ, значитъ, есть къ чему у насъ прививаться.

Не мало было говорено о смѣнѣ различныхъ напускныхъ направленій въ нашей запоздалой и наскоро догоняющей другихъ образованности; съ указанія на нее даже и началъ я эти лекціи. Но, схвативъ на лету нѣсколько періодовъ чужаго развитія, мы, наконецъ, чувствуя себя уже пробѣжавшими большую часть дороги, стали менѣе торопиться, болѣе вдумываться въ заимствуемое, притомъ проникать уже въ самую сущность, а нетолько скользить по поверхности. Уже байронизмъ оказался у насъ не только формальнымъ явленіемъ; онъ у насъ нетолько скользнулъ, а до извѣстной степени привился, хотя и на время и сильно видоизмѣнившись, привился потому, что многія мѣстныя наши обстоятельства содѣйствовали подобной прививкѣ. То-же было потомъ, и будетъ, можетъ быть, еще долго и со многими другими заимствованными, новѣйшими «*измами*». И теперь объяснять себѣ дѣло исключительно тѣмъ, что все это берется откуда-то съ вѣтру, значило-бы напускать себѣ туману въ глаза и подавать поводъ къ неосновательнымъ, а практически даже и несовсѣмъ полезнымъ выводамъ.

Въ эпилогѣ романа герой видитъ сонъ, рѣшительно отзывающійся *придуманностью*: «появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились сейчасъ-же бѣсноватыми или сумасшедшими». Подъ этими трихинами, очевидно, разумѣются опять-таки различныя идеи, вычитанныя изъ чужихъ книжекъ; но если и сравнивать эти идеи съ заразой, то развѣ съ такою, которая пристаетъ только къ людямъ, внутренно къ тому предрасположеннымъ *).

*) Сонъ Раскольникова представляется «холодною аллегоріею» и даровитому автору критики романа, помѣщенной вскорѣ послѣ его появленія въ «Отечественныхъ Запискахъ». Это однакоже не помѣшало критику считать Раскольникова, въ сущности, жертвою подобныхъ *три-*

Между тѣмъ сонъ Раскольникова составляетъ прямой переходъ къ дальнѣйшимъ произведеніямъ Достоевскаго,—къ «Идіоту» и «Бѣсамъ». Тутъ, сколько я, по крайней мѣрѣ, понимаю, нашъ авторъ окончательно попадаетъ не на свою дорогу, уклоняясь отъ той, которая дала ему возможность такъ глубоко проявить свое прекрасное дарованіе и свое гуманное сердце. Достоевскій увлекся примѣромъ другихъ — обратился къ тому ряду явленій, которыя вызвали въ нашей литературѣ типы въ родѣ Базарова, Марка Волохова и др. Это-бы еще ничего, это было-бы даже прекрасно, если-бы онъ посмотрѣлъ на нихъ со своей характеристической точки зрѣнія; но нашъ симпатическій авторъ, къ сожалѣнію, сталъ испытывать въ это время вліяніе особаго литературнаго круга, относящагося къ этимъ явленіямъ слишкомъ односторонне. Съ своей прежней точки зрѣнія, Достоевскій посмотрѣлъ-бы на многихъ людей, выведенныхъ имъ въ «Идіотѣ» и въ «Бѣсахъ», какъ на тѣхъ-же «несчастныхъ». Съ новой, усвоенной имъ у другихъ, точки зрѣнія, онъ началъ смотрѣть на нихъ, какъ на бѣсноватыхъ и сумасшедшихъ. Въ «Идіотѣ» Достоевскій еще не утвердился на этой новой дорогѣ, въ «Бѣсахъ» онъ окончательно укрѣпляется на ней. «Идіотъ» въ художественномъ отношеніи слабѣе, онъ страшно растянутъ, мѣстами томительно однообразенъ и скученъ, но зато во многомъ тутъ еще вполнѣ чувствуется прежній Достоевскій, съ его любовью къ «униженнымъ и оскорбленнымъ», братски протягивающимъ руку всѣмъ, раздѣляющимъ ту же участь. Въ «Бѣсахъ» эта симпатическая его сторона сказывается уже весьма слабо, хотя въ художественномъ отношеніи этотъ романъ стоитъ выше.

Основной характеръ «Идіота» служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ прежней галлереѣ лицъ Достоевскаго. Что такое этотъ князь Мышкинъ, послѣдній потомокъ захудалаго рода, круглый сирота, воспитывающійся въ уединеніи за-границей по милости друга своего отца,

---

хинъ: называетъ-же онъ его «ожесточеннымъ *въ своей отвлеченности*»; видитъ-же онъ въ немъ «болѣе глубокое *уклоненіе отъ жизни*, чѣмъ въ личностяхъ другихъ писателей, «касавшихся *нигилизма*». Я же, во первыхъ, вижу коренное отличіе Раскольникова отъ «нигилистовъ» въ томъ, что онъ вовсе не подавляетъ въ себѣ *симпатическихъ наклонностей*, какъ дѣлаютъ тѣ, видя въ этомъ *романтизмъ:* во вторыхъ, я не произвожу и такъ называемаго *нигилизма* отъ *трихинъ*, а считаю его явленіемъ, вытекшимъ *изъ нашей жизни*, и въ этомъ смыслѣ вовсе *не отвлеченнымъ*. Думаю, что еслибы много уважаемый мною (не смотря на разногласіе съ нимъ во многомъ) Н. Н. Страховъ (авторъ упомянутой критики) не *началъ* съ выраженія своего взгляда, отъ котора-

болѣзненный мальчикъ, потомъ юноша, котораго всѣ считаютъ за идіота, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ даже очень уменъ, но прямодушенъ и чистъ какъ ребенокъ? Это, можно сказать, художественное воспроизведеніе темы, весьма распространенной въ безъискусственной народной словесности — это тотъ-же любимый народомъ сказочный *Иванушка-дурачокъ*, оказывающійся, какъ извѣстно, только человѣкомъ не «себѣ на умѣ», невыносящимъ зрѣлища посторонняго горя, постоянно забывающимъ себя для другихъ. Съ точки зрѣнія многихъ изъ числа тѣхъ свѣтскихъ людей, въ кругу которыхъ приходится наконецъ очутиться князю Мышкину, онъ дѣйствительно представляется идіотомъ. Вся его любовь къ Настасьѣ Филипповнѣ, этой, въ сущности, той же, только съ роскошною обстановкой, Сонечкѣ, есть не болѣе, какъ жалость, принимаемая имъ за любовь (это напоминаетъ и любовь Раскольникова къ больной дочери своей квартирной хозяйки). Ему жалко ее, потому что она такъ много вынесла, жалко, что ее хотятъ сбыть на руки человѣку, который посредствомъ брака съ ней разсчитываетъ поправить свое состояніе. И вотъ князь пользуясь внезапнымъ поправленіемъ своихъ обстоятельствъ, предлагаетъ ей свою руку. Но это не можетъ не вызвать въ ней, продолжающей, какъ всѣ личности Достоевскаго, чувствовать, во многихъ отношеніяхъ, по человѣчески, это не можетъ не вызвать въ ней душевной борьбы, воспроизведенной у нашего автора съ его обычною психологическою глубиною. Она полюбила князя въ него она только и вѣритъ, она хватается за него, чтобы поддержать въ себѣ вѣру и вообще въ человѣческое достоинство, но она боится его погубить, ей совѣстно принять съ его стороны жертву— а ничѣмъ инымъ, кромѣ жертвы, не можетъ она объяснить его рѣшимость связать съ нею свою участь — отсюда въ ней безконечныя колебанія. Но возникающее затѣмъ чувство ревности къ другой, глубокое сознаніе униженія, которому ее подвергаетъ эта другая, желаніе ей отомстить—все это доводитъ Настасью Филипповну до того, что она рѣшается даже сама снова вызвать наружу, чтобы окончательно ею воспользоваться, ту жалость къ себѣ, которая принимается за любовь «идіотомъ». А тамъ опять мысль, что она его этимъ губитъ, а подъ вліяніемъ этой мысли

го только потомъ уже перешелъ онъ къ подкрѣпительнымъ выпискамъ изъ романа, а поступилъ-бы на оборотъ, то у него было-бы болѣе обращено вниманія на тѣ *жизненныя впечатлѣнія*, которыя главнымъ образомъ подготовили преступленіе Раскольникова и при которыхъ оказались только сподручными *чужія теоріи*.

бѣгство изъ подъ вѣнца! Вотъ основная тема этого романа, и еслибы однимъ развитіемъ ея и ограничился авторъ, онъ далъ-бы намъ произведеніе, прекраснѣйшимъ образомъ дополняющее прекрасный рядъ его прежнихъ произведеній.

Прекрасенъ и взятый отдѣльно эпизодъ «Идіота», — разсказъ князя Мышкина о презираемой всѣми, за свой полуневольный грѣхъ, Мари, объ этой несчастной дѣвушкѣ, на которую даже пасторъ, проповѣдующій на похоронахъ ея матери, считаетъ нужнымъ указать пальцемъ: «смотрите, это она ее довела до гроба». Подъ вліяніемъ старшихъ, и дѣти глумились надъ бѣдной Мари, возбуждающей состраданіе только въ «идіотѣ». Но ему удается растолковать малюткамъ, какъ жестоко поступилъ пасторъ, какъ неугодно Богу такое обращенье съ несчастной, какой грѣхъ и съ ихъ стороны — издѣваться надъ ней. И вотъ, когда она умираетъ отъ быстро развившейся въ ней чахотки, тѣ-же дѣти украшаютъ ея гробъ цвѣтами и несутъ его на кладбище. Этотъ эпизодъ, по глубокой гуманности основной мысли, можетъ быть поставленъ наравнѣ съ разсказомъ гр. Л. Н. Толстаго «*Люцернъ*», въ которомъ русскій путешественникъ пораженъ отношеніемъ свободныхъ швейцарскихъ гражданъ и не менѣе гордыхъ своими свободными учрежденіями туристовъ-англичанъ къ бѣдному странствующему музыканту: долго слушая его игру, они не даютъ ему ничего, а презрительно поглядываютъ на человѣка, который ввелъ его въ залу ресторана и гостепріимно его угощаетъ. Авторъ даетъ почувствовать, что и въ самой свободной странѣ возможно своего рода рабство передъ золотымъ тельцомъ и безчеловѣчная гордость въ отношеніи къ людямъ, невзысканнымъ его милостью; т. е., что сами по себѣ никакіе либеральные кодексы еще не даютъ того настоящаго духа свободы и человѣчности, который долженъ прежде всего заключаться въ нравственномъ существѣ человѣка.

Совершенно такъ же и Достоевскій, примѣромъ этого пастора, въ пылу религіозной ревности проповѣдующаго *ненависть* къ грѣшницѣ, указываетъ на то, что и живая религіозность не вычитывается изъ религіозныхъ кодексовъ (пасторъ-ли не перечиталъ ихъ вдоль и поперекъ, онъ-ли не обдумывалъ всевозможныхъ проповѣдей на всѣ тексты!), а должна, такъ сказать, войти въ самый нравственный организмъ человѣка.

Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный эпизодъ вставленъ Достоевскимъ въ романъ, въ которомъ слишкомъ много сторонъ, несоотвѣтствующихъ особенностямъ его таланта и мѣшающихъ впечатлѣнію, производимому основною личностью. Да и самая эта личъ-

ность надѣлена, какъ и Разумихинъ, взглядами, невытекающими непосредственно изъ ея существа. Авторъ заставляетъ своего князя Мышкина высказывать взгляды отчасти славянофильскіе, какъ въ послѣдствіи ими же надѣлилъ онъ и Шатова въ «Бѣсахъ». И этотъ послѣдній, и «идіотъ»,— славянофильствуютъ ради отпора, даваемаго самимъ авторомъ тѣмъ направленіямъ, которыя вычитаны изъ «чужихъ книжекъ». Въ «Идіотѣ» эти направленія являются какъ эпизодъ; въ «Бѣсахъ» они занимаютъ уже самое видное мѣсто. Въ «Идіотѣ» мы видимъ эти вычитанныя направленія только въ той молодежи, которая окружаетъ князя и думаетъ воспользоваться долей въ его наслѣдствѣ, опираясь на какое-то право; когда же это право оказывается совершенно мнимымъ, но князь самъ предлагаетъ имъ подѣлиться съ ними,— они съ чувствомъ собственнаго достоинства отвергаютъ то, къ чему сами стремились на основаніи вымышленнаго права. Изъ круга этой молодежи, отличающейся дикимъ смѣшеніемъ самыхъ разношерстныхъ понятій, особенно выдается чахоточный юноша Ипполитъ. Но онъ уже окончательно боленъ нетолько физически, но и нравственно. Вспомните повѣсть, которую написалъ онъ на прощанье съ людьми: это непонятное смѣшеніе симпатическихъ и религіозныхъ чувствъ съ мнѣніемъ, что человѣкъ долженъ думать только о себѣ, и что всякая благотворительность глупа и вредна. И эта дикая смѣсь читается передъ тѣмъ моментомъ, когда Ипполитъ, по давно-составленному имъ плану, не дожидаясь столь уже недалекой отъ него, какъ отъ чахоточнаго, естественной смерти, долженъ самъ себя лишить жизни; но самоубійство должно произойти отъ пистолета, въ которомъ не достаетъ капсюля! И неужели весь этотъ нравственный сумбуръ, весь этотъ рядъ аномалій объясняется только тѣмъ, что въ воздухѣ появились какія-то трихины, и что наше юное поколѣніе ихъ наглоталось?

Въ «Бѣсахъ» такіе-же странные люди выходятъ уже на широко-задуманную практическую дорогу, на поприще такъ называемой политической агитаціи, которой дозволены всѣ средства. Вотъ передъ нами — уже просто маніакъ Кирилловъ, человѣкъ, помѣшанный на величественности самоубійства; вотъ баричъ Ставрогинъ, способный на хорошее и дурное, смотря по капризу, то спокойно выносящій пощечину, то вызывающій на дуэль и стрѣляющій при-этомъ на воздухъ, женящійся изъ жалости на идіоткѣ, а потомъ безпощадно ее бросающій. А вотъ и какой-то вѣчно пьяный Толкаченко; вотъ говорящій постоянно несообразности съ разсчетомъ произвести эффектъ—въ особомъ смыслѣ юродствующій Лихутинъ и т. п. Всѣми-же заправляетъ нравственное чу-

довище, остающееся такъ-же мало разъясненнымъ, какъ и другія лица. И что-же дѣлаютъ всѣ эти люди? Не говорю уже объ этомъ странномъ литературномъ вечерѣ, о каррикатурной личности Кармазинова (неужели нашъ авторъ хотѣлъ тутъ сдѣлать намекъ на одного высокоуважаемаго русскаго писателя?)... Но за вечеромъ слѣдуетъ поджогъ и убійство Марьи Тимоѳеевны, — для чего-же? Для того, чтобы оказать услугу Ставрогину, чтобы этой услугой удержать такую выдающуюся личность въ кружкѣ! Далѣе—убійство Шатова изъ боязни, что онъ донесетъ, уговариваніе Кириллова, чтобы онъ взялъ это убійство на себя и рѣшился на то, къ чему уже давно готовился—на самоубійство. Перебирая все это, мы наконецъ узнаемъ тутъ одно дѣйствительно совершившееся уголовное преступленіе, но мы вѣдь совсѣмъ не того ожидаемъ отъ художественнаго произведенія: тутъ вѣдь мало одной фактической правды, одной *реляціи* о томъ, что̀ случилось; — нужно уловить смыслъ, нужно показать, какъ могло все это произойти, изъ чего все это возникло,—а вотъ этого-то мы и не видимъ. Въ концѣ только повторяется мысль, высказанная въ эпилогѣ «Преступленія и наказанія», но повторяется въ нѣсколько иномъ видѣ. Степанъ Трофимовичъ Верховенскій, эта положительно лучшая, въ художественномъ отношеніи, личность романа, во время своего бѣгства, велитъ себѣ читать евангеліе, и, попадая на повѣствованіе о бѣсахъ, говоритъ, что «эти бѣсы, выходящіе изъ больнаго и входящіе въ свиней — это всѣ язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка и вѣка». Но вѣдь это не объясненіе; все, о чемъ тутъ говорится, появилось-же не безъ особыхъ причинъ. Личность самого Степана Трофимовича совершенно ясна. Это человѣкъ, котораго всю жизнь не покидаетъ льстящая ему мысль, что онъ потерпѣлъ за либерализмъ, потому-что когда-то нашли что-то предосудительное въ какомъ-то его публичномъ чтеніи, тогда какъ этотъ самый «либералъ» когда-то упекъ въ рекруты своего крѣпостнаго (о чемъ и напоминаютъ ему на публичномъ чтеніи послѣ его словъ о томъ, что искусство выше освобожденія крестьянъ и т. п.) Но Степанъ Трофимовичъ, подъ конецъ, самъ себя вѣрно опредѣляетъ, говоря, на основаніи апокалипсиса, что нужно быть или холоднымъ, или горячимъ, а не только теплымъ. Онъ понимаетъ, что онъ былъ *только тепелъ*, что онъ былъ «середка на половинкѣ», а потому и вышло изъ него такъ немного проку. Такіе люди дѣйствительно были, — это праздные идеалисты сороковыхъ годовъ. Были въ томъ поколѣніи, разумѣется, и другіе люди, заслуги которыхъ никогда не будутъ забыты. Достоевскій,

въ лицѣ Степана Трофимовича, не польстилъ этому поколѣнію *отцовъ*; но что-же такое его *сынъ*, этотъ Петръ Верховенскій? — какимъ образомъ сложился его уже совершенно иной характеръ и его вполнѣ своеобразное направленіе — этого нашъ авторъ не разъясняетъ. Мы видимъ только, что Степанъ Трофимовичъ, какъ и всѣ, *подобные ему*, «идеалисты»—вообще плохой воспитатель; но чтобы съ его *яблони* должно было непремѣнно упасть *такое яблоко*, какъ его Петруша, этого мы рѣшительно не усматриваемъ. Въ концѣ своего «Мертваго дома» Достоевскій, какъ мы видѣли, говоритъ: «сколько людей пропадаетъ даромъ! а кто виноватъ?» Можетъ быть вѣрнѣе было-бы спросить: *что* виновато? т. е. какія причины всего этого? Маркъ Волоховъ также задаетъ вопросъ: «отчего я такой?» И вопросъ этотъ, какъ мы знаемъ, не рѣшенъ Гончаровымъ; столь-же мало рѣшенъ Достоевскимъ невольно представляющійся вопросъ: «отчего-же такой Петръ Верховенскій»? Но если мы не хотимъ, не умѣемъ, или не можемъ отвѣтить на такіе вопросы, то лучше и не дѣлать нѣкоторыхъ явленій предметомъ художественныхъ произведеній. Въ художественномъ произведеніи, какъ извѣстно, все должно быть вполнѣ ясно, вытекать самымъ непосредственнымъ образомъ одно изъ другаго; личности загадочныя, какъ-бы исключительныя, какъ-бы диковинныя, не принадлежатъ къ этой вполнѣ-опредѣленной области.

Но если мнѣ пришлось, относительно послѣднихъ произведеній Достоевскаго, прійдти къ подобному заключенію, то это не даетъ намъ права забыть заслуги этого писателя. Онъ оставилъ намъ столько прекрасныхъ произведеній, — произведеній, въ которыхъ онъ далъ намъ такъ глубоко заглянуть въ душу униженныхъ и оскорбленныхъ, наконецъ и въ душу преступниковъ; — онъ такъ смѣло будилъ въ насъ широкія человѣческія симпатіи, не давалъ намъ заснуть въ нравственномъ сибаритствѣ, въ духовной обломовщинѣ. Подобный писатель несомнѣнно заслуживаетъ того, чтобы мы сказали ему отъ всего сердца: спасибо! Съ тѣмъ-же сердечнымъ словомъ, думаю я, обратятся къ нему и будущія поколѣнія!

ЛЕКЦІЯ V.

Писемскій.

Переходя отъ Достоевскаго къ Писемскому, я позволю себѣ сдѣлать еще одно заключительное замѣчаніе о первомъ. Достоевскій несомнѣнно принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся представителей нашей новѣйшей литературы, къ числу тѣхъ, которые по-преимуществу заслуживали бы того, чтобы ихъ перевесть на иностранные языки. Конечно, изъ его сочиненій иностранцы узнали бы не такъ много о явленіяхъ собственно *нашей* жизни, какъ изъ произведеній другихъ нашихъ современныхъ писателей. Вопросъ объ униженныхъ и оскорбленныхъ, о преступленіяхъ и объ ихъ причинахъ, такъ живо затрогиваемый повѣстями Достоевскаго,—вопросъ положительно общечеловѣческій. Но, познакомившись съ нашимъ писателемъ, иностранцы навѣрное были бы поражены тою полнѣйшею простотою, тою жизненною правдою, тѣмъ отсутствіемъ всякой риторики и всякаго мелодраматизма, которыми отличаются произведенія Достоевскаго и которыхъ такъ часто не достаетъ даже весьма даровитымъ иностраннымъ писателямъ, избиравшимъ ту же тему.

Другое значеніе имѣютъ произведенія Писемскаго. Это опять одинъ изъ тѣхъ авторовъ, по произведеніямъ которыхъ можетъ быть по-преимуществу изучаемъ извѣстный рядъ явленій нашей отечественной жизни во всемъ его характеристическомъ своеобразіи. Эти явленія воспроизводятся у Писемскаго съ нѣкоторыми, ему собственно свойственными, пріемами. Особенность пріемовъ, можно сказать, отличила Писемскаго уже при первомъ появленіи его на литературномъ поприщѣ. У Писемскаго, какъ хорошо извѣстно всѣмъ, читавшимъ его внимательно, мы вовсе не находимъ того тонкаго психологическаго анализа, какимъ отличается Достоевскій; онъ не заглядываетъ глубоко въ душу человѣка, не обращаетъ вниманія на ту предварительную работу, которая происходитъ въ ней прежде, чѣмъ человѣкъ совершитъ тотъ или другой поступокъ. Писемскаго занимаетъ совершенно другое, — его занимаетъ собственно *міръ дѣяній* въ ихъ послѣдовательности, въ неразрывномъ сцѣпленіи причинъ и слѣдствій. Онъ можетъ быть названъ по-преимуществу писателемъ «эпическимъ», т. е. строго выдерживающимъ повѣствовательный характеръ. У него вы почти не встрѣтите монологовъ, въ которыхъ человѣкъ высказываетъ наединѣ съ самимъ собой все то, что происходитъ въ его сознаніи и въ его чувствованіяхъ. Какъ направленіе чисто эпическое, на-

правленіе Писемскаго вмѣстѣ съ тѣмъ есть и по-преимуществу объективное. Правда, по временамъ попадаются у него вставки полулирическаго, полуфилософскаго свойства — въ родѣ тѣхъ, какія, какъ извѣстно, встрѣчаются и у Гоголя, но подобныя отклоненія отъ господствующаго повѣствовательнаго пріема по большей части оказываются у Писемскаго неудачными.

По содержанію, произведенія Писемскаго находятся въ самой непосредственной связи съ Гоголемъ. Достоевскій, какъ видѣли мы, связанъ по преимуществу съ нѣкоторыми изъ гоголевскихъ произведеній,—съ тѣми, гдѣ Гоголь рисуетъ тѣхъ маленькихъ людей, которые возбуждаютъ не только смѣхъ, но и жалость. Писемскій находится въ кровномъ родствѣ съ самой сущностью большей части произведеній Гоголя. Если тему Гоголя составляла пошлость и грязь нашей жизни, то Писемскій продолжаетъ далѣе разрабатывать эту же тему, пользуясь бо́льшимъ просторомъ, предоставленнымъ намъ въ новѣйшее время. Благодаря такому простору, онъ могъ значительно раздвинуть свои рамки. Гоголю приходилось, какъ извѣстно, дѣлать намеки на то, что такія личности, какъ городничій, Хлестаковъ, Чичиковъ и др. попадаются не только въ томъ провинціальномъ кругу, откуда ихъ взялъ Гоголь, но что они существуютъ и въ другихъ сферахъ. Писемскій выдвигаетъ передъ нами цѣлый рядъ чисто-гоголевскихъ личностей на высшихъ общественныхъ ступеняхъ—въ видѣ какихъ-нибудь губернаторовъ, или многовліятельныхъ лицъ изъ петербургскаго beau-mond'a.

Въ ряду различныхъ пошлыхъ явленій, накопившихся въ нашей жизни, Гоголь затронулъ и ту пошлость, которая безобразитъ нашу семейную жизнь. Въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ онъ коснулся этой темы въ «Женитьбѣ». Здѣсь онъ показалъ, до какой степени грубо-легко рѣшается у насъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ — вопросъ о бракѣ. Писемскій на эту тему написалъ цѣлый рядъ произведеній; къ нимъ относится и то, которое обратило на него на первыхъ порахъ особое вниманіе публики, хотя ему предшествовало нѣсколько другихъ, также замѣчательныхъ: я разумѣю повѣсть «Тюфякъ», написанную именно на эту семейную тему. Къ сожалѣнію, герой повѣсти, Бешметевъ, не заблагоразсудилъ поступить такъ, какъ поступилъ гоголевскій Подколесинъ,—онъ не выпрыгнулъ изъ окна, а преспокойно воспользовался невѣстою, которую высватали за него противъ ея воли. Дѣло въ томъ, что самъ онъ ее любилъ, т. е. любилъ чисто-внѣшней любовью. До женитьбы онъ видѣлъ ее всего нѣсколько разъ, даже не говорилъ съ ней, и она ему

издали понравилась. Подумать о томъ, какого она о немъ мнѣнія, по всей вѣроятности, ему помѣшалъ его странный характеръ, который и доставилъ Бешметеву прозвище «тюфяка». Характеръ этотъ въ повѣсти Писемскаго объясняется прежде всего темпераментомъ. Зависимость подобнаго рода характера отъ барской среды, по моему, гораздо яснѣе показана въ «Обломовѣ» Гончарова, чѣмъ въ «Тюфякѣ» Писемскаго. Я совершенно несогласенъ въ этомъ отношеніи съ Писаревымъ, въ сужденіи котораго о «Тюфякѣ» и объ «Обломовѣ» должна быть, я думаю, сдѣлана перестановка: то, что говорится Писаревымъ объ Обломовѣ, должно быть отнесено къ Бешметеву и наоборотъ. Только неограниченною властью надъ Бешметевымъ именно темперамента—и можетъ быть объяснена та рѣшимость, съ какой соглашается онъ на бракъ съ Жюли. Бешметевъ — человѣкъ развитой, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ,—склоняется на торговую сдѣлку, придуманную раззорившимся отцомъ невѣсты и поддерживаемую разными провинціальными барынями. Но жертвой, этой сдѣлки по крайней мѣрѣ, является дѣвушка довольно пустая, а потому и не возбуждающая особеннаго состраданія, хотя Писемскій, раскрывая передъ нами всѣ послѣдствія ея насильнаго брака, заставляетъ насъ наконецъ страдать вмѣстѣ съ нею. Гораздо большее состраданіе возбуждаетъ другая личность—въ повѣсти, написанной ранѣе, а именно въ «Боярщинѣ». Тамъ лицо нѣжное, симпатичное становится спутницей жизни такого человѣка, который ни въ какомъ смыслѣ не подходитъ къ ней, — совершенно грубаго, чисто-животнаго Задоръ-Мановскаго. Извѣстно, какова была судьба ея съ нимъ.

Въ произведеніяхъ перваго періода литературной дѣятельности Писемскаго (сюда-же относятся «Бракъ по страсти», «Богатый женихъ») мы постоянно встрѣчаемъ замужнюю женщину, поставленную, въ особомъ, конечно, смыслѣ, — въ положеніе Сонечки Мармеладовой. Вспомните, что говоритъ Раскольниковъ про сестру, когда узнаетъ, что она должна выйти замужъ за Лужина: «да вѣдь тутъ и отъ Сонечкина жребія не далеко! Сонечка, — вѣчная Сонечка! пока міръ стоитъ...». И дѣйствительно, эта «Сонечка» повторяется въ цѣломъ рядѣ произведеній Писемскаго. Понятно, какова должна быть семья, когда служащій ей основою бракъ является просто сдѣлкой. Налегая на это явленіе, Писемскій раскрываетъ одну изъ глубокихъ язвъ нашей жизни: онъ указываетъ на то, что въ свою очередь отравляетъ и нашу общественную среду, потому что вѣдь въ семьѣ подготовляются общественные дѣятели, а что могутъ они вынести изъ нея, если она основана на торговой сдѣлкѣ? Но

въ повѣстяхъ и романахъ Писемскаго не одна только женщина, выходя замужъ, является Сонечкой Мармеладовой;—онъ представляетъ намъ и мужчину, разыгрывающаго ту же роль. Такимъ оказывается Калиновичъ, герой «Тысячи душъ», который, какъ извѣстно,—въ этомъ сущность романа,—женится на тысячѣ душъ, приносимыхъ ему въ приданое кривобокой Полиной. Что-же заставляетъ его поступить такимъ образомъ? Нашъ авторъ разъясняетъ это довольно подробно: «....Болѣе всего произвелъ на него впечатлѣніе комфортъ, который онъ видѣлъ всюду въ домѣ генеральши. Надобно сказать, что комфортъ въ умѣ моего героя всегда имѣлъ огромное значеніе; и для кого-же, впрочемъ, изъ солидныхъ, благоразумныхъ и образованныхъ молодыхъ людей нашего времени не имѣетъ онъ этого значенія? Онъ одинъ нашъ идолъ, и въ жертву ему приносится все дорогое, хотя-бы для этого пришлось оторвать самую близкую часть нашего сердца, разорвать главную артерію и кровью изойти, но только близенько, на подножіи нашего золотаго тельца. Для комфорта десятки лѣтъ изгибаются, кланяются, кривятъ совѣстью; для комфорта берутъ взятки и совершаютъ наконецъ преступленія»...

У Достоевскаго мы видѣли человѣка, который дошелъ до ужаснаго преступленія,—до убійства, но онъ дошелъ до него не потому, чтобы желалъ комфорта, а потому, что у него и у многихъ вокругъ него не хватало самаго необходимаго, самаго существеннаго. Калиновичъ у Писемскаго ради комфорта совершаетъ цѣлый систематическій рядъ преступленій, но не такихъ, за которыя ссылаютъ на каторгу. Онъ съумѣлъ не дойти до того, до чего дошелъ гоголевскій Чичиковъ,—до тѣхъ поступковъ, вслѣдствіе которыхъ Павелъ Ивановичъ угодилъ наконецъ въ острогъ. Преступленія Калиновича совершенно другаго рода. Эти преступленія не уголовнаго свойства; онъ только, какъ извѣстно, другихъ подводитъ, и даже очень искусно, подъ уголовщину. Его преступленія свойства чисто-нравственнаго; тѣмъ не менѣе, онъ остается Чичиковымъ въ новомъ вкусѣ, Чичиковымъ съ университетскимъ образованіемъ.

Писемскій не говоритъ такъ подробно о воспитаніи своего героя, какъ Гоголь о воспитаніи Павла Ивановича, но онъ ясно указываетъ на то, что Калиновичу, какъ и Чичикову, пришлось самому пробивать себѣ дорогу, и что въ дѣтствѣ онъ испыталъ сильный отцовскій гнетъ, подъ вліяніемъ чего и проявилось въ немъ желаніе добиться наконецъ довольства и свободнаго положенія въ жизни. Но неужели Калиновичъ не вынесъ уже рѣшительно ничего изъ тѣхъ «святыхъ стѣнъ университета», о которыхъ

онъ упоминаетъ впослѣдствіи, въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ, также бывшимъ студентомъ? Изъ стѣнъ университета онъ вынесъ до нѣкоторой степени *утонченное* понятіе о комфортѣ. Въ понятіе о комфортѣ вошла у Калиновича потребность почета, потребность играть роль, выдвинуться поступками, заслуживающими почтенія, потребность власти, и, при помощи этой власти, проведенія, какъ онъ ихъ называетъ, «святыхъ убѣжденій». Но эти «святыя убѣжденія» нужны Калиновичу только для того, чтобы *выказаться* при помощи ихъ. Если онъ впослѣдствіи, достигнувъ своей цѣли, т. е. довольно значительнаго положенія, становится слишкомъ неосторожнымъ и вслѣдствіе того попадаетъ въ бѣду, — то тутъ съ его стороны вовсе нѣтъ благороднаго увлеченія честнымъ убѣжденіемъ, — онъ увлекается только своимъ властолюбіемъ. Представьте себѣ Калиновича сознающимъ, что, проводя «святыя убѣжденія», онъ рискуетъ потерять свое видное положеніе, а съ нимъ и комфортъ—и вы не усомнитесь сказать, что онъ въ такомъ случаѣ не подорожитъ убѣжденіями. Правда, Писемскій нѣсколько облагородилъ Калиновича тѣмъ, что далъ ему сознаніе черноты своихъ поступковъ, такое сознаніе, котораго у Чичикова нѣтъ. Чичиковъ того мнѣнія, что все, совершаемое имъ, совершенно въ порядкѣ вещей; не-даромъ отецъ еще въ дѣтствѣ ему внушалъ, что стремленье къ наживѣ—верховный двигатель. Но вѣдь и Калиновичъ, хотя онъ и сознаетъ черноту своихъ поступковъ, вовсе не удерживается такимъ сознаніемъ отъ дальнѣйшихъ поступковъ такого-же рода. Онъ сходится съ Чичиковымъ въ томъ, что, по его мнѣнію, «безъ этого вѣдь нельзя». Вспомните письмо, написанное имъ изъ Петербурга къ Настенькѣ, къ той самой Настенькѣ, которой онъ далъ при прощаньи, надъ могилою ея матери, клятву вернуться, чтобы жениться на ней, но, давая эту клятву, заранѣе зналъ, что ее нарушитъ. Въ письмѣ изъ Петербурга онъ говоритъ ей: «дѣлаясь лжецомъ и обманщикомъ, я поступалъ не какъ вѣтренный и пустой мальчишка, а какъ человѣкъ глубоко-сознающій всю черноту своего поступка, который омывалъ его кровавыми слезами но поступить иначе не могъ». Далѣе, говоря уже совершенно прямо, что онъ все-таки на ней не женится, онъ тѣмъ не менѣе проситъ, чтобы она пріѣхала къ нему, и она дѣйствительно пріѣзжаетъ—въ силу той привязанности, которую Писемскій, съ обычною незатѣйливостію своихъ выраженій, называетъ *собачьей*. (Есть дѣйствительно что-то нечеловѣческое въ такой привязанности—несмотря ни на что). А Калиновичъ, послѣ новаго рѣшительнаго шага съ ея стороны (вспомните, что это сводитъ въ могилу ея добраго отца),

совершаетъ у нея на глазахъ цѣлый рядъ новыхъ подлостей! Литературный трудъ, на который разсчитывалъ онъ въ Петербургѣ, оказывается плохою опорой; рекомендательное письмо князя къ директору департамента, на которое онъ не менѣе возлагалъ надежды, также не приводитъ ни къ чему положительному. Надежды рушатся, а жажда комфорта, въ виду столичныхъ соблазновъ, все болѣе и болѣе овладѣваетъ Калиновичемъ. Расхаживая по Петербургу, онъ не можетъ отдѣлаться отъ мысли, какъ-бы добиться того, чтобы и ему можно было жить припѣваючи, какъ другіе. Подъ неотразимымъ вліяніемъ этой мысли онъ пользуется неожиданной встрѣчей съ княземъ, и уже самъ напрашивается на то, отъ чего когда-то рѣшительно отказался—на бракъ съ кривобокой Полиной. Чтобы достигнуть цѣли, онъ добровольно подвергаетъ себя цѣлому ряду нравственныхъ униженій. Вспомните, какъ князь, пользуясь выгодою своего положенія, даетъ ему почувствовать, что надо было раньше объ этомъ подумать, что теперь уже, можетъ быть, поздно. При-этомъ князь съ такимъ язвительно-самодовольнымъ многословіемъ говоритъ о томъ, какъ трудно жить литературнымъ трудомъ, и какое ребячество на него разсчитывать. И Калиновичъ долженъ все это выслушать, самымъ заискивающимъ образомъ обращаясь съ княземъ, который наконецъ берется-таки быть посредникомъ между нимъ и Полиной. Но тутъ, какъ извѣстно, начинается новый рядъ еще болѣе низкихъ поступковъ. Вспомните, что Калиновичъ выдаетъ князю вексель на 50 тысячъ въ счетъ тѣхъ благъ, которыя получитъ онъ отъ Полины. Вспомните, что когда Полина его разспрашиваетъ объ его отношеніяхъ къ Настенькѣ, онъ, не колеблясь, выдумываетъ про эту вполнѣ отдавшуюся ему дѣвушку, будто бы она ему измѣнила. Далѣе Настенькѣ, въ видѣ вознагражденія, посылается 25 тысячъ рублей, которыхъ она, разумѣется, не беретъ. Затѣмъ дается взятка баронессѣ, черезъ которую Калиновичъ надѣется получить мѣсто, а баронесса преспокойно беретъ эту взятку. Столь же благополучно, на вечерѣ у той же баронессы, другая взятка, въ видѣ проигрыша, дается графу. Послѣ всего этого Калиновичъ имѣетъ полное право сказать: «а мы съ вами, князь, ужаснѣйшіе мошенники!». Князь совершенно съ этимъ согласенъ, удивляясь только наивности Калиновича: «...все зло, говоритъ онъ, лежитъ въ вашемъ глупомъ университетскомъ воспитаніи, гдѣ набиваютъ голову всякаго рода великолѣпными чувствительными идейками, которыя никогда и нигдѣ въ жизни неприложимы...» Но, видно, университетское зло не очень глубоко въѣлось въ Калиновича. Чувствуя нравственное паденіе

своего героя, авторъ старается указать на то, что многіе люди, способные его упрекнуть, въ сущности нисколько не лучше его. Слѣдуетъ большая лирическая, или лирико-сатирическая тирада, которая оканчивается словами: «...А васъ, старцы, любящіе только героевъ добродѣтельныхъ, я не беру въ присяжные: вонъ изъ судилища! Вся жизнь ваша была запятнана еще худшимъ! Всѣ ваши мечты были направлены на пріобрѣтеніе, какимъ бы то ни было путемъ, благоустроенныхъ имѣній, каменныхъ домовъ и очаровательныхъ дачъ. Вы и теперь о томъ только молите Бога, чтобы для дѣтей вашихъ вышла такая же линія!» И авторъ, разумѣется, правъ въ томъ, что грязныя качества Калиновича—качества чрезвычайно распространенныя, что его дрянность есть общественная наша дрянность. Публика, повидимому, поняла это: Гоголь уже пріучилъ ее къ пословицѣ «на зеркало нечего пенять...» Она отнеслась къ роману съ полнѣйшимъ сочувствіемъ; критика отозвалась о немъ, по большей части, съ тѣмъ же сочувствіемъ. Только, если не ошибаюсь, въ «Русской Бесѣдѣ» появилась статья, въ которой указано было на нѣкоторыя слабыя стороны романа. Съ другой стороны весьма знаменательно, что такой критикъ, какъ Добролюбовъ, не посвятилъ этому роману подробнаго разбора, а затронулъ его только вскользь въ своемъ превосходномъ разборѣ тургеневской повѣсти «Наканунѣ». Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Добролюбовъ совершенно разошелся съ Писаревымъ, который отнесся къ «Тысячѣ душъ» съ полнѣйшимъ сочувствіемъ. Вотъ что̀ сказалъ Добролюбовъ про романъ Писемскаго: «О «Тысячѣ душъ» мы вовсе не говорили, потому что, по нашему мнѣнію, вся общественная сторона этого романа насильно пригнана къ заранѣе сочиненной идеѣ. Стало быть, тутъ не о чемъ толковать, кромѣ того, въ какой степени ловко составилъ авторъ свое сочиненіе. Положиться на правду и живую дѣйствительность фактовъ, изложенныхъ авторомъ, невозможно, потому что отношеніе его къ этимъ фактамъ не просто и не правдиво...»

Съ сущностью этого приговора, разумѣется, нельзя согласиться; но спрашивается, что̀ же могло вызвать у такого критика, какъ Добролюбовъ, подобнаго рода приговоръ? Мнѣ думается, что честная, гуманная натура Добролюбова почувствовала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ романа извѣстнаго рода фальшивыя ноты. Авторъ, напримѣръ, указывая на то, что герой его сознавалъ черноту своихъ поступковъ, не разъ увѣряетъ, будто-бы его постоянно и страшно мучила совѣсть. Такъ, она, будто-бы, его мучитъ послѣ того, какъ онъ ложно поклялся Настенькѣ; но несмо-

тря на это, онъ, передъ прощаньемъ съ ней, «въ послѣдній разъ», какъ увѣряетъ авторъ, «блаженствуетъ, и блаженству, казалось, не было конца». Но вѣдь одно изъ двухъ — или блаженство, и тогда нѣтъ угрызеній совѣсти, или угрызенія совѣсти, и тогда, т. е. одновременно съ ними, не можетъ быть блаженства. А Калиновичъ, все еще продолжая мучиться совѣстью и помня послѣднее свое блаженство съ Настенькой, по пріѣздѣ въ Петербургъ создаетъ себѣ новый магометовъ рай у Амальхенъ. Зато послѣ свадьбы съ кривобокой Полиной, его ожидаетъ такое блаженство, что онъ кидается на пожарище и изъ пламени выноситъ женщину; но онъ спасаетъ ее случайно, въ виду у него было — погибнуть на этомъ пожарѣ. Тутъ уже желаніе искупить грѣхи своего героя его нравственными страданіями доводитъ нашего автора до того, чего бы, казалось, отъ него-то и нельзя было ждать,—до положительной мелодрамы. Далѣе послѣ 10 лѣтъ брачной жизни съ Полиной, послѣ того, какъ Калиновичу удалось посадить въ острогъ устроителя своего счастія—князя, къ нему снова является, какъ извѣстно, Настенька—уже провинціальной актрисой. Что же долженъ при-этомъ чувствовать человѣкъ, которому она вполнѣ отдалась и которую онъ, любя, оклеветалъ, которой швырнулъ деньги, добытыя продажею имъ себя Полинѣ, человѣкъ, совершившій затѣмъ рядъ другихъ величайшихъ гнусностей — все изъ-за комфорта и изъ-за власти, которою и пользуется онъ вполнѣ, но какъ бы готовъ при-этомъ воскликнуть вмѣстѣ съ пушкинскимъ Борисомъ:

„Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!“

Авторъ думаетъ, что неожиданный пріѣздъ Настеньки дастъ ему на-время забыть всю тяжесть служебной борьбы и дѣятельности. «Боже!» говоритъ Калиновичъ, «благодарю Тебя, что Ты посылаешь мнѣ этого ангела-хранителя!»—«Какъ бы посреди холодной и мертвящей вьюги», замѣчаетъ уже самъ Писемскій, «вдругъ на него пахнуло весной. Десятилѣтней отвратительной семейной жизни и суровыхъ служебныхъ хлопотъ какъ будто бы и не бывало... За такія минуты счастья можно поплатиться годами нравственныхъ мукъ!...» Какъ, нравственныя муки—этотъ вполнѣ естественный результатъ безнравственныхъ поступковъ—могутъ быть такъ легко изглажены; послѣ той длинной цѣпи низкихъ поступковъ, какою опуталъ себя Калиновичъ, возможна еще та весна, которою будто бы на него пахнуло?! Готовя читателя къ сценѣ свиданія Калиновича съ Настенькой, авторъ говоритъ: «Я съ полной радостью и любовью обращаю умственное око въ грядущую перспективу событій, гдѣ мелькнетъ, хоть ненадолго,

для моего героя въ его суровой жизни такое полное, искреннее и молодое счастье...»

Казалось бы, молодость чувствъ можетъ быть сохранена до старости только при жизни, остающейся нравственно-молодой; если же молодость рано запятнана грязью поступковъ, то едвали она можетъ вернуться въ той прежней своей чистотѣ, безъ которой невозможно и настоящее молодое счастье. Самая сцена съ Настенькой, какъ мнѣ кажется, заключаетъ въ себѣ много невѣрныхъ нотъ: едвали можно такъ легко, такъ полушутливо встрѣтиться съ женщиной, которую мы столько разъ обманули, едвали и сама она можетъ такъ легко отнестись къ тому, кто ее обманывалъ. Вотъ эти-то фальшивыя ноты, думается мнѣ, и вызвали у Добролюбова вышеприведенный приговоръ, слишкомъ сжатый, а потому и недовольно точный, но отзывающійся несомнѣннымъ нерасположеніемъ къ «Тысячѣ душъ». Всѣ же эти фальшивыя ноты произошли у Писемскаго отъ того, что онъ измѣнилъ тутъ своей объективности, которую такъ превознесъ въ немъ Писаревъ, измѣнилъ ей не менѣе, чѣмъ Гончаровъ въ «Обрывѣ». Автору захотѣлось опоэтизировать своего окончательно помятаго прозою жизни героя, — и отсюда явилась фальшь, которая нарушаетъ стройное гармоническое впечатлѣніе, производимое цѣлымъ. Нѣкоторые критики нашли нужнымъ напасть на Писемскаго въ другомъ отношеніи: высказано было мнѣніе, что онъ будто бы оскорбилъ московскій университетъ тѣмъ, что вывелъ изъ него такого запятнаннаго героя. Совершенно вѣрно замѣтилъ на это Дружининъ, что ни московскій, ни другіе университеты не могутъ же считать свои стѣны непремѣнно оберегающими *всякаго*, проведшаго въ нихъ узаконенное число лѣтъ, отъ нравственной порчи.

Но нашему обществу не мѣшало бы задуматься надъ тѣмъ, что и въ другихъ повѣстяхъ Писемскаго, а также и во многихъ произведеніяхъ другихъ отечественныхъ писателей, являются, какъ мы уже видѣли, личности, для которыхъ ихъ университетскіе годы проходятъ почти совершенно даромъ. Бешметевъ въ «Тюфякѣ»,— тоже студентъ московскаго университета, а это не мѣшаетъ ему, какъ мы знаемъ, жениться, не справясь съ тѣмъ, любитъ ли его невѣста, а потомъ тиранить ее за то, чему онъ самъ причиной. Эльчаниновъ въ «Боярщинѣ» тоже бывшій студентъ, а какъ поступаетъ онъ съ той несчастной женщиной, которая только у него и могла бы найти спасенье отъ двухъ ей грозящихъ чудовищъ: отъ грубаго звѣря—мужа, и утонченнаго, съ лапами въ бархатѣ, но все-таки звѣря—графа? Если мы возвратимся къ До-

стоевскому, то изъ университета же выведенъ у него «игрокъ» — личность не безъ добрыхъ стремленій, но безъ твердаго нравственнаго закала, а потому и становящаяся жертвой игры. Изъ университета же, какъ мы знаемъ, и преступникъ Раскольниковъ. А у Гончарова?—Праздношатающійся, при всѣхъ своихъ талантахъ, Райскій; весьма умный, но постоянно ничего недѣлающій Обломовъ, вѣчно суетящійся, но исключительно для одной наживы, Штольцъ, — все это люди, которые не стали болѣе дѣльными отъ университетскаго образованія. А Александръ Адуевъ, этотъ заоблачный мечтатель «Обыкновенной исторіи», у котораго подъ мечтаніями скрывается только стремленіе къ карьерѣ и фортунѣ? А у Тургенева Рудинъ, нѣкоторыми изъ нашихъ критиковъ поднятый, правда, на пьедесталъ, но въ сущности весь состоящій только изъ прекрасныхъ словъ и прекрасныхъ желаній; потомъ Лаврецкій, малодушно опускающій руки и уже не видящій никакой цѣли въ жизни вслѣдствіе того, что личное счастіе ему измѣнило — развѣ всѣ они не студенты университета? Второстепенныя личности у Тургенева, взятыя также изъ студенчества, въ родѣ Михалевича или Берсенева, значительно выше, но и въ нихъ вѣдь настоящей жизненной силы не много. Если посравнить, да пообдумать, то едвали не лучшими изъ всѣхъ упомянутыхъ лицъ придется признать Илью Ильича Обломова и Раскольникова. Обломовъ, правда, ничего не дѣлаетъ, но зато онъ очень вѣрно понимаетъ, что дѣловая жизнь многихъ, его окружающихъ, въ сущности—то же бездѣлье. Раскольниковъ совершаетъ страшное преступленіе, но зато онъ ясно сознаетъ, что вокругъ него постоянно и систематически совершается множество преступленій, которыя только преступленіями не считаются.

Дѣйствительно, есть надъ чѣмъ призадуматься: вѣдь это весьма плохой признакъ состоянія общества, если и то высшее образованіе, которое даетъ университетъ, не исключаетъ возможности цѣлаго множества такихъ студентскихъ типовъ, какіе выведены въ нашей литературѣ. Вѣдь университетское образованіе заключаетъ въ себѣ такія начала, которыя, повидимому, должны бы были дѣйствовать вполнѣ воспитательно. Въ немъ прежде всего нѣтъ той сословной исключительности, того духа привилегіи, который въ воспитательномъ смыслѣ дѣйствуетъ всегда крайне дурно. А затѣмъ въ какомъ другомъ заведеніи можно найти тотъ высокій научный уровень, который въ свою очередь долженъ бы былъ и нравственно возвышать людей? Да, но нашимъ университетамъ долго недоставало свободы преподаванія, безъ которой наука все равно, что плодъ безъ своего сока. Не оттого-ли и оста-

вались долго столь мало удовлетворяющими плоды нашего университетскаго образованія, если судить о нихъ по личностямъ, рядъ которыхъ выведенъ въ нашей литературѣ? Не оттого-ли нашей университетской наукѣ и не удавалось совладать съ дурною закваской, пріобрѣтаемой нами дома, въ семьѣ, которая, какъ показываетъ это Писемскій во многихъ своихъ романахъ, стоитъ у насъ такъ не высоко — мы знаемъ уже почему.

Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ своихъ произведеній, въ «Взбаламученномъ морѣ», Писемскій выводитъ опять студента—въ лицѣ Бакланова, который такимъ образомъ описываетъ свои университетскіе годы: «на первомъ курсѣ я занятъ былъ глупой любовью къ кокеткѣ-дѣвочкѣ, потомъ, съ горя отъ неудачи въ этой любви, на второмъ и на третьемъ курсахъ пьянствовалъ, и, наконецъ, этотъ годъ—глупѣйшаго ужь и вообразить нельзя—что̀ дѣлалъ? клакеромъ былъ»... Далѣе онъ сваливаетъ всю вину на свое домашнее воспитаніе: «у меня, бывало, матушка только и говоритъ: «Сашенька, батюшка, не учись, боленъ будешь!.. Сашенька, батюшка, покушай! Сашенька, поколоти двороваго мальчишку;—что это онъ тебѣ грубіянитъ»;—вотъ и вынянчили себѣ на шею». При этомъ, Баклановъ, баричъ-студентъ, не безъ зависти указываетъ на товарища своего Проскриптскаго: «...онъ идетъ, куда слѣдуетъ; знаетъ до пяти языковъ, пропасть научныхъ свѣдѣній имѣетъ, а отчего? Оттого, что семинаристъ; его и дома, можетъ быть, и въ ихней тамъ семинаріи въ дугу гнули, характеръ покрайней мѣрѣ въ человѣкѣ выработали и трудиться пріучили». Въ другой разъ онъ указываетъ на другого своего товарища: «или Варегинъ вонъ у насъ—совсѣмъ настоящій человѣкъ: уменъ, трудолюбивъ, добръ, куда хочешь поверни, а тоже отчего?—уличнымъ мальчишкой выросъ».

И такъ, барская закваска домашняго воспитанія,—вотъ еще что̀ мѣшало падать на добрую почву тѣмъ сѣменамъ, которыми все-же должна была насъ надѣлять, хотя-бы и не вполнѣ свободная, университетская наука. Этой барской закваски незамѣтно у Разумихина въ романѣ Достоевскаго (хотя и не видно, чтобъ онъ былъ именно семинаристъ), оттого-то онъ такой дѣловой, прямой, честный человѣкъ. Да, но съ другой стороны, если внимательно посмотрѣть и на превозносимое, какъ-бы не безъ зависти, барчукомъ Баклановымъ, семинарское «гнутье въ дугу», то развѣ оно не приводитъ многихъ къ жесточайшему озлобленію, а вѣдь подъ вліяніемъ подобнаго озлобленія вырабатываются такія личности, какъ тургеневскій Базаровъ (происхожденіе и воспитаніе М. Волохова, какъ мы видѣли, осталось невыясненнымъ у Гончарова). Впро-

чемъ, какъ бы тамъ ни судить о Базаровѣ, а вѣдь нельзя не признать, что онъ принадлежитъ къ числу личностей сильныхъ!

Но возвратимся къ баричу-студенту Бакланову. По выходѣ изъ университета онъ поступаетъ на службу—такъ, машинально, и на первыхъ порахъ приходитъ въ величайшій конфузъ отъ своей неумѣлости, поставляемой ему на видъ необразованными, но болѣе его опытными чиновниками, тогда какъ было-бы не мудрено понять, что вся ихъ опытность заключается въ одномъ пустомъ формализмѣ. Но Баклановъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжаетъ заниматься и тѣми сердечными дѣлами, на которыя ушли первые годы его университетской жизни; мало того, покончивъ со службой, онъ участвуетъ въ неизглаголанныхъ оргіяхъ Іоны Циника,—этой отвратительной, но, къ несчастію, вовсе не невозможной личности Писемскаго. Преждевременно разсоривъ свои чувства, Баклановъ рѣшается на женитьбу, но ошибается въ выборѣ,—не сходится, какъ онъ старается себѣ объяснить, съ женой. Въ сущности-же, размѣнявшись на мелкія и грязненькія ухаживанія за женщинами, онъ уже не въ состояніи любить постоянно. Мимоходомъ, удовлетворяя своей жаждѣ разнообразія, онъ доводитъ до смерти старую знакомку свою Казиміру. Растроивъ свое состояніе и состояніе своихъ дѣтей, онъ спѣшитъ какъ бы съ отчаянія заграницу вмѣстѣ съ прежнимъ предметомъ своей страсти, Софи, и въ такомъ-то положеніи застаетъ его великая, начавшаяся у насъ на глазахъ, пора преобразованій. Сначала, прослышавъ о крестьянской реформѣ, онъ съ практической точки зрѣнія промотавшагося помѣщика спрашиваетъ: «но что же намъ дадутъ? заплатятъ-ли по-крайней мѣрѣ?» А нѣкоторое время спустя тотъ же самый человѣкъ рѣшается провозить прокламаціи. Не зная, за что схватиться, онъ кидается, очертя голову, въ ту политическую агитацію, которая и является у Писемскаго «взбаламученностью моря». За эту послѣднюю часть романа, за то, что пора нашего возрожденія выставлена тутъ съ самыхъ слабыхъ, съ самыхъ пошлыхъ ея сторонъ, на Писемскаго обрушились ожесточеннѣйшія нападки. Публика, а еще болѣе критика, превознесшая его за «Тысячу душъ», охладѣла къ нему послѣ «Взбаламученнаго моря». Но мнѣ кажется, что Писемскій въ этомъ случаѣ далеко не въ той мѣрѣ заслуживаетъ упрека, какъ другіе писатели, бравшіеся за ту-же тему: онъ показалъ себя болѣе безпристрастнымъ, чѣмъ многіе изъ нихъ. Во-первыхъ, онъ указалъ очень ясно, въ томъ же самомъ романѣ, въ прежнемъ поколѣніи, въ прежнихъ поряд-

кахъ—множество явленій, гораздо болѣе отталкивающихъ *), нежели тѣ, которыя рисуетъ онъ въ концѣ романа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съумѣлъ прагматической связью своего разсказа показать, что отъ тѣхъ порядковъ и отъ того поколѣнія должны были неминуемо произойти именно *такія* новыя явленія, именно *такое* новое поколѣніе, со всѣми болѣзненными ихъ уродливостями.

«Въ обществѣ, непривыкшемъ къ самомышленію, явно уже начиналось», говоритъ Писемскій, «послѣ рабскаго повиновенія властямъ и преданіямъ, такое же насильственное и безотчетное подчиненіе модным идейкамъ». Если съ этими идейками стали соединяться и грязненькіе инстинкты, то и это получаетъ свое объясненіе у Писемскаго: «При нахлынувшемъ со всѣхъ сторонъ болѣе свободномъ воздухѣ, въ комъ какіе были инстинкты, тѣ и начали заявлять себя»... Накопились же эти грязненькіе инстинкты мало по малу, въ прежнюю благодатную пору; теперь же появилось только стремленіе создать изъ нихъ цѣлую теорію. «...То, что̀ мы дѣлали крадучись, чему потихоньку симпатизировали», говоритъ Варегинъ, «они возвели въ принципъ, въ систему; это наши собственныя сѣмена, только распустившіяся въ букетъ». Если-же нашъ авторъ затронулъ исключительно пошленькую сторону нашей эпохи преобразованій, то вѣдь самое свойство его таланта таково, что онъ по преимуществу склоненъ изображать именно это.

Въ другомъ своемъ романѣ, «Люди сороковыхъ годовъ», онъ пытался затронуть и другую сторону той же многознаменательной эпохи, которая наступаетъ въ концѣ романа, послѣ давшей ему заглавіе трудной эпохи сороковыхъ годовъ. Но задача оказалась не по средствамъ автора, и романъ этотъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ у него къ числу самыхъ слабыхъ. По заглавію можно было ожидать, что «Людьми сороковыхъ годовъ» окажутся тутъ не только пустозвонные фразеры, но и тѣ честные дѣятели той поры, которые многое намъ подготовили. Между тѣмъ кого мы тутъ видимъ? На первомъ планѣ—вышедшій опять-таки изъ университетскихъ стѣнъ, но вынесшій изъ нихъ, въ свою очередь, крайне мало, Вихровъ, главная спеціальность котораго все тѣже сердечныя дѣла. Правда, онъ кидается наконецъ на литературное поприще, но первый его шагъ на немъ остается и послѣднимъ: повѣсть его, затрогивающая крестьянскій вопросъ, оказывается неудобною для печати, а его самого посылаютъ на исправительную службу въ провинцію подъ начальство къ губернатору, проводящему время

*) Вспомните, наприм., сцену *дворянскихъ выборовъ*, личность стараго сановника, мистика-ловеласа Ливанова и т. п.

на вечерахъ у г-жи Пиколовой, и прикрывающему своимъ авторитетомъ разныя, сомнительнаго свойства, дѣлишки. Въ видахъ радикальнаго излѣченія отъ вольнодумства, Вихрову предписываютъ закрыть раскольничью молельню, и что же? — человѣкъ, написавшій такую повѣсть и, стало быть, подававшій надежды на что-то высшее—безпрекословно исполняетъ возложенное на него дѣло, хотя его обезпеченное положеніе давало бы ему полную возможность не бояться исключенія изъ службы. Видно и онъ не вынесъ изъ университетскихъ стѣнъ настоящей любви къ народу, которая, стало быть, проглянула у него только мелькомъ въ повѣсти изъ крѣпостнаго права. Будь въ немъ хоть капля этой настоящей любви,— и ни за какія блага вселенной у него не поднялась бы рука на то, что составляетъ для народа святыню. Позже Вихрову, это правда, все-таки приходится рѣшиться на смѣлый шагъ, и тѣмъ вооружить противъ себя начальника, но вотъ тутъ-то и начинается совершенно неожиданно преобразовательное движеніе конца пятидесятыхъ годовъ, начинается новая жизнь, и Вихрову отрывается полнѣйшій просторъ печатать свои произведенія.

Но именно эти годы, уже не сороковые, а пятидесятые и слѣдующіе за ними, именно они-то и нарисованы въ романѣ особенно слабо. Мы не видимъ тутъ всесторонняго воспроизведенія той смѣси добра и зла, отрадныхъ и печальныхъ явленій — той смѣси, которою неизбѣжно характеризуется всякая переходная эпоха; все это у Писемскаго скомкано въ одну слишкомъ слегка набросанную картину. Но все-таки, сопоставляя этотъ хотя и слабый романъ со «Взбаламученнымъ моремъ», т. е. сопоставляя воспроизведенный въ первомъ переходъ отъ сороковыхъ годовъ къ исходу пятидесятыхъ, съ воспроизведенными во второмъ романѣ болѣзненными явленіями шестидесятыхъ годовъ, мы можемъ сдѣлать выводъ такого рода, что эти болѣзненныя явленія, какъ и однородныя съ ними, затронутыя Гончаровымъ въ «Обрывѣ» и Достоевскимъ въ «Бѣсахъ», составляютъ внутренній, давно у насъ крывшійся и вышедшій наконецъ наружу недугъ. Внимательно прочитавъ лѣтопись нашей внутренней жизни за послѣднія десятилѣтія, представляемую намъ Писемскимъ, мы никакъ не станемъ искать объясненія событій въ какихъ-то трихинахъ, будто-бы нами проглоченныхъ, или въ какихъ-то бѣсахъ, будто-бы въ насъ вселившихся. Если дѣло въ заразѣ, то нужно строить карантины; если мы имѣемъ дѣло съ бѣсноватыми, — то ихъ приходится сажать на цѣпь. Если-же болѣзнь оказывается внутреннею,—то нужны другія, просто гигіеническія средства. Мнѣ невольно при-

поминаются при-этомъ слова великаго германскаго поэта: «свѣта, больше свѣта!» Да, и побольше свѣжаго, вольнаго воздуха,—тогда только выздоровѣетъ больной!

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о послѣднемъ романѣ Писемскаго: «Въ водоворотѣ».

Тутъ, какъ извѣстно, затронутъ такъ-называемый женскій вопросъ. Для того, чтобы понять тѣ явленія, которыя рисуетъ тутъ Писемскій,—явленія, сводимыя главнымъ образомъ къ практическому протесту противъ семейнаго начала и противъ ограниченія круга дѣятельности женщины одною семьей, надо припомнить ту картину нашей издавней семейной пустоты и безнравственности, которую нарисовалъ тотъ же Писемскій въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ; одно является естественнымъ слѣдствіемъ другаго. Но мы можемъ быть совершенно спокойны за начало семейное: какъ бы ни было оно у насъ издавна позорно извращено и до какого бы крайняго озлобленія ни доходилъ вслѣдствіе того протестъ противъ этого начала,— оно въ основѣ своей устоитъ, уцѣлѣетъ, потому что оно въ природѣ человѣка. Несомнѣнно уцѣлѣютъ и основные, изъ самой природы вытекающіе, а потому и неустранимые нравственные оттѣнки, отличающіе женщину отъ мужчины. Вслѣдствіе того, что женственность долгое время усматривалась только въ стремленіи къ нарядамъ, къ веселостямъ, къ блеску и т. п., явилось, изъ презрѣнія къ такому понятію о женственности, ревностное стремленіе совершенно ее уничтожить, сдѣлать женщину — нетолько *равноправною* (требованіе вполнѣ законное и которое рано или поздно будетъ удовлетворено), а просто *равною*, т. е. *тожественною* съ мужчиной. Но мы можемъ быть и въ этомъ отношеніи совершенно спокойны: женственность, какъ естественное слѣдствіе совокупности извѣстныхъ физіологическихъ и психическихъ особенностей женской природы, нетолько сохранится, но и будетъ далѣе развиваться по мѣрѣ общаго развитія человѣчества, потому что она составляетъ въ немъ одну изъ такихъ стихій, безъ которыхъ его жизнь должна-бы была остаться неполною.

Елену въ «Водоворотѣ» можно сопоставить съ Базаровымъ: оба они стараются совершенно освободиться отъ всего напускнаго, доставшагося по преданію. Но, зарываясь въ этомъ стремленіи сбросить съ себя все лишнее, они сбрасываютъ и то, чего окончательно сбросить нельзя: они начинаютъ подавлять свои естественныя свойства. Базаровъ хочетъ совершенно вытравить въ себѣ всякое поэтическое чувство, всякую симпатическую наклонность, связывающую его съ другими людьми — тогда какъ они составляютъ принадлежность его

богатой природы. Елена, вооружаясь противъ семейнаго гнета, готова совершенно отвергнуть семью, а между тѣмъ чувства *жены* и *матери* такъ и сказываются въ ней, отвергающей *женственность*. Но про нее, какъ и про Базарова, мы во всякомъ случаѣ должны сказать, что это типы сильные, стойкіе въ своихъ правилахъ, и въ этомъ смыслѣ цѣльные. Въ концѣ романа замѣчено про Елену, что «она говорила и поступала такъ, какъ думала и чувствовала». Здоровая сторона въ ней, при всѣхъ ея крайностяхъ,— это стремленіе къ труду, дающему возможность нравственной независимости и вносящему въ жизнь женщины ту высшую цѣль, которая должна воспитательно дѣйствовать и на подрастающее вокругъ нея поколѣніе. Появленіе такихъ личностей, несмотря на всѣ угловатыя ихъ увлеченія, важно уже какъ несомнѣнный признакъ того, что наступаетъ конецъ «женской обломовщинѣ». Въ заключеніе моей первой лекціи я сказалъ, что сколько бы ни было ошибочнаго въ стремленіяхъ молодаго поколѣнія вообще, если эти стремленія искренни, если въ основаніи ихъ лежитъ твердая вѣра въ возможность сыскать вѣрный путь—то путь этотъ рано или поздно, но будетъ отысканъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о стремленіи женщины выбиться изъ патріальныхъ путъ и завоевать себѣ разумный просторъ. Сколько бы ни было тутъ ошибокъ, но при искренности стремленія, и женщина отыщетъ-же наконецъ свою прямую жизненную задачу.

«Ищите и найдете» сказано вѣдь недаромъ.

ЛЕКЦІЯ VI.

Романы докладывающаго направленія.—Бурсацкіе типы у Стебницкаго, Помяловскаго и Рѣшетникова.—Простонародные типы у Рѣшетникова, Писемскаго, гр. Л. Н. Толстаго и др. — Значеніе хроники: «Война и Миръ».—«Въ лѣсахъ» А. Печерскаго.

Мы уже познакомились съ нѣсколькими представителями нашей литературы послѣ Гоголя и не могли не замѣтить болѣе или менѣе общаго всѣмъ имъ стремленія—уловить все, происходящее въ современной жизни. При такомъ стремленіи, наши писатели спѣшили воспроизводить и явленія, только-что у насъ возникающія. Но, ставъ на эту дорогу, они наконецъ принялись и за такія явленія нашей жизни, которыя могутъ привлекать къ себѣ вниманіе не однихъ только читателей, не одного только общественнаго мнѣнія, но и вниманіе—съ другой стороны. Воспроизводя эти явленія, наши писатели не всегда указывали, какъ мы видѣли,

на ихъ основныя причины. Но при такомъ неумѣніи, нехотѣніи или же просто невозможности разъяснить эти причины, наша литература стала, такъ сказать, выходить за предѣлы собственно-литературной сферы.

Всѣмъ извѣстно, что первымъ, воспроизведшимъ только-что народившееся тогда, такъ называемое нигилистическое направленіе былъ Тургеневъ; но ему, за его «Отцовъ и Дѣтей», по справедливости еще не могъ бы быть сдѣланъ упрекъ въ выступленіи за предѣлы литературные. Тургеневу, можетъ быть, не удалось разъяснить основныя причины явленія, но невидно ни изъ чего, чтобы онъ считалъ ихъ разъясненіе лишнимъ, а вполнѣ достаточнымъ одно указанье на то, что такое явленіе существуетъ. Недаромъ же Тургеневъ, связавъ *дѣтей* съ *отцами*, и оцѣнилъ безпристрастно тѣхъ и другихъ, безъ малѣйшаго склоненія вѣсовъ на какую-либо сторону. Онъ умѣлъ вполнѣ воздержаться и отъ того нагроможденія подробностей, которое, при отсутствіи объяснительной психологической связи, невольно представляется преднамѣреннымъ преувеличеніемъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы въ ошибку этого рода не впали Гончаровъ въ «Обрывѣ» и Достоевскій въ «Бѣсахъ». Что̀ касается Писемскаго въ «Взбаламученномъ морѣ», въ «Людяхъ 40-хъ годовъ» и въ «Водоворотѣ», то я старался указать на зависимость *психологической* неразъясненности у него современныхъ явленій отъ особенности его — по преимуществу *повѣствовательнаго*—пріема, а равно и на то, что, внимательно вникая въ *прагматическую* связь этихъ явленій, достаточно ясную у Писемскаго, читатель однакоже можетъ прійти къ вѣрному уразумѣнію ихъ причинъ.

Но у насъ есть еще два произведенія на ту же тему, о которыхъ я долженъ сказать хотя нѣсколько словъ: это «Некуда» Стебницкаго и «Панургово стадо» Всеволода Крестовскаго. Что̀ касается перваго, то прежде всего, какъ мнѣ кажется, справедливость не позволяетъ отказать автору въ положительномъ дарованіи. Противоположность между двумя главными женскими его типами, Дженни и Лизой,—проведена чрезвычайно послѣдовательно. Дженни можно отнести къ разряду тѣхъ типовъ, которые на нѣсколько условномъ, но въ своемъ родѣ мѣтко-своеобразномъ языкѣ Апп. Григорьева назывались типами «*смирными*»; Лизу же къ тѣмъ, которые онъ называлъ «*хищными*». Авторъ говоритъ про Дженни, что желаніе ея было: «пусть всѣмъ хорошо будетъ»... «Жить каждому въ своемъ домикѣ»—такъ рѣшила она въ своей незамысловатой программѣ. «Она только не знала, что нельзя всѣмъ построить собственные домики и безмятежно жить въ нихъ,

пока двужильный старикъ Захватъ Ивановичъ сидитъ на большой коробьѣ да похваляется, а свободная человѣческая душа ему молится: научи, молъ, меня, батюшка Захватъ Ивановичъ, какъ самому мнѣ Захватомъ стать». Впослѣдствіи Дженни должна была убѣдиться въ томъ, что на свѣтѣ живется не такъ-то легко, какъ ей думалось; но, узнавъ это, она, повидимому, безъ труда помирилась съ такимъ порядкомъ вещей: вѣдь натура у нея была «смирная». Лиза, со своей «хищной» натурой, не могла примириться съ тѣмъ, что представлялось ей ненормальнымъ. Но, попавъ въ тотъ новый кругъ, въ которомъ она ищетъ исхода изъ прежняго своего положенія, она, при своей прямой, правдивой натурѣ и своемъ проницательномъ умѣ, сейчасъ же узнаетъ въ главномъ заправщикѣ круга, Бѣлоярцевѣ, человѣка, вполнѣ способнаго молиться Захвату Ивановичу, чтобы тотъ научилъ его—также Захватомъ стать. Разгадавъ настоящаго хозяина того «дома», въ который она перешла, она охладѣваетъ и къ его населенію, слишкомъ уже беззавѣтно довѣрившемуся этому хозяину, и находитъ пріютъ для своихъ вѣрованій въ личности вполнѣ чистой, являющейся искреннимъ представителемъ свободнаго направленія—въ этомъ полушвейцарцѣ, полурусскомъ Райнерѣ. Въ немъ она видитъ въ настоящемъ видѣ то, что̀ такъ извращено и опошлено Бѣлоярцевымъ.

Блужданія Лизы, исканіе ею чего-то иного, лучшаго, вполнѣ объясняется у автора тѣмъ, что ея прежняя среда не отвѣчала на тѣ запросы, которые такъ рано въ ней пробудились. «Семья не поняла (ея) чистыхъ порывовъ, люди ихъ перетолковывали; друзья старались ихъ усыпить; мать кошекъ чесала, отецъ младенчествовалъ. Все обрывалось; некуда было дѣться». И это нетолько *сказано*, но и съ достаточною ясностью *показано* въ романѣ. Но въ концѣ его авторъ говоритъ также и про мужскія свои личности: «некуда было идти силамъ, онѣ и пошли въ криворостъ». Но вотъ это-то такъ и осталось у него только *сказаннымъ*, а вовсе не *показаннымъ* въ самомъ дѣйствіи романа. Мужскія лица Стебницкаго вѣдь не оставались въ томъ замкнутомъ кругу, въ которомъ томилась Лиза: они съ дѣтства жили за предѣлами семьи, воспитывались въ общественныхъ заведеніяхъ, испытывали различныя жизненныя вліянія; почему же все это привело къ тому, что имъ некуда было дѣться? Это остается у автора совершенно невыясненнымъ, такъ что одна существенная сторона задачи—причины кривороста нашихъ мужскихъ силъ, вовсе нетронута имъ, а видно только, что этотъ «криворостъ» его сердитъ. Но вѣдь такое писанье *съ-сердцовъ* ни къ чему не приводитъ: это

все равно, какъ-то еслибы докторъ, вмѣсто опредѣленія болѣзни, ограничился только однимъ распеканіемъ больнаго за то, что онъ заболѣлъ.

Но Стебницкій затронулъ еще одну сторону въ своемъ романѣ,—сторону, которую затрогивали и другіе писатели, въ томъ числѣ и Писемскій въ «Водоворотѣ»: я разумѣю такъ-называемую «польскую пропаганду», съ ея такъ-называемыми «русскими жертвами». Писемскій въ лицѣ князя Григорова выставилъ человѣка, который нисколько не поддается этой пропагандѣ; вполнѣ ею увлекается только Елена, сама на половину полька. Она ввѣряется Жуквичу, выдающему себя за дѣятеля польской справы, на самомъ же дѣлѣ оказывающемуся обманщикомъ, но сама она дѣйствуетъ съ искреннимъ увлеченіемъ новообращенной. Въ лицѣ Елены мы видимъ примѣръ женщины, которая изъ состоянія ищущей, подобно Лизѣ, *чего-то* иного, лучшаго — вдругъ переходитъ въ состояніе успокоившейся на *готовой* почвѣ народности, рѣшающейся съ этихъ поръ самоотверженно дѣйствовать въ ея лонѣ. Въ этомъ отношеніи личность Елены оттѣняетъ многіе русскіе женскіе типы, повидимому, вовсе не имѣющіе отечества.

Въ другомъ романѣ, появившемся болѣе или менѣе около того же времени, въ «Маревѣ» Клюшникова, мы видимъ *русскую* женщину, которая увлекается *польскимъ* патріотизмомъ (подобно тому, какъ Елена у Тургенева увлекается патріотизмомъ *болгарскимъ*). Крестовскій въ своемъ «Панургомъ стадѣ» выводитъ нѣсколько русскихъ мужчинъ, которые становятся польскими патріотами. Вотъ эта-то податливость русскихъ людей и представляется ему такимъ состояніемъ, которое онъ думаетъ опредѣлить словами: «Панургово стадо»—отсюда и заглавіе романа. Но сущность этого явленія такова, что въ него слѣдовало бы вникнуть глубже; относиться къ нему такъ слегка, поверхностно, какъ отнеслись упомянутые писатели, едва-ли дѣльно. Вѣдь вся наша ошибка въ томъ, что въ этомъ чужомъ патріотизмѣ, которымъ у насъ увлекались, не замѣчали большаго пробѣла—не замѣчали отсутствія того, безъ чего немыслима никакая народность — отсутствія самого народа, оставшагося позабытымъ у большинства польскихъ патріотовъ. Но наши беллетристы и публицисты нападали собственно не на это: имъ представлялась легкомысліемъ и малодушіемъ наша способность сознавать свои историческія вины. А между тѣмъ вѣдь подобная способность, хотя бы вины эти понимались нами невѣрно, хотя бы мы ихъ преувеличивали и старались загладить ихъ уже слишкомъ очертя голову,—есть такая черта въ нашемъ народномъ характерѣ, которую надо умѣть цѣнить. Нашимъ белле-

тристамъ и публицистамъ извѣстной школы хотѣлось бы во-что-бы-ни стало навязать намъ національную нетерпимость и исключительность! Но это не въ нашей натурѣ: добровольно, со смакомъ, мы никогда не будемъ Захватъ Ивановичами.

Съ другой же стороны, безпрерывно говорить о томъ, что наше умственное броженіе, со всѣми его крайностями и уродливостями, есть только результатъ чужой пропаганды, что мы тутъ только стадо, что внутреннихъ глубокихъ причинъ такого броженія у насъ нѣтъ,—вѣдь это значитъ систематически мѣшать намъ взглянуть, такъ сказать, прямо въ глаза окружающимъ насъ явленіямъ. Правда, Крестовскій въ одномъ мѣстѣ своего романа говоритъ о томъ броженіи, которое онъ рисуетъ: «это было прямое и естественное слѣдствіе причинъ историческихъ, начиная съ гатчиновщины, аракчеевщины и кончая долговременнымъ гробовымъ молчаніемъ, это была расплата за прошлое». Если-бы все это дѣйствительно было въ романѣ *показано*, если-бы мы видѣли, какимъ образомъ бичуемыя авторомъ явленія вытекли изъ тѣхъ историческихъ причинъ, о которыхъ онъ говоритъ, тогда-бы романъ этотъ имѣлъ большое значеніе; но дѣло въ томъ, что все это въ немъ только *сказано*, а ничего не *показано*. Мы видимъ рядъ безобразій, уродливостей, страшную неурядицу, берущуюся Богъ знаетъ откуда (объяснять все это только чужимъ вліяніемъ, какъ дѣлаетъ авторъ, значитъ собственно ничего не объяснить). Кромѣ того—какія преувеличенія, какая каррикатурность—ради тенденціи! Вотъ, напримѣръ,—учитель полякъ, который высказывается въ пользу исключенія изъ гимназіи ученика за непозволительное чтеніе въ публичномъ мѣстѣ. Учитель русскій возстаетъ противъ подобнаго исключенія, какъ противъ мѣры безчеловѣчной, и сгоряча называетъ поляка подлецомъ. Между ними должна произойти дуэль, но полякъ вдругъ отказывается отъ нея, говоря, что русскій—шпіонъ, а съ такими людьми на дуэль не выходятъ. И что-же? Всѣ, начиная отъ гимназистовъ и кончая учителями, вѣрятъ клеветѣ поляка и отворачиваются отъ русскаго, стоявшаго въ педагогическомъ совѣтѣ за вполнѣ гуманное отношеніе къ ученику—до того, видите-ли, забористъ дурманъ, поднесенный намъ польскою пропагандой! А привязанность Лубяновской къ Полуярову, въ своемъ родѣ напоминающая *собачью* привязанность Настеньки къ Калиновичу? Правдоподобна-ли такая привязанность у Крестовскаго? И что такое этотъ Полуяровъ, далеко превосходящій каррикатурностью Марка Волохова? Въ Полуяровѣ какъ-бы собралъ авторъ все, что есть самаго нехорошаго въ человѣческой натурѣ, и все это смазалъ либерализмомъ. Нахалъ, когда-то за-

маравшійся объ откупà, а потомъ доходящій до того, что пишетъ самъ себѣ письма отъ эмигрантовъ, самъ на себя доноситъ, чтобы прославиться, а потомъ самъ же и труситъ,—вотъ Полуяровъ. Есть-ли въ подобной личности хоть одна черта, которая могла-бы возбудить къ нему страсть такой дѣвушки, какъ Лубяновская? Привязанность Вѣры къ Марку Волохову объясняется тѣмъ, что ей хочется надъ нимъ поработать, что она надѣется его пересоздать, между тѣмъ какъ героиня Крестовскаго поддается Полуярову вполнѣ беззавѣтно, съ какимъ-то опъяненіемъ раболѣпствуя передъ этимъ деспотомъ-пошлякомъ. Очевидно, всѣ подобныя несообразности нагромождены для того, чтобы сказать: «посмотрите, что̀ у насъ творится»! Романъ наконецъ совершенно перестаетъ быть романомъ; онъ обращается въ какую-то реляцію о студенческой исторіи, о петербургскихъ пожарахъ; дальнѣйшее развитіе характеровъ совершенно прекращается и забывается,—словомъ, мы получаемъ полнѣйшій образчикъ той литературы, которая, по мягкому выраженію нѣкоторыхъ, признана «докладывающею». Точнѣе было-бы, можетъ быть, употребить другое, менѣе благовидное слово.

Пальма первенства между беллетристами этой школы безспорно принадлежитъ Крестовскому, утратившему, благодаря ей, почти всѣ признаки дарованія, которое у него несомнѣнно было. Признаки дарованія, какъ видѣли мы, гораздо яснѣе сохранились у Стебницкаго въ «Некуда». Но въ послѣднее время тотъ же авторъ проявилъ это дарованіе и на другомъ, болѣе благодарномъ поприщѣ, избравъ тему, которая еще очень мало разработана у насъ съ той стороны, которой коснулся онъ. Правда, въ его «Соборянахъ» также встрѣчаются личности, каррикатурностью своего изображенія и своими извѣстнаго рода замашками напоминающія личности Крестовскаго, но главный интересъ этой «Старгородской хроники» заключается, конечно, въ первенствующемъ лицѣ протопопа Туберозова. Лицо это совершенно ясно выражается уже въ той главѣ романа, которая носитъ названіе: «Домикотоновая книга протопопа Туберозова». Этотъ его дневникъ — несомнѣнно лучшій отдѣлъ романа, остальныя главы котораго даютъ развѣ очень немного для дальнѣйшаго выясненія характера почтеннаго протопопа. Языкъ и содержаніе дневника таковы, что совершенно избавляютъ автора отъ малѣйшаго упрека въ ложной идеализаціи: онъ выставляетъ личность сочувственно, но не ставитъ ее на ходули. Читая этотъ дневникъ, мѣстами улыбаешься, но при-этомъ невольно любишь и уважаешь честнаго и умнаго протопопа. Вотъ что̀ отмѣчаетъ онъ, напримѣръ, въ своемъ дневникѣ о выступленіи своемъ на пастырское поприще: «Проповѣдывалъ впервые въ

соборѣ послѣ архіерейскаго служенія. Темой проповѣди избралъ текстъ притчи о сыновьяхъ вертоградаря... Свелъ сіе ко благимъ дѣйствіямъ и благимъ намѣреніямъ, позволяя себѣ нѣкоторые намеки на служащихъ, присягающихъ и о присягѣ своей небрегущихъ, давая симъ тонкіе намеки чиноначаліямъ и властямъ... Владыка одобрили сію мою пробу пера. Однакоже впослѣдствіи его преосвященство призывалъ меня къ себѣ, и, одобряя мое слово вообще, въ частности указалъ, дабы въ проповѣдяхъ прямаго отклоненія къ жизни дѣлать опасался, особливо же насчетъ чиновниковъ...»

Такимъ образомъ, желаніе честнаго протопопа внести живое начало въ дѣло проповѣди на первыхъ же порахъ встрѣчаетъ преграду. Но онъ попадаетъ на такое мѣсто, гдѣ съ одной стороны встрѣчается съ *расколомъ*, а съ другой съ *католическою пропагандой*. Ему хочется живымъ, гуманнымъ образомъ отнестись къ раскольникамъ: «Представлялъ репортомъ», — пишетъ онъ, — «о дозволеніи имѣть на Пасхѣ словопреніе съ раскольниками, въ чемъ и отказано...» Вмѣсто словопренія нужно совсѣмъ другое: у него добиваются, отчего онъ не дѣлаетъ никакихъ *доносеній* о раскольникахъ. Въ отвѣтъ на это, какъ значится въ его дневникѣ, онъ «добавилъ... въ репортѣ, что наиглавнѣе всего, что церковное духовенство находится въ крайней бѣдности, и того для, по человѣческой слабости, не противодѣйственно подкупамъ, и даже само не мало потворствуетъ расколу, какъ и другіе прочіе оберегатели православія, пріемля даянія раскольниковъ. Заключилъ, что не съ иного чего надо бы начать, къ исправленію скорбей церкви, какъ съ изъятія самаго духовенства изъ-подъ тяжкой зависимости...» Послѣ такого смѣлаго замѣчанія, что у насъ не съ того конца начинаютъ, онъ «вторично получилъ выговоръ и замѣчаніе и вызванъ къ личному объясненію». Далѣе ему наставнически замѣтили, «что и самъ Господь нашъ не имѣлъ гдѣ главы восклонить, а къ сему учить не уставалъ...». Совѣтовали читать книгу «О подражаніи Христу». Вслѣдъ за тѣмъ въ дневникѣ Туберозова описывается «зрѣлище страшное, непристойное и поистинѣ возмутительное»; — это то самое зрѣлище, которое у Писемскаго достается на долю Вихрову—разрушеніе раскольничьей молельни. Онъ думалъ дѣйствовать проповѣдью, а пришлось, чтобы не ослушаться начальства (а ослушаться было бы для него несравненно труднѣе, чѣмъ для Вихрова), — пришлось оскорблять религіозное чувство раскольниковъ. Подъ 25-мъ августа Туберозовъ заноситъ въ дневникъ слѣдующія, своего рода лиризмомъ проникнутыя строки: «Какая огромная радость! Ксендзы по Литвѣ

учредили общество трезвости; они проповѣдуютъ противъ пьянства, и пьянство престаетъ, и народъ остепеняется, а откупщики-кровопійцы лопаются. Ахъ какъ бы хотѣлось въ семъ родѣ проповѣдничать!» Нѣсколько же далѣе мы читаемъ (5 сентября): «Въ нѣкоторыхъ православныхъ обществахъ заведено то же. Боюсь, не утерплю, и скажу слово. Говорилъ бы по мысли Кирилла Бѣлозерскаго: како крестьяне ся пропиваютъ, а души гибнутъ!» Но что̀ можно было во время оно Кириллу Бѣлозерскому, того нельзя протопопу Туберозову, и онъ пишетъ далѣе: «...Какъ проповѣдывать безъ цензуры не смѣю, то хочу интригой учредить у себя общество трезвости. Что̀ дѣлать? за неволю и патеру Игнатію Лойолѣ слѣдовать станешь, когда прямой дорогою хода нѣтъ». Вскорѣ Туберозову приходится пойти по дорогѣ сдѣлокъ со своею совѣстью и еще далѣе: «Поляки у насъ, — пишетъ онъ, — словно господами нашими дѣлаются... Чего съ роду не хотѣлъ сдѣлать, то нынѣ сдѣлалъ: написалъ на нихъ порядочный доносъ». Но этотъ послѣдній поступокъ остается въ романѣ недостаточно выясненнымъ психологически: точно-ли обстоятельства должны были непремѣнно привести къ нему Туберозова, или же это только навязано ему авторомъ подъ вліяніемъ взглядовъ извѣстнаго литературнаго лагеря, по которымъ въ борьбѣ съ врагами будто бы и нельзя обойтись безъ доносовъ? Что протопопъ Туберозовъ, съ другой стороны, впадаетъ въ апатію, что онъ начинаетъ находить удовольствіе въ томъ, чтобы выпить, получше поѣсть и подольше поспать, потому что живая дѣятельность стала для него плодомъ запретнымъ,—все это, конечно, совершенно понятно, полно психологической правды. Какъ бы то ни было, хотя бы въ дневникѣ Туберозова было съ одной стороны что̀-нибудь перазсказано, съ другой—недосказано, характеръ протопопа намѣченъ вообще вѣрно и дневникъ представляетъ самъ по себѣ замѣчательное литературное произведеніе. Авторъ довольно глубоко заглянулъ въ душу—въ сущности весьма свѣтлой личности изъ нашего бѣлаго духовенства, и въ нѣкоторомъ смыслѣ дневникъ Туберозова (не говорю: «Соборяне» вообще) можетъ быть поставленъ наравнѣ съ произведеніемъ писателя, къ сожалѣнію, уже умершаго, раскрывшаго другую сторону въ жизни нашего духовенства,—то воспитаніе, которое оно получаетъ: я разумѣю «Очерки бурсы» Помяловскаго.

Тутъ, какъ извѣстно, съ безпощадной откровенностью выставлены всѣ язвы этого воспитанія. Сопоставляя «Очерки бурсы» съ «дневникомъ Туберозова», мы должны придти къ заключенію, что личности въ родѣ Туберозова не могутъ принадле-

жать къ числу заурядныхъ, выходящихъ изъ бурсы. Мы видѣли указаніе студента-барича Бакланова на тѣхъ крѣпышей и дѣловиковъ-студентовъ, которые собственнымъ упорнымъ трудомъ выходятъ въ люди; онъ объясняетъ ихъ дѣловитость тѣмъ, что они прошли черезъ бурсу. И дѣйствительно, оттуда выходятъ такіе крѣпыши, которые найдутся на всякой дорогѣ, не пропадутъ нигдѣ. Но, съ другой стороны, вникая въ тѣ явленія, которыя рисуетъ Помяловскій въ своихъ «Очеркахъ бурсы», нельзя не убѣдиться въ томъ, что послѣ такого воспитанія во многихъ личностяхъ должно развиться нѣчто совершенно другое, а именно — сильнѣйшее озлобленіе. Счастливыя натуры выносятъ этотъ тяжелый искусъ, не ожесточаясь и не падая духомъ; другія совершенно тупѣютъ или пошлѣютъ; третьи, наконецъ, ожесточаются. Писаревъ въ одной изъ своихъ лучшихъ статей сравнилъ, какъ извѣстно, «Очерки бурсы» Помяловскаго съ «Записками изъ Мертваго Дома» Достоевскаго, и сравненіе это проведено имъ убійственно вѣрно. Критикъ доказываетъ, между прочимъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ бурса, этотъ мертвый домъ, куда попадаютъ *дѣти*, чтобы въ немъ, въ этомъ *мертвомъ* домѣ, подготовиться къ *жизни*, — что она оказывается еще болѣе сдавливающею, чѣмъ острогъ. «Тамъ, — говоритъ онъ про послѣдній, — не толкутъ воды; тамъ все-таки возможно работать». Между тѣмъ, долбня, которая такъ долго господствовала въ бурсѣ, представлялась дѣйствительно для свѣжихъ, молодыхъ способностей своего рода «толченіемъ воды», а за то, что эта долбня не нравилась — доставалась страшнѣйшая порка. Я нахожу совершенно лишнимъ указывать на подробности, — кто не читалъ «Очерковъ бурсы»? Вспомните еще другую сторону, чрезвычайно ярко выставленную у Помяловскаго, — именно, что эти самые бурсаки, которыхъ заставляли только долбить, которыхъ такъ безпощадно пороли, въ которыхъ, съ одной стороны, все притуплялось, съ другой являлась упорная ожесточенность и одичалость,—что они еще въ стѣнахъ бурсы изъ положенія школьниковъ попадали въ положіе жениховъ.

Какая отталкивающая сцена, когда къ инспектору бурсы является вдова священника съ дочерью и приноситъ ему убогіе подарки, въ томъ числѣ цѣлковый, слезно прося достать жениха ея дочери, за которою закрѣплено отцовское мѣсто. «У насъ на Руси не рѣдкость, замѣчаетъ Помяловскій, что бракъ устраивается потому, что женихъ получитъ повышеніе по службѣ и приданое, а невѣста пристроится, получитъ имя жениха и чинъ его». Не мало такихъ явленій видѣли мы въ повѣстяхъ Писемскаго, но

Помяловскій прибавляетъ: «нигдѣ святость брака не была такъ попрана, какъ въ сферѣ бурсацкихъ типовъ. Здѣсь нарушеніе брака, извращеніе его узаконено и освящено обычаемъ»... «Въ свѣтскихъ искусственныхъ бракахъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, большею частью оскорбляется женщина; но въ бурсацкихъ и женщина, и мужчина. Въ свѣтскихъ мужчина говоритъ: я сытъ и есть у меня имя, иди за меня — ты будешь сыта и получишь имя»; въ бурсацкихъ-же не то: женихъ кричитъ: «ѣсть нечего»; невѣста кричитъ: «съ голоду умираю»—и исходъ одинъ: соединиться обѣимъ сторонамъ». Объясняя это поражающее явленіе, которое держалось у насъ такъ долго и посѣяло столько зла, авторъ продолжаетъ: «русскіе священники, діаконы, причетники—представители православнаго пролетаріата, у нихъ нѣтъ собственности..... До поступленія на мѣсто, всякій попъ нашъ гладенъ и хладенъ, при поступленіи — приходъ его кормитъ.... Вотъ это-то пролетаріатство духовенства, безземельность, необезпеченность извратили всю его жизнь».—«Чтобы не дать умереть съ голоду осиротѣвшимъ семействамъ духовныхъ лицъ, рѣшились пожертвовать однимъ изъ высочайшихъ учрежденій человѣческихъ—бракомъ. Мѣсто *закрѣпляютъ*, — техническое, замѣтьте, чуть не официальное выраженіе». Словомъ, то широко понимаемое положеніе Сонечки Мармеладовой, о которомъ говоритъ Достоевскій, оказывалось постояннымъ, какъ-бы узаконеннымъ явленіемъ въ жизни нашего духовенства! Конечно, въ настоящее время явленіе это уже не считается узаконеннымъ,—оно, напротивъ, осуждено новѣйшими мѣропріятіями. Но много еще пройдетъ времени прежде, чѣмъ потеряютъ силу тѣ замѣчанія Помяловскаго, которыя относятся вообще къ пролетаріатству нашего духовнаго класса со всѣми его послѣдствіями: противъ этого зла вообще настоящія мѣры вѣдь еще и не приняты, а потому и бракъ по неволѣ *на дѣлѣ* еще останется нерѣдкимъ явленіемъ въ жизни нашего духовенства.

Какова-же должна быть семейная жизнь послѣ подобнаго брака? Понятно, что тѣ человѣческія отношенія, которыя существуютъ у Стебницкаго между протопопомъ Туберозовымъ и его женой—не могутъ быть господствующимъ явленіемъ. Такимъ явленіемъ скорѣе должно быть признано то, что̀ рисуетъ намъ другой писатель на туже тему, Рѣшетниковъ, въ своемъ «Ставленникѣ». Да, заурядною скорѣе должна быть признана та — нетолько холодность, но почти ненависть, какую питаетъ тутъ мужъ-ставленникъ къ доставшейся ему по разсчету женѣ. А каково должно быть при такой обстановкѣ воспитаніе дѣтей! И послѣ такого-то семейнаго воспитанія эти дѣти попадали въ бурсу, гдѣ

ихъ воспитывали такъ, какъ это описано Помяловскимъ, съ тѣмъ, чтобы нерѣдко уже въ стѣнахъ той-же бурсы они заранѣе обрекали себя на ту же насильную брачную жизнь, которая давала существованіе новому поколѣнію, обреченному, разумѣется, опять на такое-же воспитаніе, опять на такую-же дальнѣйшую участь, и т. д. и т. д. изъ поколѣнія въ поколѣніе! Понятно, что при подобныхъ порядкахъ не часто могли выходить изъ стѣнъ бурсы Туберозовы и Проскриптскіе, а нерѣдко должны были выходить Базаровы. Если въ чемъ-нибудь можетъ быть сдѣланъ упрекъ Тургеневу, то собственно въ томъ, что онъ не объяснилъ всѣхъ особенностей этого типа—тою средою, въ которой Базаровъ родился и долженъ былъ получить первоначальное, до-университетское воспитаніе и образованіе. Но Тургеневъ, какъ извѣстно, отнесся къ Базарову безъ малѣйшей злобы; другіе-же послѣ него обращались къ этого рода типу съ пѣною у рта, тогда какъ надо было не злиться (этому могла-бы научить хотя-бы даже *эстетика* со своею теоріею спокойнаго и успокаивающаго творчества), а убѣдительнымъ образомъ разъяснить происхожденіе типа. Надо было писать такъ, чтобы вышелъ наружу настоящій источникъ такъ-называемаго *нигилизма*—различныя наши общественныя неустройства, въ томъ числѣ и пролетаріатъ духовенства..... Вмѣсто того, чтобы самодовольно кричать: «у насъ нѣтъ пролетаріата, у насъ его быть не можетъ», надо было понять и доказать другимъ, что онъ у насъ есть, но только въ особомъ видѣ.... Вмѣсто того, чтобы бить въ набатъ объ опасности отъ чужихъ книжекъ, надо было постоянно показывать, что продолжать, не уставая, идти прямою дорогой спокойнаго внутренняго переустройства, — единственное дѣйствительное средство отъ всякихъ *трихинъ и бѣсовъ*.

Къ числу писателей, вѣрно и честно указывавшихъ настоящую причину болѣзней преимущественно бурсацкой среды, принадлежитъ, вслѣдъ за Помяловскимъ, и столь-же рано умершій Рѣшетниковъ. Оба они не даромъ испытали на самихъ себѣ гнетущее вліяніе этой среды, изъ которой, какъ вѣрно показываютъ ихъ сочиненія, рвутся и не могутъ не рваться даровитыя силы. Но Рѣшетниковъ, въ нѣкоторыхъ своихъ повѣстяхъ, указываетъ намъ на такое-же стремленіе вырваться изъ гнетущихъ обстоятельствъ также и другой среды,— той, съ которою значительная часть нашего духовенства поставлена, такъ сказать, съ глазу на глазъ,—среды простонародной. Создать себѣ новое положеніе, сыскать себѣ мѣсто «гдѣ лучше»— вотъ что составляетъ содержаніе большаго романа Рѣшетникова, такъ и озаглавленнаго этимъ вопросомъ,—романа, по выполненію

уступающаго другимъ произведеніямъ того-же писателя, но замѣчательнаго по своей основной мысли. Гораздо выше, по выполненію, извѣстный этнографическій очеркъ Рѣшетникова: «Подлиповцы», рисующій въ самомъ безотрадномъ свѣтѣ положеніе народа въ одномъ изъ самыхъ глухихъ угловъ нашего отечества. Авторъ, конечно, не безъ умысла выбралъ именно такую мѣстность, гдѣ, по самымъ климатическимъ условіямъ, человѣкъ поставленъ въ положеніе полуживотнаго. «Пробовали, сказываютъ Подлиповцы, за хлѣбушкомъ ходить, да все не въ толкъ; только начинаетъ созрѣвать хлѣбъ,—баско—!вдругъ дожди, заморозки, снѣгъ.... Поплачешь, погорюешь, да и скосишь травку божью, измелешь и ѣшь такъ съ горячей водой, либо настоящей мучки смѣшаешь или коры осиновой, либо липовой наскоблишь».... При такомъ состояніи постояннаго голоданія,—у жителей этой глухой мѣстности Чердынскаго уѣзда замѣтно, съ другой стороны, и полное отсутствіе духовнаго хлѣба. Еще недавно крещеные, они хотя-бы и съ дѣтства были крещены, тѣмъ не менѣе были-бы только по имени христіанами. Священнику, получающему за требы ковригу хлѣба, некогда думать о томъ, чтобы кормить духовной пищей свою паству. Сгущая мрачныя краски въ своей картинѣ безвыходнаго положенія Подлиповцевъ, Рѣшетниковъ, между прочимъ, представляетъ намъ голодныхъ и окоченѣлыхъ дѣтей, которыхъ положили въ печь потому, что тамъ теплѣе, и которыхъ убиваетъ вывалившійся изъ внутренности печи камень. А родные и не чувствуютъ своей потери: напротивъ, они почти рады, что двумя ртами меньше. Авторъ идетъ еще дальше: онъ дѣлаетъ намеки на то, что и самая выдающаяся между Подлиповцами личность — Пила, какъ будто-бы просто не сознаетъ, что такое «дочь»,—а его сыновья нимало не сознаютъ, что̀ такое «отецъ». Тутъ, можетъ быть, авторъ, въ своемъ желаніи ярче обрисовать весь ужасъ нравственнаго отупѣнія людей, зашелъ уже слишкомъ далеко. Но его гуманная натура и его дарованіе удержали его отъ окончательнаго впаденія въ крайность. И Подлиповцы все-же оказываются не вполнѣ отупѣлыми: человѣческая природа сказывается и тутъ въ томъ, что въ нихъ неугасло желаніе лучшаго, что они рвутся изъ своей безвыходной обстановки. Пила подговариваетъ ихъ идти на Волгу бурлачить, и они легко поддаются надеждѣ на хорошіе заработки, которую онъ имъ выставляетъ на видъ. Надежда эта, какъ извѣстно, обманываетъ несчастныхъ Подлиповцевъ: — бичева, за которую они тянутъ суда, разрывается, и они, разшибаясь при паденіи, платятся жизнью за неудачную предпріим-

чивость, возбужденную въ нихъ Пилой. Такая ихъ гибель—черта, можетъ быть, нѣсколько изысканная, такъ какъ это все-таки — лишь случайность. Съ другой стороны, можетъ быть, авторъ слишкомъ возвысилъ насчетъ остальныхъ собственно одного этого Пилу, который у него говоритъ: «вотъ, значитъ, я сила. Не я бы, такъ не то бы было съ вами». А вся его сила въ томъ, что онъ любящая душа. Такихъ же любящихъ душъ могло бы, можетъ быть, отыскаться и между Подлиповцами поболѣе, такъ что авторъ едва-ли не попадаетъ въ ложное возвеличеніе личности, говоря: «Онъ одинъ изъ подлиповцевъ понялъ, что, ничего не дѣлая, жить нельзя; онъ какъ-нибудь старался пріискать себѣ работу и сбыть ее, а главное услужить своимъ подлиповцамъ. Если въ городѣ ничего не покупали, Пила шелъ сбирать ради Христа и потомъ дѣлился съ подлиповцами». Едва-ли есть достаточныя причины считать до такой степени исключительною эту естественную способность думать о другихъ, жить для нихъ, дѣлиться съ ними послѣднимъ, ту способность, которую такъ любилъ подмѣчать Достоевскій въ своихъ забитыхъ, т. е., стало быть, не совершенно забитыхъ людяхъ. У Рѣшетникова эта глубоко психологическая черта выставлена уже слабѣе въ другомъ произведеніи, въ упомянутомъ выше романѣ «Гдѣ лучше?» Тутъ вообще психологическая сторона человѣка развита мало: тутъ мы видимъ скорѣе эпическій реализмъ во вкусѣ Писемскаго,—рядъ событій, поступковъ, а душевная сторона дѣйствующихъ лицъ остается скрытою въ своихъ подробностяхъ, на виду же только одно основное стремленіе ихъ — добиться, «гдѣ лучше?» То же самое служитъ руководящимъ началомъ (при такомъ же отсутствіи тонкаго психологическаго анализа) и въ повѣсти «Между людьми». Здѣсь, какъ и въ концѣ «Ставленника», ищущими лучшаго являются личности изъ духовнаго класса; достичь своей цѣли они разсчитываютъ въ столицѣ. Но авторъ умѣлъ показать, какъ непривѣтливо относится къ бѣдняку эта многопрославленная столица со всей ея роскошью и со всѣми ея удобствами. Суровый пріемъ, ожидающій въ ней бѣдныхъ тружениковъ, выставленъ у Рѣшетникова съ тою «трезвою правдою», которую Тургеневъ совершенно вѣрно считаетъ существеннымъ свойствомъ этого писателя.

Не всѣ однако лица изъ провинціи, хотя бы и лица изъ простаго народа, испытываютъ только неудачу въ своей столичной жизни. Писемскій въ разсказѣ «Питерщикъ» выставилъ личность, которой повезло въ Петербургѣ. Среда, его произведшая — промышленное, смѣтливое, находчивое крестьянское населеніе Костромской губерніи.

Впрочемъ, Пятерщику повезло въ Петербургѣ только въ первый разъ; во второй ему уже не повезло,—но въ совершенно особомъ смыслѣ: онъ не избѣгъ развращающаго вліянія столичной широкой жизни, хотя и этого бы съ нимъ не случилось, еслибы не особыя домашнія обстоятельства. Счастливый въ своемъ первомъ бракѣ, въ который онъ вступилъ по любви, Питерщикъ является во второмъ жертвою приказа отца; вотъ онъ съ горя и ѣдетъ опять въ столицу, гдѣ спускаетъ рѣшительно все въ развеселомъ житьѣ-бытьѣ; но здоровая натура беретъ опять верхъ, и онъ трудомъ наживаетъ себѣ новое состояніе. Такимъ образомъ Писемскій въ этомъ типѣ умѣлъ съ различныхъ сторонъ отнестись къ нашей простонародной средѣ, оставшись одинаково далекимъ и отъ ложной идеализаціи, и отъ крайняго сгущенія мрачныхъ красокъ. Въ другомъ извѣстномъ его разсказѣ: «Батька», выставлена уже исключительно мрачная сторона жизни нашего простонародья, т. е. собственно его семейныхъ нравовъ, рисуемыхъ тутъ въ ужасающемъ видѣ,—къ сожалѣнію, вовсе не преувеличенномъ, хотя подобныя явленія, разумѣется, не являются заурядными (да Писемскій и не думаетъ выставлять ихъ такими). Въ «Плотничьей Артели» тотъ же авторъ показываетъ намъ, до какой степени извращеннымъ можетъ оказываться и такое превосходное бытовое учрежденіе, какъ артель: надъ ней господствуетъ тутъ «кулакъ» Пузичъ, хотя съ другой стороны на него оказываетъ умѣряющее вліяніе умная, дѣловитая личность Петра, вполнѣ сознающаго свою силу и относящагося даже къ барину съ тѣмъ неподобострастіемъ русскаго человѣка, которую удавалось ему сохранять и въ принижающія времена крѣпостнаго права. Такое же точно воспроизведеніе и здоровыхъ сторонъ народа, и тѣхъ болѣзненныхъ, которыя въ немъ завелись подъ вліяніемъ различнаго рода печальныхъ причинъ историческихъ,—такое же точно многостороннее отношеніе къ народному быту и нравамъ обнаруживаетъ и Левъ Толстой. Вспомните его умнаго, образованнаго и самыми лучшими намѣреніями преисполненнаго молодаго помѣщика, а рядомъ съ нимъ, въ лицѣ различныхъ крестьянъ—народный практическій умъ, такъ мѣтко обличающій практическую несостоятельность барина—исключительно теоретика («Утро молодаго помѣщика»). Вспомните тотъ разсказъ, гдѣ на первомъ планѣ оказывается просто пьяница, на котораго всѣ махнули рукой. Но авторъ съумѣлъ показать, какъ въ этомъ пьяницѣ пробуждается вдругъ желаніе проявить свое человѣческое достоинство. Вслѣдствіе благосклоннаго къ нему каприза помѣщицы, ему поручаютъ отвезти въ городъ значительную сумму денегъ. Исправ-

нымъ исполненіемъ порученія Поликушка разсчитываетъ доказать, что на него положиться можно; но случайная пропажа ввѣренной ему суммы, которую, конечно, должны приписать его поведенію, доводитъ несчастнаго до самоубійства.

Л. Толстой, какъ извѣстно, не любитъ налегать на одно изъ господствующихъ явленій въ жизни нашего народа—на его невѣжество. Самый отъявленный врагъ всего напускнаго, всего искусственнаго, всей той сѣти условныхъ понятій, которая опутала жизнь нашихъ въ довольствѣ живущихъ классовъ, врагъ всего «приподнятаго», какъ выразился Ап. Григорьевъ въ своей статьѣ о Л. Толстомъ, нашъ авторъ любитъ въ отпоръ всему этому выставлять простоту народныхъ отношеній,—здоровую, какъ ему представляется, первобытность его нравовъ и его понятій: въ этомъ и сила Толстаго,—въ этомъ и его слабость. Въ своей хроникѣ «Война и Миръ», которая года два тому назадъ послужила для меня предметомъ особыхъ лекцій, Л. Толстой, расширилъ свою любимую мысль до того, что ему рѣшительно представлялась опасность дойти до крайней и ложной идеализаціи народа. Но трезвое чувство художника и притомъ художника-*реалиста* — такимъ совершенно справедливо признаетъ его и Н. Н. Страховъ *), удержало его отъ этого. Дѣло въ томъ, что всѣ событія 1812 г. излагаются у Л. Толстаго такимъ образомъ, что мы видимъ полнѣйшую неподготовленность къ нимъ нашего образованнаго класса. Толстой цѣлымъ рядомъ образовъ, взятыхъ изъ различныхъ слоевъ этого класса, показываетъ намъ, что они были, такъ сказать, застигнуты 1812 годомъ врасплохъ, а сдѣлалъ свое дѣло, *вывезъ* собственно простой народъ, тѣ мужики Карпъ и Власъ, которые жгли свое сѣно, вмѣсто того, чтобы продавать его по дорогой цѣнѣ французамъ. Но Толстой, при-этомъ, ни мало не скрываетъ и всѣхъ тѣхъ мрачныхъ сторонъ народа, которыя вовсе не сгладились и въ тяжелую годину испытанія: ни проявленія семейнаго деспотизма (Ѳерапонтовъ), ни вызваннаго войной жестокосердія пластуна, ни крайняго корыстолюбія казаковъ и т. п.; и этимъ даетъ намъ почувствовать, что отдѣльныя личности могутъ оставаться крайне плохими, но что даже и онѣ не могутъ устоять противъ того общаго и всемогущаго чувства, которымъ въ извѣстныя годины проникается весь народъ, спасающійся именно такимъ

*) Въ статьѣ его, напечатанной въ «Зарѣ» и заключающей въ себѣ много вѣрнаго, какъ и другія статьи того же критика, которому мѣшаетъ только до крайности доведенное мнѣніе, что «искусство не отъ міра сего», и литературныя связи со школой, *пишущею съ сердцовъ*.

общимъ чувствомъ. Простое дружное чувство самообороны—вотъ что̀ понялъ въ своемъ народѣ и самъ Кутузовъ, котораго все величіе, по мнѣнію Л. Толстаго, и заключается въ такомъ пониманіи своего народа. Полагаясь вполнѣ на него, онъ далекъ, какъ представляетъ Толстой, отъ всякихъ стратегическихъ тонкостей, отъ всякаго стремленія къ военнымъ эффектамъ, такъ часто безъ всякой нужды усиливающимъ кровопролитіе. Въ своемъ обращеніи къ войску и къ ополченію, во время уже начавшагося бѣгства французовъ, Кутузовъ, у нашего автора, умѣетъ воспользоваться нашей народной способностью почувствовать пощаду къ врагу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не дать совершенно погаснуть пока еще все-таки нужному озлобленію противъ него. Заставивъ Кутузова не переставать видѣть просто человѣка въ нашемъ русскомъ солдатѣ—Толстой, въ лицѣ Платона Каратаева, постарался съ особенною ясностью показать намъ простую, мягкую крестьянскую натуру вполнѣ сохранившеюся подъ носимою имъ уже такъ давно солдатской шинелью. «Онъ любилъ, и любовно жилъ, говоритъ авторъ, со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ. Жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ». Эта же самая черта еще ранѣе была подмѣчена въ нашемъ народѣ Тургеневымъ. Она выставлена имъ еще въ «Запискахъ Охотника», въ Калинычѣ и Касьянѣ изъ Красивой Мечи;—она, наконецъ, еще ярче обрисовалась въ такъ долго остававшемся заброшеннымъ и только недавно напечатанномъ очеркѣ—въ этой, заживо умершей, Лукерьѣ, прозванной «живыми мощами» *). Отрѣзанная ото всего остальнаго міра своей болѣзнью, она въ самой себѣ, при всей своей необразованности, умѣетъ создать себѣ цѣлый маленькій міръ; она связана сочувственными нитями со всею природой, но по преимуществу, какъ и Пл. Каратаевъ, съ человѣческимъ міромъ; она постоянно думаетъ о другихъ, что̀ сказывается и въ ея просьбѣ къ барину объ уменьшеніи оброка крестьянамъ, и въ простодушно перетолкованной ею и такъ ей понравившейся чужой, но со своей общечеловѣческой стороны такъ легко усвоенной его легендѣ объ Орлеанской дѣвѣ, положившей свою жизнь *за другихъ людей*. Но вѣдь та же самая черта въ нашемъ народномъ характерѣ подмѣчена и представителемъ «трезвой правды», по выраженію Тургенева,—покойнымъ Рѣшетниковымъ, у котораго она такъ ярко сказалась,

*) См. сборникъ «Складчина».

какъ видѣли мы, въ этомъ — во многихъ отношеніяхъ только получеловѣкѣ—подлиповцѣ Пи́лѣ. Вотъ такіе то простые люди, чувствующіе свою связь съ остальными людьми, по объясненію Толстаго, и вывезли Россію въ 1812 г.

Все картинно-величавое, эффектное совершенно снято съ этой эпохи Толстымъ, какъ снято оно имъ же и съ великой севастопольской драмы (въ его «Севастопольскихъ Очеркахъ). «Кто злодѣй? Кто герой? спрашиваетъ онъ въ очеркѣ: «Севастополь въ Маѣ.» Всѣ хороши и всѣ дурны....» «Герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами моей души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—*правда*».

Гоголь, въ свое время, говорилъ, что никѣмъ незамѣченное свѣтлое лицо въ его произведеніяхъ—*смѣхъ;* это тотъ правдивый смѣхъ, прямымъ наслѣдникомъ котораго и является въ нашей современной литературѣ герой упоминаемый Толстымъ—*правда.*

Въ заключеніе укажу на одно произведеніе, недоведенное и въ настоящее время еще до конца, хотя оно и тянется уже нѣсколько лѣтъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Это, какъ скромно называетъ авторъ, «разсказъ,» — на самомъ же дѣлѣ, своего рода эпопея изъ быта раскольниковъ, озаглавленная «Въ лѣсахъ», принадлежащая перу автора, скрывающагося подъ давно уже разгаданнымъ псевдонимомъ А. Печерскаго. Тутъ рисуется картина той, вообще мало у насъ извѣстной жизни, которая скрывается въ заволжскихъ лѣсахъ. Ложной идеализаціи нѣтъ и въ поминѣ, какъ нѣтъ и преднамѣреннаго проведенія по всему мрачныхъ красокъ. Съ одной стороны, мы видимъ тутъ представителей настоящаго раскольничьяго благочестія, съ другой—проявленіе уживающагося съ такимъ благочестіемъ страшнаго семейнаго произвола, доходящаго до того, что невѣста, сосватанная за сына, вдругъ дѣлается женою отца (Марья Гавриловна). Но тутъ-же мы встрѣчаемъ самую любящую личность въ лицѣ старика Потапа Семеновича, щадящаго завѣтъ умирающей дочери—простить человѣку, который ее погубилъ; личность, относящуюся съ такой всепрощающей любовью къ ея и своему обидчику. Въ этихъ же «Лѣсахъ» мы находимъ наконецъ картину народной артели въ ея настоящемъ, неизвращенномъ видѣ, въ видѣ настоящей маленькой общины, крѣпко сплоченной. Одинъ изъ представителей этой артели (Артемій) раскрываетъ между прочимъ цѣлую глубину своего рода историческихъ воспоминаній, основанныхъ, конечно, не на чемъ иномъ, какъ на преданіяхъ и пѣсняхъ. Въ своемъ разговорѣ съ куп-

цомъ, который попадаетъ въ эти лѣса, онъ даетъ почувствовать, что эта артель, которая такъ озлобляетъ купца своей стойкостью,—что она обломокъ цѣлаго порядка вещей, когда-то господствовавшаго по Волгѣ. «Было золотое время, да по грѣхамъ нашимъ миновало... сѣрые люди жили на всей вольной волюшкѣ, сладко ѣли, пьяно пили, цвѣтно платье носили; — житье было разудалое, развеселое... Въ стары козачьи годы не купецкіе люди волжскимъ раздольемъ владали, а наша братья голытьба... Голытьба въ стары годы по нашимъ лѣсамъ жила, голытьба жила и промежъ полей»... Мало по малу обстоятельства измѣнили значеніе этой *голытьбы*, которая только послѣ такой перемѣны и могла получить это имя. «Кормиться стало нечѣмъ, хлѣба недородъ, подати большія, отъ бояръ да отъ приказныхъ людей утѣсненье... И побѣжала голытьба врозь, стали вольными казаками... Которая голытьба на Украину пошла, — та ляховъ да басурмановъ побивала, свою казацкую кровь за Христову вѣру проливала... Которая голытьба на Сибирь махнула, та сибирскія мѣста полонила и великому государю сибирскимъ царствомъ поклонилась...» *).

Эти воспоминанія наводятъ на многіе вопросы изъ русской исторіи, но намъ не время на нихъ останавливаться. Насъ ждетъ въ слѣдующій разъ поэтъ народной скорби, тотъ поэтъ, который назвалъ самъ свою музу «музой мести и печали».

ЛЕКЦІЯ 7.

Некрасовъ. Произведенія перваго періода (по 1861 г.).

Представители нашей правоописательной повѣсти мною уже разобраны. То, что̀ сказалъ Л. Толстой о своихъ произведеніяхъ, что герой ихъ, незамѣчаемый многими, — «правда», т. е. правдивое воспроизведеніе жизни, тоже самое могли-бы сказать и прочіе лучшіе представители нашей правоописательной повѣсти о своихъ произведеніяхъ, за тѣми немногими исключеніями, которыхъ я не скрывалъ. И вотъ эта-то именно сторона въ новѣйшей нашей литературѣ—ея вообще правдивыя отношенія къ жизни, должна-бы была обратить на нее вниманіе и заграницей.

До сихъ поръ особеннымъ сочувствіемъ пользуется тамъ собственно И. С. Тургеневъ, вѣрно ознакомившій иностранцевъ со

*) Русскій Вѣстникъ 1871 г., май, стр. 339—340.

многими явленіями русской жизни. Я уже указывалъ на то, что неменьшаго вниманія заслуживалъ-бы отъ иностранцевъ Ѳ. М. Достоевскій, по той особенной, не всегда дающейся иностраннымъ писателямъ, жизненной правдѣ, съ какою разработана имъ его основная—въ сущности совершенно общечеловѣческая тема. Не меньшее впечатлѣніе долженъ-бы былъ произвести и переводъ главныхъ произведеній гр. Л. Н. Толстого—по особенности тѣхъ пріемовъ, съ какими относится онъ къ великимъ міровымъ событіямъ, теряющимъ подъ его перомъ всю свою ходульную величавость и эфектность. Двѣнадцатый годъ, севастопольская война—являются у Толстаго со всею тою мелкою игрою страстей, которая не прекращается, какъ умѣетъ онъ показать, и въ самыя великія эпохи, потому что и тутъ, въ сущности, дѣйствуютъ тѣ-же обыкновенные люди со своими узкими интересами, а на степень такихъ обыкновенныхъ людей сведены у Толстаго и самые первенствующіе дѣятели. И Наполеонъ, и наши славныя личности 1812 года являются у него совершенно простыми смертными,—геройскій элементъ какъ бы вовсе не существуетъ. Объясненіемъ великихъ историческихъ явленій оказывается у Л. Н. Толстаго простой итогъ изъ цѣлаго множества маленькихъ произволовъ (это само-по-себѣ еще вовсе не фатализмъ, являющійся не болѣе, какъ своенравнымъ наростомъ у нашего оригинальнаго автора). Мы видѣли, что развѣнчивая великихъ людей и выдвигая на первый планъ значеніе массъ, Л. Толстому было легко вдаться въ ложную идеализацію народа, сдѣлать его «приподнятымъ» (употребляя выраженіе Апп. Григорьева), но главный герой нашей литературы—«правда»—его удержалъ отъ этого: чрезмѣрной идеализаціи нѣтъ, слабыя качества народа не скрыты. Но русской литературѣ предстояла также опасность и съ другой стороны,—съ другой точки зрѣнія фальшиво отнестись къ народу. Мы видѣли направленіе, въ силу котораго приходилось особенно налегать на забитость и отупѣлость народа; но что же? Одинъ изъ главныхъ представителей этого направленія, Рѣшетниковъ, правдиво умѣлъ показать намъ присутствіе свѣтлаго человѣческаго начала даже въ одномъ изъ своихъ, казалось бы, вполнѣ отупѣлыхъ Подлиповцевъ.

Посмотримъ теперь, какъ относится къ народу, къ его жизни и быту главнѣйшій представитель правоописательнаго направленія въ нашей поэзіи. Конечно, и все, что мы до сихъ поръ разсматривали, всѣ эти романы и повѣсти, — тоже поэзія, но теперь я разумѣю ее въ самомъ тѣсномъ, во внѣш-

немъ смыслѣ, въ смыслѣ *стихотворства*. Я обращаюсь теперь къ тому стихотворцу, который одинъ только и включенъ въ этотъ курсъ потому, что стихъ его самымъ непосредственнымъ образомъ связанъ съ тѣмъ стремленіемъ къ воспроизведенію дѣйствительной жизни, которое рѣшительно водворено у насъ Гоголемъ. Въ наше время есть много другихъ стихотворцевъ, которые по таланту быть можетъ не ниже Некрасова, но я устраняю ихъ потому, что они представляются мнѣ болѣе связанными съ Пушкинскими преданіями. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что преданій этихъ, во многихъ отношеніяхъ, вовсе нельзя считать устарѣлыми: поэзія не обязана непремѣнно держаться исключительно того современнаго направленія, которое особенно выдвинулось у насъ со временъ Гоголя. Она можетъ, какъ понималъ ее Пушкинъ, оставаться эхомъ, откликающимся на все—на всякаго рода явленія всевозможныхъ временъ и мѣстъ. Но я разсматриваю Гоголевское направленіе въ нашей литературѣ, — и вотъ почему мною включенъ въ этотъ курсъ единственно Некрасовъ. Поэты въ родѣ Майкова, Полонскаго, гр. А. К. Толстаго и др. заслуживаютъ полнаго вниманія, но о нихъ, какъ о многомъ другомъ, мнѣ, быть можетъ, еще представится случай говорить — когда-нибудь современемъ *). Некрасовъ въ своихъ стихахъ шелъ совершенно въ тонъ съ господствующимъ направленіемъ нашей послѣ-гоголевской литературы; онъ внесъ это направленіе и въ стихи, и вотъ это-то и было главной причиной, что даже въ тотъ переходный моментъ, когда вовсе не читали у насъ стиховъ, Некрасова не только не переставали читать—имъ даже зачитывались. Уже одно это, одна такая популярность его произведеній должна дать ему видное мѣсто въ исторіи русской литературы.

Извѣстно, что Некрасовъ по преимуществу считается у насъ стихотворцемъ, воспѣвающимъ народную долю. Дѣйствительно, онъ сталъ ее воспѣвать издавна, затрогивая при этомъ такія стороны, которыя даже и несовсѣмъ удобно и безопасно было затрогивать въ тѣ времена. Онъ, подобно Тургеневу, Григоровичу и др., въ этомъ смыслѣ далеко опередилъ своихъ робкихъ, оробѣвшихъ, или-же нечуткихъ, слишкомъ отвлеченно глядѣвшихъ предшественниковъ. Некрасовъ, какъ извѣстно, въ своихъ первыхъ, возбудившихъ вниманіе публики, произведеніяхъ (самыя первыя, псевдонимныя, когда-то такъ неблагосклонно приня-

*) Вполнѣ устарѣвшимъ считаю я только безпредметное щебетаніе г. Фета, хотя извѣстная доля таланта у него была.

тыя Бѣлинскихъ, я опускаю), затронулъ отживающее крѣпостное право, хотя ни онъ, ни Тургеневъ, ни Григоровичъ, конечно, не могли тогда знать, что оно близко къ концу. Некрасовъ смѣло коснулся этого явленія въ своихъ извѣстныхъ пьесахъ: «Въ дорогѣ», «Забытая деревня», «Огородникъ». Особенно сильное впечатлѣніе, какъ извѣстно, произвело небольшое стихотвореніе: «Въ дорогѣ». Читателей невольно затронула за-живое несчастная доля крестьянской дѣвушки, воспитанной по-барски, а потомъ отосланной обратно въ ту же среду, изъ которой ее по господской прихоти вырвали и съ которой теперь у нея уже ничего нѣтъ общаго. Между тѣмъ ее даже выдаютъ замужъ за вполнѣ неразвитаго человѣка. Въ «Огородникѣ» затрогивается уже совершенно другое: тутъ мы видимъ простаго крестьянина, который полюбился барышнѣ и поплатился за то забритіемъ лба и острогомъ,— конечно, безъ всякаго суда, — какъ оно велось въ крѣпостную пору. А «Забытая деревня», со всѣми насущными ея вопросами, которые ждутъ безотлагательнаго рѣшенія, но все откладываются до пріѣзда помѣщика. Вотъ онъ наконецъ является, но только для того, чтобы схоронить своего отца, и опять укатить, не рѣшивъ ни одного вопроса. Или «Псовая охота», — съ цѣлымъ штатомъ полуголодныхъ людей, служащихъ помѣщику для того, чтобы онъ могъ отдыхать отъ житейской прозы; не даромъ-же онъ говоритъ, что

...Лай музыкальный
Душу уноситъ въ тотъ міръ идеальный,
Гдѣ ни уплатъ въ опекунскій совѣтъ,
Ни безпокойныхъ исправниковъ нѣтъ.

Или «Записки графа Гаранскаго», написанныя всего за три года до уничтоженія крѣпостнаго права, въ которыхъ этотъ милый графъ, пораженный тѣмъ, что народъ такъ много работаетъ, говоритъ:

„Должно-бы вразумлять корыстныхъ мужиковъ,
„Что изнурительно излишество въ работѣ.
„Не такова-ли цѣль въ нѣмецкихъ сюртукахъ
„Особенныхъ фигуръ, бродящихъ между ними?
„Нагайки у иныхъ замѣтилъ я въ рукахъ...
„Какъ быть! Не вразумишь ихъ средствами другими,
„Натуры грубыя!“.....

Съ той-же самой наивностью, заставившей его вообразить, что нагайки употребляются собственно для того, чтобы умѣрять излишній пылъ крестьянъ къ работѣ,—съ тою-же наивностью онъ и далѣе наблюдаетъ изъ окна своей кареты. —

„Да, бытъ крестьянина отъ нищеты далекъ!
„По собственнымъ моимъ владѣньямъ проѣзжая,
„Созвалъ я мужиковъ: составили кружокъ
„И гаркнули: „ура“... Съ балкона наблюдая
„Спросилъ: довольны-ли?—Кричатъ: довольны всѣмъ!“...

Нѣкоторыя стихотворенія показываютъ намъ то жгучее нетерпѣніе, съ какимъ ожидалъ народъ своего освобожденія.

Такъ, напримѣръ, стихотвореніе «Знахарка» оканчивается словами:

„Ты намъ тогда предскажи нашу долю,
Какъ отъ господъ отойдемъ мы на волю.“

Въ стихотвореніи же «Деревенскія новости», пріѣзжій, выспрашивающій объ этихъ новостяхъ, наконецъ нетерпѣливо перебивается словами:

„Ну, говори поскорѣй,
Что ты слыхалъ про свободу?“

Но основная тема Некрасова оказывается далеко не отжившею и съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Тема эта — трудовая, въ безъисходномъ трудѣ изнывающая жизнь крестьянина—отживетъ, конечно, еще не скоро: зло, пустившее глубокіе корни, сразу не уничтожается. Потому-то всю свою силу сохраняетъ еще и теперь «*Несжатая полоса*», или же «Калистратъ», относящійся съ добродушной ироніей русскаго человѣка къ своей горькой долѣ:

„Надо мной пѣвала матушка,
„Колыбель мою качаючи:
—„Будешь счастливъ, Калистратушка,
„Будешь жить ты припѣваючи!“

И предсказанье вполнѣ сбылось. Калистратъ продолжаетъ:

„Въ ключевой водѣ купаюся,
„Пятерней чешу волосыньки,
„Урожаю дожидаюся
„Съ непосѣяной полосыньки!“

Неизбѣжное слѣдствіе нужды—огрубѣніе нравовъ, проявляющееся, между прочимъ, въ дикомъ семейномъ деспотизмѣ. Мы можемъ судить объ этомъ и по собственнымъ пѣснямъ народа—напримѣръ по пѣснямъ свадебнымъ, въ которыхъ, правда, замѣтны и очевидные признаки смягченія нравовъ; но, рядомъ съ такими признаками, свидѣтельствующими о движеніи народа впередъ, мы встрѣчаемъ и кидающуюся въ глаза дикость, отчасти сохранившуюся въ пѣсняхъ (какъ оно часто бываетъ) отъ древнѣйшихъ

временъ, отчасти же и позже налегшую на самый смягченный ихъ слой подъ вліяніемъ тѣхъ неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, которыя нетолько задержали дальнѣйшее развитіе народа, но даже повернули его назадъ къ допотопной грубости. Вотъ это-то обратное впаденіе въ огрубѣлость, это совершившееся, вновь подъ вліяніемъ нужды и неволи, очерствѣніе чувствъ представляетъ намъ и Некрасовъ. Смотритъ-ли онъ на крестьянскую красавицу, вотъ какія мысли внушаетъ она ему:

Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь,
Будетъ бить тебя мужъ привередникъ
И свекровь въ три погибели гнуть,
И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни—появится вдругъ
Выраженье тупаго терпѣнья
И безсмысленный, вѣчный испугъ.

Подъ вліяніемъ нужды, исчезаютъ мало по малу и безкорыстныя отношенія къ людямъ. Самое чувство печали по умершимъ принимаетъ своего рода эгоистическій, утилитарный оттѣнокъ. Вспомните стихотвореніе: «Въ деревнѣ» и плачущую тамъ по сынѣ крестьянку мать. Вотъ вѣдь на что она собственно жалуется:

„Кто приголубитъ старуху безродную—
„Вся обнищала въ конецъ!
„Въ осень ненастную, въ зиму холодную
„Кто запасетъ мнѣ дровецъ?
„Кто, какъ доносится теплая шубушка,
„Зайчиковъ новыхъ набьетъ?
„Умеръ, Касьяновна, умеръ голубушка—
„Даромъ ружье пропадетъ!“

Подъ вліяніемъ нужды и неволи, далеко не всѣ сохраняютъ тѣ симпатическія отношенья къ другимъ, которыя такъ любитъ выставлять Достоевскій въ обиженныхъ судьбою людяхъ, и которыя такъ вѣрно подмѣчены во многихъ представителяхъ нашего простонародья Тургеневымъ, Ал. Толстымъ, Рѣшетниковымъ. Въ цѣломъ множествѣ зашибленныхъ нуждой и неволей людей развивается, напротивъ того, эгоизмъ; сердце черствѣетъ, съуживается и замыкается въ самомъ себѣ, становится даже способнымъ пользоваться невзгодами ближняго. Отсюда развитый въ народѣ до самыхъ безобразныхъ размѣровъ типа *кулака, міроѣда*; типъ этотъ рисуетъ намъ и Некрасовъ въ своемъ «Власѣ», до совер-

шившагося въ немъ религіознаго превращенія. Про него разсказывается, что онъ

. . . . . Побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ,
Промышляющихъ разбоями
Конокрадовъ укрывалъ;
У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!

Но и самое, какъ я несовсѣмъ точно назвалъ его, «религіозное превращеніе» Власа—въ сущности вовсе не превращеніе. Онъ только вспомнилъ (можетъ быть, взглянувъ на картину страшнаго суда, когда-то испугавшую Владиміра и многихъ другихъ владыкъ, тѣмъ самымъ и побужденныхъ къ крещенію), онъ только вспомнилъ, что за все это онъ долженъ будетъ отвѣтить, что за все это его будутъ мучить, и вотъ подъ вліяніемъ опять-таки чисто-эгоистическаго чувства страха, а вовсе не въ силу внутренняго переворота, не въ силу того, чтобы черствая душа его размягчилась, онъ надѣваетъ вериги, предается усиленному посту и ходитъ за сборомъ на церковь.

Само собой разумѣется, что не малая доля отвѣтственности за такую нравственную порчу народа падаетъ на всѣхъ насъ, сытыхъ, въ довольствѣ живущихъ людей, пользующихся высшими наслажденіями, между тѣмъ какъ народъ совершенно лишонъ всего этого. Некрасовъ это глубоко чувствуетъ;—въ небольшомъ отрывкѣ, написанномъ *на сонъ грядущій*, онъ желаетъ тому доброй ночи,

„Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи“.

Еще ярче выражается это виновное сознаніе тяготы народной доли въ большомъ прекрасномъ стихотвореніи «На Волгѣ». Мнѣ невольно припоминаются при-этомъ тѣ черты изъ народныхъ пѣсенъ, тѣ заимствованныя изъ нихъ воспоминанія, которыя Печерскій влагаетъ въ уста своему Артемію,—воспоминанія о той вольной жизни, которая какъ долго держалась на той же самой Волгѣ.

Некрасовъ рисуетъ намъ уже явленіе позднѣйшее — картину волжскаго бурлачества, въ своемъ родѣ мастерски нарисованную, только не въ стихахъ, и Рѣшетниковымъ, не даромъ посвятившимъ Некрасову своихъ «Подлиповцевъ».

...Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
Ползли гурьбою бурлаки,
И былъ невыносимо дикъ,
И страшно ясенъ въ тишинѣ
Ихъ мѣрный, похоронный крикъ,—
И сердце дрогнуло во мнѣ.
Унылый, сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ.
Все ту же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
Въ чертахъ усталаго лица—
Все та жъ покорность безъ конца...

Эту долговременность явленія Некрасовъ объясняетъ тѣмъ, что

Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ безсмысленнѣй звѣрей.

Между тѣмъ, мы видѣли въ прошлый разъ, что въ этой жизни бурлаковъ думаютъ найти чуть-ли не своего рода обѣтованный край — тѣ дѣйствительно близкіе къ животному состоянью Подлиповцы, которыхъ намъ рисуетъ Рѣшетниковъ. Но мы видѣли также, что и эти въ конецъ обиженные судьбой люди въ сущности оказываются далеко не животными, такъ какъ и въ нихъ есть и желаніе лучшаго, и желаніе помочь ближнему. Такая справка съ «трезвою правдой» Рѣшетникова невольно заставляетъ насъ заключить, что Некрасовъ, подъ вліяніемъ столькихъ картинъ народной нужды и народнаго упадка, впалъ въ невольное преувеличеніе, сказавъ, что бурлаки «безсмысленнѣй звѣрей».

Но тотъ же самый Некрасовъ умѣетъ такъ ярко выставлять на видъ и вполнѣ человѣческія черты въ народѣ. Вспомните у него привлекательный образъ «Арины солдатской матери»: съ какимъ теплымъ чувствомъ встрѣчаетъ она возвращающагося сына, который съ своей стороны доказываетъ ей свою привязанность тѣмъ, что, совсѣмъ ужь больной, близкій къ смерти, собираетъ послѣднія силы, чтобы починить ей избенку. (Надо за-

мѣтить, что *мать* вообще очень часто и съ особенною любовью упоминается у Некрасова; съ этимъ словомъ какъ бы связывается у него какое-то особенно дорогое, личное воспоминаніе). Крестьянская мать и крестьянская жена, при всей трудности своей доли, постоянно выставляются у нашего поэта не падающими духомъ. Вспомните у него женщину, которая, работая въ полѣ, услышала крикъ оставленнаго ею въ сторонѣ и заснувшаго было ребенка; вспомните и слова, съ какими обращается къ ней поэтъ:

«Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать".

Но Некрасовъ выставляетъ въ народѣ не одну только силу *родственнаго* чувства; онъ, какъ и Рѣшетниковъ, выставляетъ намъ и примѣры теплой заботы простыхъ людей *о чужихъ*. Вспомните стихотвореніе «Школьникъ»; тутъ вѣдь нетолько

Батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ...
Но и ...старая дьячиха
Отдала четвертачекъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.

А какъ отрадно дѣйствуетъ у нашего поэта свѣтлая картина «Крестьянскихъ дѣтей» *), которая можетъ быть поставлена, по своей основной мысли, на ряду съ «Бѣжинымъ лугомъ» Тургенева. Вспомните веселыя, добродушныя головки крестьянскихъ малютокъ, заглядывающія въ тотъ шалашъ, гдѣ отдыхаетъ подкарауленный ими охотникъ.

Счастливый народъ! Ни науки, ни нѣги
Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.

Подъ словомъ «наука» поэтъ, очевидно, понимаетъ ту педагогическую муштру, то выкраиваніе дѣтей по своей мѣркѣ, которое такъ часто мѣшаетъ свободно развиваться дѣтской натурѣ, такъ часто ее уродуетъ на всю жизнь. Столь же развратительно дѣйствуетъ и та нѣга, въ которой ростутъ дѣти баричей, становясь вслѣдствіе этого Александрами Адуевыми и Обломовыми. Прямую противоположность знаменитой картинѣ дѣтства Ильи Ильича представляетъ у Некрасова въ концѣ стихотворенія такъ глубоко западающій въ память мужиченка въ огромныхъ сапогахъ и рукавицахъ, погоняющій цѣлый возъ.—«У насъ въ семьѣ два мужика,

*) Стихотвореніе это относится уже къ 1861 году.

отецъ да я»—говоритъ онъ. «А сколько тебѣ лѣтъ?»—«Шестой».

Но наглядно выставляя намъ своего рода преимущества подобнаго воспитанія трудомъ, поэтъ не вдается однакоже въ идеализацію этого воспитанія; онъ говоритъ далѣе:

Положимъ, крестьянскій ребенокъ свободно
Ростетъ, не учась ничему,
Но выростетъ, ежели Богу угодно,
А сгибнуть ничто не мѣшаетъ ему.

Во всякомъ случаѣ, положеніе крестьянскихъ дѣтей, ростущихъ хотя и безъ присмотра, да къ тому же и при трудѣ, такъ часто оказывающемся непосильнымъ, но зато половину года на вольномъ воздухѣ,—представляетъ привлекательную противоположность съ положеньемъ другихъ дѣтей изъ того же класса, тѣхъ,—которыя съ нѣжныхъ лѣтъ замучены однообразнымъ трудомъ въ духотѣ какой-нибудь фабрики. Некрасовъ заставляетъ ихъ говорить:

„Намъ гулять не довелося,
„По полямъ, по нивамъ золотымъ:
„Цѣлый день на фабрикахъ колеса
„Мы вертимъ,—вертимъ,—вертимъ“.

Существуетъ мнѣніе, что нашъ простой народъ, въ дѣтствѣ привязанный къ раздолью полей и золотыхъ нивъ, съ лѣтами становится глухъ къ голосу природы;—Некрасовъ представляетъ намъ дѣло съ нѣсколько другой стороны. Вспомните его стихотвореніе «Зеленый шумъ», рисующее умягчительное вліяніе приближающейся весны на душу простого человѣка. Зимній мракъ и дикіе звуки зимней вьюги поддерживали въ немъ мысль о преступленіи; онъ оскорбленъ, какъ семьянинъ, и рука его уже поднимается на существо его обманувшее, но вотъ вдругъ

„Идетъ-гудетъ зеленый шумъ,
„Зеленый шумъ, весенній шумъ!
„Слабѣетъ дума лютая,
„Ножъ валится изъ рукъ,
„И все мнѣ пѣсня слышится
„Одна—въ лѣсу, въ лугу:
„—Люби, покуда любится,
„Терпи, покуда терпится,
„Прощай, пока прощается,
„И—Богъ тебѣ судья!“

Но такое же точно прощающее настроеніе, такая же мягкая готовность не осуждать ближняго во вниманіе къ тому, что могли

быть особенныя причины, побудившія его къ преступленію—хотя бы такому, какъ самоубійство, особенно осуждаемое народомъ—такая же человѣчная снисходительность сказывается у Некрасова въ сердцѣ простолюдина въ стихотвореніи «Похороны».

„Почивай себѣ съ миромъ, съ любовію,
„Почивай, Богъ тебѣ судія,
„Что обрызгалъ ты грѣшною кровію
„Неповинныя наши поля!
„Кто дознаетъ, какою кручиною
„Надрывалося сердце твое
„Передъ вольной твоею кончиною,
„Передъ тѣмъ, какъ спустилъ ты ружье.“

А вотъ наконецъ и пробужденіе глубокаго человѣческаго чувства въ преступникѣ, пробужденіе въ немъ того свѣжаго, юнаго чувства любви, которое, повидимому, должно было замереть въ немъ на-вѣки, но которое вдругъ пробуждается при случайной встрѣчѣ *въ больницѣ* (такъ и озаглавлено, какъ извѣстно, это стихотвореніе).

Наша сидѣлка къ нему подошла
Вздрогнула вдругъ,—и ни слова...
Въ странномъ молчаньи минута прошла,
Смотрятъ одинъ на другого.
Кончилось тѣмъ, что угрюмый злодѣй,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдругъ зарыдалъ передъ первой своей
Свѣтлой и честной любовью.

Понятно, что́ эта родная сидѣлка съ особеннымъ усердіемъ относится къ больному; въ ея душѣ поднимается цѣлый рой давно позабытыхъ чувствъ, — ей хотѣлось-бы вернуть старое—но уже поздно!

Онъ уже былъ бездыханенъ,
А всепрощающій голосъ любви,
Полный мольбы безконечной,
Тихо надъ нимъ раздавался: „живи,
Милый, желанный, сердечный!

Не мало, стало быть, въ различныхъ стихотвореніяхъ Некрасова затронуто мягкихъ, вполнѣ человѣческихъ проявленій въ народной жизни. Но въ этой больницѣ, которой посвятилъ онъ особое стихотвореніе, съ людьми изъ простаго народа сходятся вѣдь и люди образованныхъ классовъ. Стихотвореніе даже начинается разсказомъ о томъ, какъ

...„Свѣтя, показалъ
Въ уголъ намъ сонный смотритель.
Трудно и медленно тамъ угасалъ
Честный бѣднякъ сочинитель".

Бѣдность, болѣзнь, несчастіе дѣйствительно сводятъ всѣхъ въ одну грустную семью! Некрасовъ вообще сочувственно касается положенія тѣхъ людей, къ какому-бы классу они не принадлежали, — которыхъ и онъ, вслѣдъ за Достоевскимъ, могъ-бы назвать «униженными и оскорбленными». Какъ часто мы встрѣчаемся у него съ человѣкомъ порочнымъ, чувствующимъ бездну своего паденія, и уже не могущимъ подняться,—но поэтъ при-этомъ дастъ намъ понять причину такого паденія, и осуждающій голосъ сострадательно умолкаетъ у насъ въ груди. Вспомнимъ, напримѣръ, этого «Пьяницу», которому такъ хотѣлось-бы

То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.

Вспомнимъ стихотвореніе: «Убогая и нарядная», въ которомъ выводятся двѣ совершенно различныя «Сонечки Мармеладовы», и про первую, т. е. про убогую, говорится:

Нѣтъ, тебѣ состраданья не встрѣтить,
Нищеты и несчастія дочь!
Свѣтъ тебя предаетъ поруганью
И охотно прощаетъ другой,
Что торгуетъ собой по призванью,
Безъ нужды, безъ борьбы роковой.

Въ пьесѣ: «Ѣду-ли ночью по улицѣ темной» мы видимъ женщину, которой не на что похоронить ребенка и у которой вдругъ находятся для того деньги—опять таже «вѣчная Сонечка Мармеладова!» Эта женщина передъ тѣмъ испытала довольство — въ смыслѣ богатства: она досталась въ жены человѣку, который могъ надѣлить ее всѣмъ, кромѣ счастія, и котораго она такъ неблагоразумно бросила! Но Апп. Григорьевъ имѣлъ полнѣйшее основаніе замѣтить, что это стихотвореніе, оскорбляющее нѣкоторыхъ пуританъ, въ основѣ своей совершенно нравственно. Несчастная семейная доля, отравляющая жизнь самыхъ богатыхъ людей и сближающая ихъ съ самыми обиженными судьбою, затрогивается Некрасовымъ и въ такихъ пьесахъ, какъ «Гадающей невѣстѣ», «Дешовая покупка», «Прекрасная партія». Вспомните безпощадное предсказанье поэта:

У него прекрасные манеры,
Онъ не глупъ, не бѣденъ и хорошъ;
Что̀ гадать? ты влюблена безъ мѣры,
И судьбы своей ты не уйдешь.
Онъ твои плѣнительные взоры,
Нѣжность сердца, музыку рѣчей,
Все отдастъ за плоскія рессоры
И за пару кровныхъ лошадей.

А что̀ составляетъ предметъ *дешевой покупки*? Что? Еще такъ недавно-изготовленное приданое дочери богатыхъ родителей, которое ловкій супругъ успѣлъ уже все спустить въ какіе-нибудь полгода. Не лучшая участь ожидаетъ и дочку г. Долгова послѣ «прекрасной» партіи съ человѣкомъ, который

Разстроилъ тысячу крестьянъ,
Чтобъ какъ нибудь забыться...
Пуста душа и пустъ карманъ —
Пора, пора жениться!

Кому-нибудь изъ подобныхъ-же господъ должна будетъ достаться и та модная красавица, вокругъ которой увиваются свѣтскіе львы, тогда какъ къ ней не смѣетъ и подступить человѣкъ, дѣйствительно ее любящій, но рисующій себя вотъ какимъ:

„....войду, какъ потерянный,—
„И ударится въ пятки душа!
„На ногахъ словно гири желѣзныя,
„Какъ свинцомъ налита голова,
„Странно руки торчатъ безполезныя,
„На губахъ замираютъ слова“.

Стихотвореніе это, какъ извѣстно, озаглавлено: «Застѣнчивость» — перѣдкая принадлежность людей, которыхъ не особенно балуетъ судьба! Та же застѣнчивость — только въ другомъ родѣ и въ другомъ случаѣ, — т. е. такая-же точно растерянность бѣднаго человѣка, составляетъ содержаніе извѣстнаго стихотворенія «Филантропъ». Оробѣлъ бѣднякъ, не съумѣлъ въ точности, въ видѣ рапорта, разсказать о своемъ положеніи, сбился—и принятъ за пьяницу! А вѣдь онъ еще имѣетъ дѣло съ человѣкомъ хотя и изъ сытаго, обыкновенно надутаго класса, но сравнительно склоннымъ къ добру, только склоннымъ совершенно холодно, какъ-бы прописывая себѣ это, а потому и готовымъ воспользоваться всякимъ предлогомъ къ отказу. Отсутствіе настоящей сердечной теплоты, настоящаго нравственнаго чувства — вотъ что̀ рисуетъ Некрасовъ

въ лицѣ своего «Филантропа» *). Отсутствіе настоящаго нравственнаго чувства, скрывающееся подъ внѣшнею нравственною благовидностью, подъ ходячею свѣтскою моралью—это опять одна изъ любимыхъ темъ нашего поэта. Люди по горло сытые, не знававшіе горя, любятъ требовать отъ другихъ безупречной нравственности, идеальныхъ добродѣтелей. Въ «Современной одѣ» Некрасовъ затрогиваетъ одного изъ такихъ господъ: съ какимъ достоинствомъ онъ себя держитъ, не заискивая ни въ комъ, какъ онъ благодушенъ, какая у него полная и открытая чаша для всякаго «порядочнаго» человѣка, словомъ—какой онъ привлекательный образецъ добра! Поэту рѣшительно не хотѣлось бы разочаровываться.

Не спрошу я, откуда явилося,
Что теперь въ сундукахъ твоихъ есть;
Знаю: съ неба къ тебѣ все свалилося
За твою добродѣтель и честь!

Но послѣ того, какъ все съ неба свалилось, оно вѣдь не очень и трудно сдѣлаться, а особливо прослыть, добродѣтельнымъ! А стихотвореніе «Нравственный человѣкъ»? Вспомните, съ какою наивностью онъ увѣренъ въ томъ, что ему только незадача съ родными и близкими, а самъ онъ никогда никого не обидѣлъ. Жена отъ него уходитъ; пріятеля пришлось ему заключить въ долговое, гдѣ онъ и умеръ; поваръ чѣмъ-то преглупо обидѣлся и порѣшилъ съ собой; дочка влюбилась было въ учителя, но потомъ покорилась отцовской волѣ и вышла за богача,— только все что-то чахла и умерла отъ чахотки. У него совершенно искренно нѣтъ и капли подозрѣнія, ужъ не самъ-ли онъ причиной всего этого?

Извѣстно, что Апп. Григорьевъ находилъ въ этой пьесѣ что-то водевильное—что-то забавно-придуманное въ той откровенности, съ какою обо всемъ этомъ тутъ говорится въ первомъ лицѣ; но взглядъ критика едва-ли справедливъ, если разсматривать пьесу Некрасова въ связи съ другими сатирическими выходками его противъ фальшивой морали. Ненадобно также забывать, что слова «Нравственнаго человѣка»—вовсе не драматическій монологъ, а потому въ нихъ и можетъ проглядывать *иронія* самого автора. Таже иронія

*) Я оставляю въ сторонѣ въ свое время распространенные толки о томъ, что тутъ затронута личность, вовсе не заслуживавшая подобнаго отношенія къ ней, теперь уже умершая и оставившая по себѣ вполнѣ свѣтлую память.... Я разсматриваю это стихотвореніе совершенно независимо отъ какихъ-либо *личностей* и нахожу, что оно взятое *отвлеченно*, вовсе не заключаетъ въ себѣ той фальши, которую въ немъ находили иные.

слышна и въ стихотвореніи—«На улицѣ», въ словахъ того сытаго человѣка, который, разъѣзжая на лихачѣ, замѣчаетъ человѣка, стянувшаго отъ голода калачъ съ лотка; и что-же? это зрѣлище поднимаетъ въ сытомъ цѣлый взрывъ нравственнаго негодованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозно его настраиваетъ,—такъ что онъ—

„.....Богу поспѣшилъ молебствіе принесть
За то, что у него наслѣдственное есть".

Въ пылу озлобленія противъ этой фарисейской морали, чтобы хорошенько разсердить людей, которые ея держатся, и посильнѣе имъ показать презрѣніе—написано стихотвореніе: «Вино». Тѣмъ, кто нападаетъ на извѣстный народный порокъ, тутъ указываются такіе случаи, когда вино, заставляя забыться, удерживаетъ человѣка отъ худшаго, именно отъ преступленія. Здѣсь, можетъ быть, и есть своего рода натянутость, но все это вполнѣ объясняется злобнымъ намѣреніемъ сатирика—уколоть, за ихъ не человѣческую мораль, въ довольствѣ живущихъ людей. Мысль поэта та, что подъ этой кажущейся моралью, подъ этой проповѣдью дешевой добродѣтели, скрывается безсердечіе, отсутствіе той любви къ людямъ, которая только и служитъ основой настоящей морали. Будь въ нихъ хоть капля этой послѣдней, — они постарались бы разгадать причины той безнравственности бѣдняка, на которую они такъ нападаютъ. Имъ невольно запалъ бы въ душу вопросъ: не могъ ли бы этотъ бѣднякъ быть удержанъ отъ многаго, еслибы они, богачи, дали ему стать на другую дорогу? Но, вовсе не заботясь объ этомъ, ни мало не ограничивая своего права на широкую жизнь правомъ другихъ людей, какъ бы не признавая за ними и простаго права—не умереть съ голоду и имѣть возможность оставаться вполнѣ людьми, широко живущіе люди, съ другой стороны, лишаютъ самихъ себя цѣлаго ряда такихъ наслажденій, которыя и немыслимы безъ живой любви къ людямъ, только и сообщающей настоящую полноту человѣческой жизни. Въ этомъ—основная мысль «Размышленій у парадnаго подъѣзда», у котораго скопилось такъ много по-напрасну дожидающихся мужиковъ. Многія строфы этой сатиры служатъ какъ бы современнымъ видоизмѣненіемъ «Вельможи» Державина. Какъ знаменитый лирикъ-сатирикъ екатерининскаго времени, такъ и нашъ современный поэтъ обращается тутъ къ тому беззаботно пѣжащемуся вельможѣ, отъ котораго жирный швейцаръ только что прогналъ мужиковъ-просителей:

Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,

Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслажденіе—
Вороти ихъ! въ тебѣ ихъ спасеніе!...
Но счастливые глухи къ добру!

Передъ нами такимъ образомъ уже опредѣлились основныя черты некрасовской поэзіи. Но въ нѣкоторыхъ пьесахъ Некрасовъ и самъ въ точности опредѣляетъ ея направленіе. Возьмемъ напр. пьесу—«Родина»; причемъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, не надо забывать, что, говоря отъ своего имени, поэтъ вовсе не непремѣнно рисуетъ именно себя, свое собственное положеніе,—онъ можетъ говорить отъ своего лица во имя цѣлаго множества людей въ томъ же положеніи: вмѣсто *я* смѣло можно читать *мы*.

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ людей
Завидовалъ житью собакъ и лошадей,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я,
Гдѣ отъ души моей, довременно растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный,
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жогъ...

То же самое могли бы сказать о себѣ и многіе изъ нашихъ поэтовъ до Некрасова. Въ такой же точно средѣ выросъ и Пушкинъ: — это однако не мѣшало посѣщенію его въ дѣтствѣ тою беззаботною музой, которая забыла у него свою свирѣль, и подъ вліяніемъ которой онъ пѣлъ

То гимны важные, внушенные богами,
То пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.

Некрасовъ, въ другомъ извѣстномъ стихотвореніи, описываетъ намъ *свою* музу, и при-этомъ говоритъ:

Нѣтъ, музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной.
Въ небесной красотѣ, неслышимо какъ духъ,
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ
Она гармоніи волшебной не учила,
Въ пеленкахъ у меня свирѣли не забыла!

Нашъ современный поэтъ уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ былъ совершенно иначе настраиваемъ посѣщеніями

Другой, неласковой и нелюбимой музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для борьбы, страданья и трудовъ,
Той музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей...

Изъ того, что я такимъ образомъ оттѣняю словами Некрасова его поэзію отъ пушкинской, вовсе, конечно, не слѣдуетъ, чтобы я ставилъ Некрасова выше Пушкина, а слѣдуетъ только, что Некрасовъ занимаетъ въ ходѣ развитія нашихъ литературныхъ понятій дальнѣйшую и болѣе высокую ступень. «Поэзія не отъ міра сего» до того отжила свой вѣкъ, что для насъ въ настоящее время уже совершеннымъ анахронизмомъ звучитъ другое стихотвореніе Некрасова —

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства.

—

Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.

Нѣтъ, въ настоящее время именно онъ-то и не можетъ уже никакъ «властвовать толпой»; въ настоящее время оказывается совершенно правымъ другой поэтъ, только-что написавшій стихотвореніе съ прямо-противоположнымъ взглядомъ:

Блаженъ озлобленный поэтъ,
Будь онъ хоть нравственный калѣка,
Ему вѣнцы, ему привѣтъ
Дѣтей озлобленнаго вѣка.
Невольный крикъ его—нашъ крикъ,
Его страданья—наши, наши!
Онъ съ нами пьетъ изъ общей чаши,
Какъ мы—отравленъ и великъ! *).

Некрасовъ окончательно опредѣляетъ свою поэзію сравнительно съ пушкинскою въ пьесѣ «Поэтъ и Гражданинъ», которая можетъ

*) Стихи Я. П. Полонскаго въ сборникѣ «Складчина».

быть прямо противопоставлена извѣстной пьесѣ Пушкина: «Чернь». Вмѣсто этой *черни*, обращающейся тамъ къ поэту со своими упреками, у Некрасова въ той же упрекающей роли является *гражданинъ*: знаменательная перемѣна словъ, прямо указывающая на перемѣну въ самомъ взглядѣ на эту упрекающую роль. Отвѣтъ, который даетъ на упреки гражданина поэтъ Некрасова, совершенно иной, чѣмъ у Пушкина: онъ вполнѣ согласенъ съ требованіями гражданина,—согласенъ, что поэтъ, какъ и всѣ, долженъ служить обществу, но онъ чувствуетъ, что самъ онъ этой службы уже сослужить не можетъ. Если Некрасовъ въ этомъ случаѣ говорилъ отъ своего лица, то онъ, можно думать, взвелъ на себя напраслину. Въ началѣ его прекрасной поэмы—«Саша» выражается чисто-гражданское настроеніе поэта, его горячее стремленіе къ родинѣ. Вспомните, что онъ говоритъ тутъ:

Родина мать! я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился.
Сколько бъ на нивахъ безплодныхъ твоихъ
Даромъ ни сгинуло силъ молодыхъ,
Сколько бы ранней тоски и печали
Вѣчныя бури твои ни нагнали
На боязливую душу мою, —
Я побѣжденъ предъ тобою стою!

Правда, далѣе онъ сознается:

Жизнью измятъ я и скоро я сгину...
Мать не враждебна и къ блудному сыну...

Но вотъ и послѣдствія его возвращенія въ ея лоно:

Только-что я ей объятья раскрылъ,
Хлынули слезы, *прибавилось силъ*...

Но въ этой же самой поэмѣ Некрасовъ на выставляетъ намъ показъ и фальшиваго представителя «гражданскихъ мотивовъ» въ лицѣ Агарина; и замѣчательно, что это было въ то самое время, когда Тургеневъ затронулъ нѣчто подобное въ своемъ «Рудинѣ». (Апп. Григорьевъ, мнѣ кажется, напрасно возставалъ противъ сходства между двумя этими типами). Сашѣ, этой деревенской дѣвушкѣ, ростущей на лонѣ природы, ничего простодушно незнающей, такъ какъ родители ея самые простые люди, вовсе даже не позаботившіеся объ ея воспитаніи, — Сашѣ приходится вдругъ встрѣтить человѣка, который забрасываетъ въ нее сѣмена стремленій, ей еще непонятныхъ, поднимаетъ передъ нею вопросы, о которыхъ она никогда и не думала —

...Онъ ей книжки читалъ...
Словно брала ихъ чужая кручина,
Все разсуждали: какая причина,
Вотъ ужь который теперича вѣкъ
Бѣденъ, несчастливъ и золъ человѣкъ?
Но, говоритъ, не слабѣйте душою:
Солнышко правды взойдетъ надъ землею.

Агаринъ, значитъ, забросилъ въ нее доброе семя, и Саша становится совершенно другой: прошли тѣ времена, когда она если и умѣла горевать, то развѣ только о порубкѣ лѣса. Теперь она начинаетъ лѣчить крестьянъ, помогать бѣднымъ. Рудинъ, надо замѣтить, не производилъ такого сильнаго практическаго дѣйствія на Наташу. Но что же далѣе? Агаринъ, возвращаясь и узнавая, что совершилось съ Сашей отъ его проповѣди, съ насмѣшкой говоритъ о ней: теперь онъ уже начинаетъ проповѣдывать совершенно не то:

Тѣшится новой игрушкой дитя;
Оба тогда мы болтали пустое,
Умные люди рѣшили другое:
Родъ человѣческій низокъ и золъ!

Авторъ объясняетъ намъ такую перемѣну тѣмъ, что онъ начитался новыхъ книжекъ:

Что ему книжка послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и лежитъ.

Они оба съ Рудинымъ «люди книжекъ», потому что оба они выросли баричами, живущими въ отвлеченномъ мірѣ; разница только въ томъ, что онъ читаетъ болѣе разнообразныя книги, чѣмъ Рудинъ.

Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ,
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,
Благо, наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,
Благо, идти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала да разумъ развитой.

Да, будничной домашней работы онп знать не хотятъ, потому что тутъ началась бы дѣйствительная работа. Вспомните еще слѣдующія разсужденія Агарина:

Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей:
Или подъ бременемъ собственной силы
Сдѣлаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свѣту звѣздой пролечу!
Міръ, говоритъ, осчастливить хочу!

Оно вѣдь почетнѣе—да и легче: міръ ихъ не спрашиваетъ, до человѣчества, къ которому, въ цѣломъ его объемѣ, они такъ любятъ простирать руки, имъ не достать—значитъ, одними стремленіями, заманчивыми для самолюбія, все и покончится. Да, герой Некрасова, какъ и Рудинъ,—баричъ; жизнь его не коснулась, онъ витаетъ, онъ сибаритствуетъ. Этотъ типъ рѣзко отдѣляется отъ другихъ типовъ,—отъ Базарова и Раскольникова. На этихъ людей, испытавшихъ такъ много въ жизни, книжки такого единовластнаго вліянія не имѣютъ; изъ книжекъ люди эти почерпаютъ только то, къ чему ихъ подготовила сама жизнь. Только люди, выросшіе въ барствѣ, и могутъ дѣйствовать, или воображать, что дѣйствуетъ, подъ исключительнымъ вліяніемъ книжекъ. Некрасовъ, какъ и Тургеневъ, вполнѣ знаетъ цѣну книжкамъ, но не считаетъ ихъ чудотворными ни въ хорошую, ни въ дурную сторону:

Въ наши великіе, трудные дни
Книги не шутка: укажутъ они
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ они силъ на благое,
Но не научатъ любить глубоко...
Дѣло вѣковъ поправлять не легко!

У насъ въ послѣднее время явилось стремленіе отстаивать нѣкоторыя личности, представленныя такъ сказать мишурными у нашихъ писателей. Мы видѣли стараніе нѣкоторыхъ критиковъ отстоять Рудина противъ самого Тургенева, неоцѣнившаго будто бы золотыхъ сторонъ своего героя. Но Некрасовъ отнесся къ своему Агарину, думается мнѣ, еще строже; защитить эту, такъ рѣшительно развѣнчанную имъ личность едва-ли кому удалось-бы; между тѣмъ Агаринъ все-таки вѣдь оченъ сходенъ съ Рудинымъ *).

*) Новое нападеніе на Тургенева изъ за Рудина сдѣлано въ недавно появившейся и очень даровито написанной книжкѣ г. Экса (псевдонимъ): «*На пол-пути*», въ письмѣ ко мнѣ по поводу моихъ лекцій о Тургеневѣ, остававшемся до сихъ поръ не напечатаннымъ. Но если ужь нападать на Тургенева, то слѣдовало бы затронуть и Некрасова, еще прямѣе объясняющаго дѣло *ба ствомъ*. Г. Эксъ полагаетъ, что дѣло главнымъ образомъ не въ немъ, а въ тѣхъ «стѣснительныхъ условіяхъ» 40-хъ годовъ, которыя поневолѣ дѣлали лучшихъ людей *п аздными идеалистами*. Авторъ правъ относительно этихъ *лучшихъ людей*, только едва-ли Рудинъ можетъ быть отнесенъ къ чи-

Въ другой поэмѣ, написанной нѣсколько позже, — «Несчастные», Некрасовъ попытался нарисовать идеальную личность, руководимую искреннимъ и дѣятельнымъ гражданскимъ чувствомъ. Но, чтобы вполнѣ оцѣнить это произведеніе, слѣдуетъ сопоставить его съ «Записками изъ Мертваго дома» Достоевскаго. И тутъ и тамъ— «Несчастные»—въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ ихъ понимаетъ народъ,—но у Достоевскаго они списаны съ натуры, оттого на его картину быта и нравовъ «Мертваго дома» слѣдуетъ обращать особенное вниманіе, и этими картинами провѣрять другія.

Вотъ что разсказывается у Некрасова (извѣстно, что у него, какъ и у Достоевскаго, весь разсказъ веденъ въ первомъ лицѣ отъ имени одного изъ заключенныхъ), вотъ что разсказывается про передовую личность между «несчастными»:

Межъ нами былъ одинъ: его
Не полюбили мы сначала —
Не говорилъ онъ ничего,
Работалъ медленно и мало.
Кряхтя, копается весь день,
Какъ кротъ — мы такъ его и звали —
А толку нѣтъ: не то чтобъ лѣнь,
Да силы скоро измѣняли...
. . . . . .
Его дежурный погонялъ,
И было намъ сначала любо
Смотрѣть, какъ губы онъ кусалъ,
Когда съ нимъ обходились грубо...
. . . . . .
Бывало, подойдемъ гурьбой,
Повалимъ будто ненарокомъ,
Кричимъ: „не хочешь-ли домой?“
Онъ только поглядитъ съ упрекомъ
И покачаетъ головой.
Не пьетъ, не балагуритъ съ нами,
Но скоро часъ его насталъ...

слу ихъ. Рудинъ—въ сущности тотъ же Степанъ Трофимовичъ Достоевскаго. Стефанъ Трофимовичъ дѣствительно любилъ вспоминать о томъ, какъ его преслѣдовали за его идеи. Но какъ же воспользовался онъ тѣмъ значительно большимъ просторомъ, до котораго ему пришлось дожить? Онъ понесъ восторженную рацею о томъ, что искусство выше освобожденныхъ крестьянъ и т. п., а когда его не безъ основанія освистали, счелъ себя какимъ-то страдальцемъ за правду; въ концѣ же концовъ, какъ мы видѣли, апокалипсисъ надоумилъ его, что онъ былъ «*только* тепелъ». Тоже бы могъ сказать и Рудинъ.

Этотъ часъ насталъ, когда ему представился случай выказать свое нравственное превосходство передъ своими товарищами по несчастію и сразу пріобрѣсть надъ ними вліяніе...

Былъ вечеръ; скрежеща зубами,
Одинъ изъ нашихъ умиралъ —
Куда дѣваться въ подземельи?
Кричимъ: „скорѣй! мѣшаешь спать!“
И стали въ бѣшенномъ весельи
Его мы хоромъ отпѣвать:
„Умри! намъ всѣмъ одна дорога,
Другой не будетъ изъ тюрьмы!“
Вдругъ кто-то крикнулъ: „нѣтъ въ васъ Бога!“
И пѣсни не допѣли мы.

Но дѣйствительно-ли нуженъ этотъ голосъ передоваго человѣка, слабаго тѣломъ, но сильнаго духомъ *крота*, чтобы дать умирающему острожнику спокойно закрыть глаза? Отвѣтомъ на это можетъ намъ послужить слѣдующая картина смерти въ острогѣ, написанная съ натуры Достоевскимъ: «ярко припоминается мнѣ одинъ умирающій, чахоточный ...умеръ онъ не въ памяти, и тяжело, долго отходилъ, нѣсколько часовъ сряду... Его хотѣли какъ нибудь облегчить, видѣли, что ему очень тяжело... За полчаса до смерти его, всѣ у насъ какъ будто притихли, стали разговаривать чуть не шопотомъ. Кто ходилъ—ступалъ какъ-то неслышно. Разговаривали между собой мало о вещахъ постороннихъ, изрѣдка только взглядывали на умирающаго, который хрипѣлъ все болѣе и болѣе». Послѣ этой картины, въ которой ничто не бьетъ на эфектъ, некрасовское описаніе смерти въ острогѣ не можетъ не представиться мелодрамой,—къ тому же такою, которая ьзводитъ напраслину на всѣхъ вообще «несчастныхъ» для большаго возвеличенія *одного*.

Нѣтъ, какъ бы ни былъ неразвитъ, и умственно, и нравственно, простой нашъ людъ, какъ бы, положимъ, окончательно низко ни упадали тѣ изъ него, которые попадаютъ въ разрядъ «несчастныхъ» (хотя и они, соотвѣтственно этому прозвищу, далеко вѣдь не всѣ дѣйствительно такъ уже низко падаютъ), все-же, чтобы дать спокойно умереть своему товарищу по несчастію, они вовсе не нуждаются въ наставленіяхъ передового «неровни», какъ называютъ они у Некрасова превозносимаго имъ *Крота*. Если-же допустить, что они уже такъ глубоко испорчены, то трудно признать возможнымъ то быстрое, можно сказать, чудотворное влія-

ніе на нихъ словъ этого «Крота», о которомъ говорится у Некрасова:

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивыхъ покорила—
Богъ вѣсть! Но грубые умы
Онъ умилилъ, обезоружилъ,
Онъ намъ ту бездну обнаружилъ,
Куда стремглавъ летѣли мы.

Во всемъ этомъ рѣшительно слышится фальшивая нота, особливо, если вспомнить свидѣтельство Достоевскаго о томъ страшномъ разрывѣ, который существуетъ въ кругу «несчастныхъ» между простолюдиномъ и человѣкомъ, вышедшимъ изъ образованнаго класса. Составитель «Записокъ изъ Мертваго Дома» прямо говоритъ, что всѣ его усилія засыпать ту бездну, которая отдѣляла его отъ другихъ острожниковъ, оставались тщетными: до конца въ немъ враждебно видѣли *неровню, барина*. Послѣ этого должно представиться рѣшительно невозможнымъ то, что говорится у Некрасова далѣе—

Закоренѣлаго невѣжду
Спроси, и тотъ отдать бы радъ
Свою послѣднюю надежду—
Подъ небо родины возвратъ,
За мигъ единый облегченья
Его тоски, его мученья...

Т. е. тоски и мученья этого образованнаго «Крота», одного изъ тѣхъ, къ которымъ, по свидѣтельству Достоевскаго, каторжники простолюдины обыкновенно относятся не иначе, какъ: «муходавы!»... «имъ вездѣ рай». «Тутъ каторга, а они калачи ѣдятъ да поросятъ покупаютъ.» «Ты вѣдь собственное ѣшь;—чего-же сюда лѣзешь», т. е. чего ты это вздумалъ вмѣстѣ съ нами, обыкновенными каторжниками, объявлять претензію на столъ, бунтовать?.. «Какой ты намъ товарищъ?»... «Ты иди своей дорогой, а мы своей»—вотъ что хотѣли они этимъ сказать, по объясненію Достоевскаго.

Мнѣ пришлось такимъ образомъ указать на нѣкоторыя фальшивыя ноты въ поэмѣ Некрасова; спѣшу изгладить это впечатлѣніе указаніемъ на прекрасное стихотвореніе его «Тишина», написанное, кажется, вскорѣ послѣ «Несчастныхъ», сочиненныхъ въ Римѣ. Поэма «Тишина» рисуетъ намъ возвращеніе поэта на родину:

Все рожь кругомъ, какъ степь живая;
Ни замковъ, ни морей, ни горъ.

Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ—
И не нашелъ я ничего!..

Какъ это напоминаетъ то, что̀ говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, который, какъ извѣстно, не за долго до смерти поѣхалъ за-границу. Бѣлинскій, всегда тяготѣвшій къ западу, пріѣзжаетъ туда и страшно тоскуетъ, тоска его тянетъ на родину, и Тургеневъ объясняетъ это тѣмъ, что «очень ужъ былъ онъ человѣкъ русскій». Тоже самое произошло и съ нашимъ поэтомъ; вотъ какъ продолжаетъ онъ противополагать чужіе края родинѣ:

Я тамъ не свой,—хандрю, нѣмѣю,
Не одолѣвъ мою судьбу,
Я тамъ погнулся передъ нею,
Но ты дохнула—и съумѣю,
Быть можетъ, выдержать борьбу!

Горе какъ-то легче выносится у себя дома: оно тутъ выносится заодно со своими! Какъ-бы ни-было хорошо тамъ, за моремъ, — сердце нравственно здороваго человѣка тяготѣетъ къ родинѣ; онъ выдержалъ-бы разлуку съ нею только въ томъ случаѣ, еслибы убѣдилъ себя въ томъ, что, живя съ нею врозь, онъ только вѣрнѣе сослужитъ свою службу—ей-же. Вотъ въ этомъ-то духѣ поэтъ и говоритъ далѣе:

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,—
Не небесамъ чужой отчизны—
Я пѣсни родинѣ слагалъ.
И нынѣ жадно повѣряю
Мечту любимую мою,
И въ умиленьи посылаю
Всему привѣтъ... Я узнаю
Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревенекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры...

Словомъ—рисуется отличающійся просторомъ, но незатѣйливый родной ландшафтъ, представляющійся Некрасову столько-же

обаятельнымъ, сколько въ свое время Пушкину и Лермонтову. Но въ Некрасовѣ пробуждается тутъ и болѣе глубокое желаніе слиться *душою* съ роднымъ *народомъ*—искать утѣшенія въ томъ, въ чемъ народъ его ищетъ...

...Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья!
И шепчетъ голосъ неземной:
„Лови минуту умиленья,
„Войди съ открытой головой!
„Какъ ни тепло чужое море,
„Какъ ни красна чужая даль,—
„Не ей поправить наше горе,
„Размыкать русскую печаль!
„Храмъ воздыханья, храмъ печали,—
„Убогій храмъ земли твоей—
„Тяжелѣ стоновъ не слыхали
„Ни римскій Петръ, ни Колизей!
„Сюда народъ, тобой любимый,
„Своей тоски неодолимой
„Святое бремя приносилъ—
„И облегченный уходилъ.
„Войди! Христосъ наложитъ руки
„И сниметъ волею святой
„Съ души оковы, съ сердца муки,
„И язвы съ совѣсти больной!“..
Я внялъ, я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!..

Далѣе, какъ извѣстно, слѣдуетъ обращеніе къ Севастополю, только что покрывшему насъ тогда такъ нерѣдко достававшейся намъ на долю «славой страданія». На этотъ разъ страданіе служило предвѣстіемъ внутренняго благодѣтельнаго перелома. Поэту, переносящемуся мыслью въ родную непривѣтную глушь, уже какъ-будто-бы чуется впереди упраздненіе, когда-то отравившаго его дѣтство, крѣпостного права:

Тамъ можно жить не отравляя
Ни Божьихъ, ни ревизскихъ душъ,
И, трудъ любимый довершая,
Тамъ стыдно будетъ унывать
И предаваться грусти праздной,
Гдѣ пахарь любитъ сокращать
Напѣвомъ трудъ однообразный.
Его-ли горе не скребетъ?—
Онъ бодръ, онъ за сохой шагаетъ,
Безъ наслажденья онъ живетъ—
Безъ сожалѣнья умираетъ.

Вотъ въ чемъ окончательно находитъ себѣ опору и назиданье поэтъ,—въ томъ чувствѣ бодрости, которое не оставляетъ народа:

Его примѣромъ укрѣпись
Сломившійся подъ игомъ горя;—
За личнымъ счастьемъ не гонись,
И Богу уступай не споря!..

Итакъ, вотъ окончательное его заключеніе: личное горе должно утонуть въ этомъ морѣ общенароднаго горя, при существованіи котораго подло и глупо-бы было думать о личномъ счастьи. Не трудно замѣтить, что, по *основному скорбному своему настроенію*, Некрасовъ довольно близокъ съ міровымъ поэтомъ скорби Байрономъ (степень дарованія у того и другого оставляю я въ сторонѣ). Но Байронъ выставлялъ главнымъ образомъ скорбь особенно выдающихся личностей, *нравственныхъ аристократовъ*, въ которыхъ выражаетъ онъ себя самого. До обыкновенныхъ людей, до обыкновеннаго, но, конечно, не менѣе тяжелаго горя народной массы англійскій поэтъ не спускается, оно было-бы слишкомъ мелко для его нравственно-аристократической натуры. Совершенно другое видимъ мы у Некрасова—у него мы знакомимся со скорбью обыкновенныхъ людей, со скорбью *человѣческаго большинства*, передъ которою, по сознанью нашего поэта, должны замолкнуть всякія *личныя* жалобы. У Байрона — ропотъ могучей, широко развившейся личности; у Некрасова въ его лучшихъ произведеніяхъ — личность готова молчать о самой себѣ, слиться съ общимъ человѣческимъ ропотомъ *). Въ этомъ выражается у него народный,

*) Такое сужденье о Байронѣ сравнительно съ Некрасовымъ явилось у меня не вслѣдствіе какого-нибудь мгновеннаго увлеченія во время лекціи (повторяю, я говорю только о *направленіи*, а не о *степени таланта*). Въ прошломъ году я прочелъ нѣсколько лекцій о Байронѣ и подробный разборъ его произведеній привелъ меня къ тому сужденію о немъ, которое я только повторилъ въ сжатомъ видѣ

вовсе не аристократическій нашъ характеръ. Личность, умаляющая себя, сливающаяся съ цѣлымъ, давно уже является идеаломъ въ народномъ эпосѣ. Наши представители нравоописательной повѣсти выставляли намъ ту-же самоотверженную личность; мы видѣли ее у Тургенева, у Л. Толстаго; видѣли, наконецъ, и между Подлиповцами у Рѣшетникова.

Но какъ помирить это съ тѣмъ, что такъ часто встрѣчается намъ въ жизни? Не напрасны вѣдь жалобы, что въ нашемъ обществѣ страшно развитъ эгоизмъ; но нерѣдко такой же эгоизмъ проявляется и въ простомъ народѣ. Какъ-же согласить это съ тѣмъ, что̀ выражали наши писатели, что̀ выразилъ намъ народный эпосъ? Придется прибѣгнуть къ сравненію, которое, какъ и всѣ сравненія, объяснитъ, конечно, далеко не все. Какъ часто мы видимъ прекрасные всходы; но потомъ наступаетъ и долго держится холодъ: все замираетъ, глохнетъ. Но стоитъ только снова настать настоящему теплу—и все опять оживаетъ. То-же самое и въ нравственномъ мірѣ: добрые всходы могутъ быть заглушены, пришиблены; но пусть только снова повѣетъ тепломъ — и все опять отойдетъ и распустится пышнымъ цвѣтомъ**).

ЛЕКЦІЯ VIII-Я.

Некрасовъ. Произведенія втораго періода (съ 1861 г.).

Первый періодъ дѣятельности Некрасова разсмотрѣнъ мною въ прошлый разъ;—онъ, конечно, и самый важный. Второй, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ повтореніе прежнихъ темъ, при значительно большемъ, однако же, противъ прежняго развитіи одной стороны—сатирической. Но эту послѣднюю, представляющую у Некрасова во многихъ случаяхъ черты, общія съ Щедринымъ, мнѣ придется затрогивать впослѣдствіи, при разборѣ той или другой сатиры Щедрина. Теперь же я обращаюсь къ тѣмъ произведеніямъ Некрасова, относящимся ко второму періоду, въ которыхъ затрогивается его прежняя, любимая тема: положеніе народа и всѣхъ

въ настоящей лекціи. Я надѣюсь современемъ напечатать мои лекціи о Байронѣ особою книжкой, въ которую войдетъ и перепечатка моихъ лекцій о Шиллерѣ.

**) Прекрасное стихотвореніе Я. П. Полонскаго: «Въ дурную погоду», напечатанное въ «Недѣли». одномъ изъ номеровъ, можетъ въ свою очередь послужить объясненіемъ моей мысли.

вообще людей, связанныхъ съ народомъ своей участью. Первый періодъ заканчивается началомъ шестидесятыхъ годовъ. 1861 годъ, съ его великимъ событіемъ—освобожденіемъ крестьянъ, не могъ не вызвать у нашего поэта сочувственнаго стихотворенія. И дѣйствительно, онъ привѣтствовалъ эту многознаменательную пору стихами:

Родина мать! по равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ...

Замѣчая на рукахъ у матери-крестьянки ребенка, онъ обращается къ нему съ такими свѣтлыми предсказаніями:

Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ! не узнаешь ты слезъ.
Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ,—
Выберешь дѣло, къ которому годенъ.
Хочешь—останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь—подъ небо взовьешься орломъ.

Далѣе поэтъ, однако, чувствуетъ необходимость поудержать свой восторгъ:

Въ этихъ фантазіяхъ много ошибокъ:
Умъ человѣческій тонокъ и гибокъ.
Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.

Въ концѣ, какъ извѣстно, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что эти новыя сѣти будетъ, однако, легче распутать. Но, кромѣ этихъ новыхъ сѣтей, придуманныхъ тою человѣческою изобрѣтательностью въ злѣ, отъ которой человѣчество нигдѣ, ни въ какой странѣ не умѣло еще избавиться, — кромѣ того остаются еще слѣды, глубокіе, не скоро заживающіе слѣды отъ старыхъ оковъ, вслѣдствіе чего нетолько большая часть произведеній Некрасова, написанныхъ до 1861 г., все-таки не устарѣла и не можетъ скоро устарѣть, но у него могли и послѣ того появляться стихотворенія на прежнюю печальную тему. Такъ, напримѣръ, въ 1867 г. написано имъ небольшое, но много содержащее стихотвореніе: «Съ работы». Содержаніе его всѣмъ извѣстно, но я считаю нужнымъ напомнить нѣсколько строфъ. Крестьянинъ возвращается съ работы и говоритъ женѣ:

«Экъ я умаялся!.. Что, обрядила?
«Дай-ко горяченькихъ щецъ.
—«Печи я нынче, родной, не топила,
«Не было, знаешь, дровецъ.»
«Ну, и безъ щей поснѣдаю я, грѣшный,

«Ты овсеца бы савраскѣ дала,—
«Въ лѣто одинъ онъ управилъ, сердешный,
«Пашни четыре тягла.

«Трудно и нынче намъ съ бревнами было,
«Портится путь... Инъ и хлѣбушка нѣтъ?..
— «Вышелъ, родной... у сосѣдей просила,—
«Завтра сулили чѣмъ свѣтъ! —

«Ну, и безъ хлѣба улягусь я, грѣшный,
«Кинь подъ савраску соломки, жена.
«Въ зиму-то вывезъ онъ, вывезъ, сердешный,
«Триста четыре бревна!..»

Какая простота, какая, употребляя выраженіе Тургенева про Рѣшетникова, «трезвая правда»,—и какое въ своемъ родѣ высокое впечатлѣніе производитъ эта выносливость крестьянина, исполненная такой мягкости относительно жены и такой нѣжной заботливости прежде всего объ этомъ общемъ кормильцѣ—савраскѣ!

Между тѣмъ еще въ прошлый разъ, уже въ произведеніяхъ перваго періода, мнѣ пришлось замѣтить у нашего поэта и нѣкоторыя, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, не совсѣмъ вѣрныя ноты;—главнымъ образомъ въ поэмѣ «Несчастные».

Около того-же времени, т. е. во 2-й половинѣ пятидесятыхъ годовъ, Некрасовымъ начатъ тотъ рядъ стихотвореній, который носитъ общее названіе: «О погодѣ»; я ихъ не затрогивалъ именно потому, что они въ то время были только начаты, а продолжались позже, уже въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, причемъ все болѣе и болѣе принимали сатирическій характеръ. Первое изъ этихъ стихотвореній еще полно лиризма и посвящено любимой Некрасовской темѣ — положенію бѣднаго человѣка; но и въ этомъ стихотвореніи мнѣ опять слышатся нѣкоторыя не совсѣмъ вѣрныя ноты. Дѣло, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что, при съѣздѣ съ моста, коляска наѣзжаетъ на дроги и опрокидываетъ ихъ,—гробъ падаетъ и раскрывается. Что подобный случай возможенъ—въ этомъ, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія; но что за надобность прибѣгать къ *случаямъ*, когда достаточно и того, что дѣлается каждый день, помимо всякой случайности, что вошло въ обыкновенный порядокъ вещей, но что не у каждаго на глазахъ, а потому и не всѣхъ поражаетъ. Вполнѣ достаточно и такихъ заурядныхъ явленій, которыя должны быть только собраны съ разныхъ сторонъ и выставлены на показъ всѣмъ, чтобы самое безпечное сердце перевернулось, чтобы самому равнодушному человѣку сдѣлалось жутко. Гоньбой за случайностями только дается поводъ ему, этому такъ

неохотно тревожащемуся человѣку, отдѣлаться именно тѣмъ, что вѣдь это только *случайности*; а поэтъ нашъ далѣе въ томъ же стихотвореніи представляетъ намъ цѣлое сгроможденіе несчастныхъ случайностей, не невозможное, разумѣется, но все-же, по своей рѣдкости, дающее поводъ сказать, что это *придумано*. Оказывается, что этотъ бѣднякъ-чиновникъ, котораго вывалили изъ гроба, — что онъ съ самаго начала не нашелъ себѣ покоя и въ немъ: въ то время, когда гробъ стоялъ еще въ комнатѣ, произошелъ пожаръ; въ теченіе же своей жизни погоралъ онъ 14 разъ! На кладбищѣ, въ довершеніе всего, онъ попадаетъ въ могилу, наполненную водой, что подаетъ поводъ провожающей его старушкѣ замѣтить:

«. . . . вчера погоралъ,
«А сегодня, изволите видѣть,
«Изъ огня прямо въ воду попалъ.»

И авторъ, который приводитъ все это, какъ очевидецъ, тутъ только замѣчаетъ, что этой старушкѣ жаль своего несчастнаго жильца. Между тѣмъ, для читателя это представляется несомнѣннымъ съ самаго начала, по самому тону ея, лишь повидимому равнодушнаго разсказа, а потому и представляется неумѣстнымъ вопросъ, съ которымъ обращается къ ней вначалѣ авторъ:

«И тебѣ его будто не жаль?»

Очевидно, что вопросъ этотъ заданъ съ цѣлью вызвать у нея отвѣтъ:

«Что жалѣть? Намъ жалѣть не досужно...»

Тогда какъ ей рѣшительно незачѣмъ говорить это: читатель и самъ изъ всего ея разсказа вывелъ бы, что *сантиментальничать* дѣйствительно ей не къ лицу, не по ея положенію—но что только этимъ-то и объясняется ея кажущееся равнодушіе. Итакъ, уже въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, предшествующихъ второму періоду, до извѣстной степени замѣчается у нашего поэта изысканность, преувеличенность, отсутствіе жизненно-художественной правды. Съ другой стороны, мы замѣчаемъ и во 2-мъ періодѣ произведенія, служащія прямымъ продолженіемъ лучшихъ сторонъ перваго. Къ 1861 г. относится поэма «Коробейники», отличающаяся отъ другихъ поэмъ Некрасова особымъ, живымъ и веселымъ тономъ, преобладающимъ въ ней почти до конца, т. е. до той трагической развязки, которая тѣмъ болѣе насъ поражаетъ. Въ своей существенной части поэма рисуетъ намъ то своего рода оживленіе, которое вносится этими ходячими торговцами—коробейниками въ однообразную народную жизнь; впрочемъ, свѣтлое ея впечатлѣніе

еще въ серединѣ поэмы до нѣкоторой степени нарушается обычнымъ Некрасовскимъ настроеніемъ: онъ совершенно естественнымъ образомъ представляетъ намъ то смѣшеніе веселаго съ грустнымъ, которое такъ часто встрѣчается въ жизни. Грустную сторону представляетъ разсказъ о крестьянинѣ, который случайно, по ошибкѣ, былъ усаженъ въ острогъ, и та печальная пѣсня странника, которая и сама по себѣ должна быть отнесена къ лучшимъ произведеніямъ Некрасова. Это та, весьма извѣстная, пѣсня, которой каждый куплетъ оканчивается стихами:

«Холодно, странничекъ, холодно!
«Голодно, родименькій, голодно!»

Нѣсколькими годами позже (1863) написана другая поэма: «Морозъ красный носъ», отличающаяся почти вся сплошь самымъ грустнымъ тономъ, но при-этомъ и искренностью и задушевностью, вполнѣ напоминающею лучшія произведенія перваго періода. Личность крестьянской жены и матери, какъ мы знаемъ, не разъ выдвигалась Некрасовымъ и въ прежнихъ его произведеніяхъ; здѣсь этотъ образъ развитъ еще съ большей подробностью и съ особенно сочувственными чертами:

Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ.

Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ,
А зрячій о нихъ говоритъ:
«Пройдетъ—словно солнцемъ освѣтитъ!
«Посмотритъ—рублемъ подаритъ.»

Въ ней ясно и крѣпко сознанье,
Что все ихъ спасенье въ трудѣ,
И трудъ ей несетъ воздаянье,—
Семейство не бьется въ нуждѣ,

Всегда у нихъ теплая хата,
Хлѣбъ выпеченъ, вкусенъ квасокъ,
Здоровы и сыты ребята,
На праздникъ есть лишній кусокъ.

Вотъ одну изъ такихъ женщинъ и рисуетъ Некрасовъ въ этой поэмѣ, но онъ рисуетъ ее въ годину испытанія, застигнутую нежданною-негаданною бѣдою. На рукахъ у нея умираетъ мужъ, сокрушенный долговременною болѣзнью, умираетъ преждевременно, еще во цвѣтѣ лѣтъ; это вноситъ совершенное разстройство въ ея хозяйство и доводитъ ее, подъ вліяніемъ заботъ, до совершеннаго

изнеможенія. Вотъ чѣмъ и объясняется, что, возвратившись съ похоронъ, она не находитъ дровъ, которыя, при хорошо идущемъ хозяйствѣ, должны-бы быть припасены во время. Между тѣмъ проголодавшіяся дѣти тѣмъ болѣе могутъ потерпѣть отъ холода, и вотъ усталая, сама голодная, съ разбитымъ сердцемъ, она все-таки ѣдетъ въ лѣсъ за дровами. Развязка извѣстна. Тутъ Некрасовъ воспользовался прекраснымъ мотивомъ русской сказки, осуществивъ морозъ въ образѣ живаго существа, принимающаго бѣдную женщину въ свое холодное царство. Подобное замерзаніе, конечно, не совершенно рѣдкій случай въ народномъ быту, хотя обыкновенно оно происходитъ вдали отъ жилья, вслѣдствіе занесшей дорогу вьюги. Въ нашей поэмѣ ничего этого нѣтъ, и съ перваго взгляда можетъ показаться, что поэтъ представляетъ и тутъ какую-то рѣдкую случайность. Но если мы примемъ во вниманіе, что Дарья возвращается съ похоронъ усталая, безсознательно, голодная, что сердце ея разбито, то становится понятнымъ, почему она могла, во время рубки дровъ, прислониться къ дереву, чтобы хотя нѣсколько отдохнуть и отдаться своимъ грустнымъ мыслямъ: такимъ образомъ замерзаніе оказывается достаточно обусловленнымъ, не представляется странной мелодраматической случайностью. Не то должны мы сказать о нѣкоторыхъ чертахъ другаго произведенія, написаннаго нѣсколько позже. Некрасовъ въ своемъ посвященіи поэмы: «Морозъ красный носъ» сестрѣ называетъ эту поэму своей «послѣдней пѣснью»; дѣйствительно, это послѣдняя большая поэма изъ народнаго быта, которую можно съ начала до конца прочесть съ однимъ и тѣмъ-же чувствомъ удовлетворенности.

Къ 1864 году относится стихотвореніе: «Желѣзная дорога». Тутъ совершенно вѣрно схваченъ одинъ изъ новыхъ видовъ неволи, придуманный «тонкимъ и гибкимъ умомъ человѣка»: народъ, уже освобожденный изъ крѣпостной зависимости, попадаетъ въ нелегкую также зависимость отъ тѣхъ *строителей*, которые думаютъ только о набиваніи своихъ кармановъ. Все это выражено въ видѣ разсказа учителя маленькому мальчику, который, вмѣстѣ съ нимъ и съ отцомъ, ѣдетъ по желѣзной дорогѣ. Есть люди, которые находятъ поведеніе этого учителя не педагогическимъ: «зачѣмъ», говорятъ они, «смущать свѣтлую душу ребенка такими картинами?» Взгляды на воспитаніе, конечно, бываютъ различны; кому нравится выдѣлывать изъ своихъ дѣтей нѣженокъ, не знающихъ жизни Адуевыхъ, или отворачивающихся отъ нея Обломовыхъ, тотъ не можетъ не возставать противъ пріемовъ некрасовскаго учителя. Но и тѣ, которые сочувственно отнесутся къ

его словамъ, открывающимъ ребенку глаза, дающимъ ему почувствовать, что такое трудъ, какъ дорого стоитъ, не въ одномъ только денежномъ смыслѣ, эта дорога, по которой ему такъ удобно и весело ѣхать,—даже и такіе люди не могутъ не признать въ этой поэмѣ кое-чего совершенно лишнимъ, впадающимъ въ мелодраму, или, вѣрнѣе сказать,—въ балладу. Все, что говоритъ учитель, само по себѣ прекрасно:

«Трудъ этотъ, Ваня, былъ страшно громаденъ—
«Не по плечу одному!
«Въ мірѣ есть царь: этотъ царь безпощаденъ, —
«Голодъ» названье ему.

«Онъ-то согналъ сюда массы народныя.
«Многіе, въ страшной борьбѣ,
«Къ жизни воззвавъ эти дебри безплодныя,
«Гробъ обрѣли здѣсь себѣ.

«Прямо дороженьки—насыпи узкія,
«Столбики, рельсы, мосты,
«А по бокамъ-то все косточки русскія;
«Сколько ихъ, Ваничка, знаешь-ли ты?»

Совершенно, къ несчастью, вѣрна и другая, «веселенькая» картина, которую онъ рисуетъ потомъ, чтобы удовлетворить отца, недовольнаго мрачнымъ тономъ первой, — картина расплаты съ трудящимися крестьянами и всѣхъ ея послѣдствій:

.... Рабочій народъ
Тѣсной гурьбой у конторы собрался...
Крѣпко затылки чесали они.
Каждый подрядчику долженъ остался, —
Стали въ копѣйку прогульные дни!
Все заносили десятники въ книжку,
Бралъ-ли на баню, лежалъ-ли больной:
«Можетъ и есть тутъ теперича лишку,
Да, вотъ, поди ты!...» Махнули рукой...
Въ синемъ кафтанѣ—почтенный лабазникъ
Толстый, присадистый, красный какъ мѣдь,
Ѣдетъ подрядчикъ по линіи въ праздникъ,
Ѣдетъ работы свои посмотрѣть.
. . . . . .
«Съ Богомъ, теперь по домамъ—проздравляю!
«(Шапки долой, коли я говорю) —
«Бочку рабочимъ вина выставляю
«И — недоимку дарю!»...

Но къ чему было выводить въ этой поэмѣ, по основной своей мысли совершенно правдивой, — къ чему было выводить этотъ хоръ мертвецовъ, заставлять ихъ вставать по краямъ дороги и скрежетать зубами? То чувство правды, которое такъ рѣшительно водворено въ нашей литературѣ со временъ Гоголя и которое такъ замѣтно и въ лучшихъ произведеніяхъ Некрасова, — должно бы было оградить его отъ такой напряженной неестественности. Послѣднее большое произведеніе Некрасова изъ народнаго быта, это—«Кому на Руси жить хорошо». Во всей поэмѣ, какъ извѣстно, соблюденъ даже народный размѣръ, но нельзя не сознаться, что Некрасовъ пользуется имъ не особенно удачно: онъ у него отличается крайнимъ однообразіемъ, тогда какъ народъ умѣетъ его видоизмѣнять. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у Некрасова попадаются прямыя заимствованія изъ народныхъ пѣсенъ, нѣсколько нарушается однообразіе этого размѣра. Содержаніе нѣсколько сходно съ пріемами народныхъ сказокъ, и этими пріемами можетъ быть извинено то, что безъ этого могло бы представиться нѣсколько натянутымъ: странствованіе мужиковъ, бросившихъ работу, семью и бродящихъ по свѣту, чтобы узнать, кому на Руси хорошо живется? Если крестьяне отправляются странствовать въ романѣ Рѣшетникова «Гдѣ лучше?» или въ «Подлиповцахъ» — то тамъ ихъ руководитъ практическій интересъ, а не одно простое любопытство. Но у Некрасова народъ рисуется въ сказочной обстановкѣ, при участіи скатерти-самобранки и нѣкоторыхъ другихъ принадлежностей чудеснаго міра; самая же основа поэмы нѣсколько напоминаетъ тѣ народныя сказки, въ которыхъ происходитъ споръ изъ-за того, что первенствуетъ въ мірѣ—«правда» или «кривда», и для рѣшенія этого спора тоже совершается странствованіе. Несмотря на такую *сказочность* формы, поэма Некрасова, по своему содержанію, вполнѣ отражаетъ въ себѣ нашу современность— а именно, многія изъ явленій поры, непосредственно слѣдовавшей за освобожденіемъ крестьянъ, и, подобно всякой переходной порѣ, представляющей много тяжелаго. Вспомните встрѣчи крестьянъ, отправившихся развѣдать, кому на Руси лучше живется, съ различными лицами, разсказывающими имъ о своемъ положеніи. Тутъ прежде всего выдается разсказъ священника, напоминающій нѣкоторыя черты у Рѣшетникова, у Помяловскаго и у Стебницкаго (въ «Соборянахъ»). Разсказъ этотъ съ такою полною откровенностью выставляетъ личное положеніе священника ухудшившимся послѣ того, какъ помѣщичье величіе потерпѣло подрывъ:

«Перевелись помѣщики,
Въ усадьбахъ не живутъ они
И умирать на старости
Уже не ѣдутъ къ намъ.
Богатыя помѣщицы,
Старушки богомольныя,—
Которыя повымерли,
Которыя пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подаритъ!
Никто не вышьетъ воздуховъ...
Живи съ однихъ крестьянъ...»

А какъ тяжело приходится жить съ нихъ однихъ, это видно изъ дальнѣйшихъ словъ священника, въ которыхъ проглядываетъ его въ сущности доброе и честное сердце:

Напутствуешь усопшаго
И поддержать въ оставшихся
По мѣрѣ силъ стараешься
Духъ бодръ. А тутъ къ тебѣ
Старуха мать покойника,
Глядь—тянется съ костлявою
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Какъ звякнутъ въ этой рученькѣ
Два мѣдныхъ пятака!
Конечно, дѣло чистое:
За требу воздаяніе
Не брать — такъ не чѣмъ жить,
Да слово утѣшенія
Замретъ на языкѣ,
И словно какъ обиженный
Уйдешь домой...

Не менѣе сильно дѣйствуетъ и появленіе помѣщика, его испугъ при видѣ толпы крестьянъ, обращающейся къ нему съ совершенно мирнымъ вопросомъ: кому жить лучше? — испугъ, объясняемый тѣмъ, что ему мерещется, «ужъ не бунтъ-ли это?» Затѣмъ, когда онъ приходитъ въ себя, какъ натурально это величанье имъ крестьянъ «господами», съ предложеніемъ, чтобы они садились, при иронической просьбѣ-вопросѣ:

«И мнѣ присѣсть позволите?»

Кому изъ насъ не приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ въ первые годы послѣ освобожденія крестьянъ!

Въ высшей степени замѣчательна и та глава поэмы, которая озаглавлена «Послѣдышъ»: этотъ старикъ помѣщикъ, до такой степени не могущій помириться съ новыми порядками, что у него отъ нихъ дѣлается ударъ; эти родственники, которые стараются его успокоить тѣмъ, что вся реформа отмѣнена, и все опять установилось по старому; эта комедія, которую, по просьбѣ родственниковъ помѣщика, разыгрываютъ крестьяне, чтобы наглядно его убѣдить въ возстановленіи крѣпостнаго права;—все это, конечно, явленія исключительныя, но нарисованныя такими красками, что трудно не вѣрить возможности всего этого. Съ другой стороны, изъ ряда людей, принадлежащихъ самому народу, въ поэмѣ Некрасова выдвигается такая личность, какъ Ермилъ. Снискавъ своею честностью довѣріе другихъ крестьянъ, онъ, несмотря на молодость, выбранъ въ бурмистры; наконецъ, довѣріе къ нему крестьянъ такъ велико, что они въ одинъ часъ собираютъ тысячу рублей, чтобы выручить его изъ нужды. Но и онъ однажды провинился передъ міромъ:

Былъ случай, и Ермилъ мужикъ
Свихнулся: изъ рекрутчины
Меньшаго брата Митрія
Повыгородилъ онъ...

Но зато же и замучила его послѣ этого совѣсть, зато же и каялся онъ передъ міромъ, а міръ послѣ этого покаянія сталъ только болѣе ему довѣрять... И загладилъ Ермилъ свое прегрѣшеніе еще болѣе вѣрною службою міру, за которую наконецъ... и попалъ въ острогъ (дѣло было еще въ крѣпостное время). Это образъ совершенно живой, возможный, хотя въ основѣ своей и идеальный. — Съ другой стороны, въ этой же самой поэмѣ проявляется у Некрасова и реализмъ, доведенный до своихъ крайнихъ предѣловъ. Вспомните картину народнаго пьянства, которая слѣдуетъ за описаніемъ ярмарки:

По всей по той дороженькѣ
И по окольнымъ тропочкамъ,
Докуда глазъ хваталъ,
Ползли, лежали, ѣхали,
Барахтался пьяные
И стономъ стонъ стоялъ.

Далѣе слѣдуютъ подробности:

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
Крехтятъ — на скалкѣ тянутся,

Суставчики трещатъ!
На скалкѣ не понравилось:
«Давай теперь попробуемъ
«Тянуться бородой!»
Когда порядкомъ бороды
Другъ дружкѣ поубавили,
Вцѣпились за скулы!
Пыхтятъ, краснѣютъ, корчатся,
Мычатъ, визжатъ, а тянутся!

Во первыхъ, нельзя не замѣтить, что пьяный человѣкъ не всегда же только дерется; нѣкоторые, опьянѣвъ, становятся особенно дружелюбны, цѣлуются, обнимаются; что бы, хоть для разнообразія, въ общей картинѣ пьяныхъ, выставить нѣсколько и такихъ? Нагроможденіе однихъ въ высшей степени безобразныхъ проявленій народнаго разгула, и нагроможденіе ихъ въ такомъ количествѣ можетъ быть объяснено только особеннымъ умысломъ—указать на то, до чего доходитъ народъ въ своемъ невѣжественномъ весельи. Но вѣдь подобныя указанія могутъ оказаться совершенно сподручными для людей, руководимыхъ особыми цѣлями, — совершенно, конечно, не тѣми, какія могли быть у нашего поэта. Правда, далѣе онъ заставляетъ одного крестьянина высказать многое въ защиту народа, который упрекается тутъ за свою слабость дворяниномъ Веретенниковымъ; но крестьянинъ, можно сказать, держитъ передъ нимъ цѣлую защитительную рѣчь, которая, и по своей длиннотѣ, и по своему тону, отзывается мѣстами совершенной риторикой. Нельзя не замѣтить и крайняго преувеличенія въ подробностяхъ той грубой комедіи, которую разыгрываютъ передъ «послѣдышемъ», чтобы увѣрить его въ томъ, что крѣпостное право возобновлено. Агапъ, осмѣлившійся сказать ему «грубость», должен быть *для вида* наказанъ; чтобы онъ исправнѣе кричалъ, его спаиваютъ, и что же? Комедія кончается его смертью, происходящею съ перепою. Можно бы было, мнѣ кажется, обойтись и безъ этой совершенно случайной трагической развязки, подающей только поводъ говорить о *придуманности* и заподозрѣвать вѣрность всей вообще картины.

Въ особомъ отдѣлѣ той-же поэмы, носящемъ названіе «Крестьянка», есть много прекраснаго, вѣрнаго, но отдѣльныя черты опять-таки отличаются нѣкоторой изысканностью. Въ числѣ бѣдствій, которыя приходится испытать этой бѣдной крестьянкѣ, замѣшивается и такое, какъ смерть ея маленькаго сына, сдѣлавшагося жертвою прожорливости свиней, — случай, ко-

нечно, возможный въ крестьянскомъ быту, но все-таки *случай*. Въ другомъ мѣстѣ поэмы упоминается о расправѣ, происходившей еще въ помѣщичьи времена. Мать хочетъ избавить отъ наказанія своего сынишку, провинившагося въ томъ, что не съумѣлъ спасти отъ волка овцу, или, лучше сказать, — отдалъ ему овцу, видя, что овца уже мертвая. Мальчика ведутъ на судъ къ помѣщику, который признаетъ, что онъ, какъ ребенокъ, не виноватъ, и велитъ его оставить въ покоѣ, но вмѣсто него наказать его мать. Что подобный случай, какъ онъ ни рѣдокъ по своей странности, все-таки возможенъ при самодурствѣ помѣщичьяго самоуправства, это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію; но вспомнимъ, съ какой осторожностью поступалъ Тургеневъ — въ «Запискахъ Охотника», которыя оттого и произвели такое неотразимое дѣйствіе, что въ нихъ воспроизведены только совершенно обыкновенныя, каждый день, на каждомъ шагу встрѣчавшіяся черты крѣпостнаго времени, такъ что ни про одну изъ нихъ нельзя было сказать: это рѣдкость или исключеніе. Нашъ поэтъ въ послѣдней своей поэмѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, напротивъ того, имѣлъ, очевидно, въ виду подобрать черты, особенно выдающіяся по своей крайности, а потому и могущія, какъ онъ думалъ, особенно поразить. Но чѣмъ объяснить появленіе въ его поэмѣ добродѣтельной губернаторши, нѣсколько отзывающейся — да проститъ мнѣ поэтъ такое сравненіе съ стариной — сантиментализмомъ повѣстей Карамзинскаго періода? А вѣдь отъ этой идеальной губернаторши даже получило свое прозвище главное дѣйствующее лице въ отдѣлѣ: «Крестьянка», Матрена Тимоѳеевна. Въ лицѣ этомъ многое подмѣчено совершенно вѣрно, но оно далеко не такъ художественно обработано, не производитъ того впечатлѣнія, какъ Дарья въ поэмѣ «Морозъ красный носъ». Упомянутыя поэмы были послѣдними собственно изъ народнаго быта. Затѣмъ Некрасовъ дѣлаетъ рѣзкій переходъ къ другому кругу: отъ простой русской женщины, удрученной горемъ, онъ обращается къ русскимъ женщинамъ изъ высшаго класса, которыхъ сблизило съ народомъ внезапно постигшее ихъ несчастіе. Поэтъ показываетъ на примѣрѣ этихъ двухъ княгинь, неполными фамиліями которыхъ озаглавлены оба отдѣла поэмы «Русскія женщины», какіе богатые задатки нравственныхъ силъ могутъ скрываться въ глубинѣ души и, не заглохнувъ отъ великосвѣтскаго воспитанія, выйдти наружу подъ вліяніемъ вызывающихъ на борьбу обстоятельствъ.

Эта поэма—одно изъ тѣхъ послѣднихъ произведеній Некрасова, въ которой онъ выходитъ на новую дорогу, и выходитъ такъ, что мы вполнѣ узнаемъ его прежнюю поэтическую силу. Можетъ быть, двѣ-три черты отзываются и преувеличеніемъ, аффектаціей: можно было обойтись безъ этого нѣсколько натянутаго проклятія, которымъ угрожаетъ княгинѣ В — ской ея отецъ; а тѣмъ болѣе безъ цѣлованія ею оковъ своего мужа; правдивѣе было бы, если бы она просто бросилась ему на шею, вмѣсто того, чтобы картинно опускаться на колѣни и прижимать его оковы къ губамъ. Но все это выкупается прекраснымъ впечатлѣніемъ отъ цѣлаго, а также и многими прекрасными подробностями, къ которымъ нельзя не отнести задушевнаго отзыва княгини В—ой о простыхъ русскихъ людяхъ, о ихъ добротѣ и ихъ сострадательности. — При разборѣ поэмы «Несчастные» мнѣ пришлось указать на то, что вліяніе на простой народъ едвали можетъ у насъ имѣть образованный человѣкъ—по причинамъ, указаннымъ Достоевскимъ, всегда представляющійся народу какимъ-то *неровней*, а въ каторжникахъ изъ народа вызывающій какое-то съ завистью смѣшанное презрѣніе, какъ существо, до извѣстной степени и на каторгѣ оказывающееся *бѣлоручкою*. Но этимъ вовсе не исключается возможность состраданія, участія простыхъ людей къ горю людей изъ другаго класса. Участіе, выказанное княгинѣ В—ой въ Сибири простыми солдатами, вполнѣ возможно, вполнѣ въ духѣ нашего простолюдина, а потому и нельзя не повторить съ полнымъ сочувствіемъ слѣдующихъ словъ:

«Въ дорогѣ, въ изгнаньи, гдѣ я ни была,
«Все трудное каторги время,
«Народъ, я бодрѣе съ тобою несла
«Мое непосильное бремя.
. . . . . .
«Ты любишь несчастнаго, русскій народъ!
«Страданія насъ породнили.
. . . . . .
«Примите мой низкій поклонъ, бѣдняки,
«Спасибо вамъ всѣмъ посылаю,
«Спасибо!... Считали свой трудъ ни во что
«Для насъ эти люди простые,
«Но горечи въ чашу не подлилъ никто,
«Никто — изъ народа, родные!»

Съ «Русскими женщинами» нѣкоторую связь представляетъ другая Некрасовская поэма, написанная нѣсколько ранѣе, — поэма «Дѣдушка». Въ высшей степени счастливая мысль—въ этомъ со-

поставленіи стараго дѣда, т. е. стараго годами, но молодаго душой,—съ маленькимъ внукомъ, въ той трогательной дружбѣ, которая ихъ связываетъ. Въ высшей степени отрадное впечатлѣніе производитъ этотъ старикъ, нисколько не помятый годами, сочувствующій всему новому, свѣтлому, совершающемуся у него передъ глазами: въ этомъ новомъ онъ видитъ только осуществленіе того, къ чему самъ онъ стремился еще въ молодыя лѣта. Нашу литературу много обвиняли въ несочувствіи къ «отцамъ», въ стремленіи унизить ихъ передъ «дѣтьми»; но въ этой Некрасовской поэмѣ мы видимъ такое полное сочувствіе даже къ «дѣдамъ», послѣ котораго всѣ подобные упреки должны бы потерять силу. Дѣдушка, выведенный Некрасовымъ, съ самой искренней радостью привѣтствуетъ давно ожидаемую имъ эпоху освобожденія крестьянъ (онъ возвращается подъ самый конецъ крѣпостнаго времени), привѣтствуетъ и всякія другія перемѣны къ лучшему

„Зрѣлище бѣдствій народныхъ
Невыносимо, мой другъ;
Счастье умовъ благородныхъ—
Видѣть довольство вокругъ.
Нынче полегче народу:
Стихъ, притаился въ тѣни
Баринъ, прослышавъ свободу...
Ну, а какъ въ наши-то дни!“

Вотъ что говоритъ дѣдушка своему внучку. Далѣе онъ подробно ему объясняетъ, какъ тяжело было прежде крестьянину, какъ тяжело было прежде и солдату; намекаетъ и на послѣдствія той чрезмѣрной тяготы, которыя пришлось выносить народу.

Каждой странѣ наступаетъ
Рано иль поздно чередъ,
Гдѣ не покорность тупая,
Дружная сила нужна...
. . . . . .
Горе странѣ разоренной,
Горе странѣ отсталой!...
Войско одно не защита.
Да вѣдь и войско, дитя,
Было въ то время забито,
Лямку тянуло крехтя...»

А какъ хороши затѣмъ его пѣсни, съ воспоминаніями о прежнихъ боевыхъ подвигахъ и о жизни тамъ, вдали:

Пѣлъ онъ о славномъ походѣ

И о великой борьбѣ;
Пѣлъ о свободномъ народѣ
И о народѣ рабѣ;
Пѣлъ о пустыняхъ безлюдныхъ
И о желѣзныхъ цѣпяхъ;
Пѣлъ о красавицахъ чудныхъ
Съ ангельской лаской въ очахъ;
Пѣлъ онъ объ ихъ увяданьи
Въ дикой, далекой глуши
И о чудесномъ вліяньи
Любящей женской души...
О Трубецкой, о Волконской
Дѣдушка пѣлъ и вздыхалъ,
Пѣлъ — и тоской вавилонской
Келью свою оглашалъ...»

Не могу также не отмѣтить того, что онъ говоритъ о горсти раскольниковъ, отправленныхъ на житье въ Сибирь: ихъ предоставили самимъ себѣ, имъ дали землю, дали возможность управиться собственными своими силами,—и вотъ какую прекрасную картину народнаго довольства рисуетъ намъ юноша-старикъ:

«Какъ тамъ воздѣланы нивы,
«Какъ тамъ обильны стада!
«Высокорослы, красивы
«Жители, бодры всегда, —
«Видно, ведется копѣйка!
«Бабу тамъ холитъ мужикъ:
«Въ праздникъ у ней душегрѣйка —
«Изъ соболей воротникъ!»

Кое-гдѣ только и въ этой поэмѣ замѣтны кое-какія подробности лишнія, впадающія въ другой, нѣсколько изысканный тонъ, напр. омовеніе ногъ старика, совершаемое при его возвращеніи сыномъ, — оно слишкомъ отзывается чѣмъ-то библейскимъ, патріархальнымъ, также точно какъ и цѣлованіе возвращающимся родной земли. Можно бы также исключить нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, съ которыми дѣдъ обращается къ внуку; — напримѣръ, едва-ли вразумительное для ребенка наставленіе:

«Честью всегда дорожи!»

Но такіе незначительные недостатки не портятъ цѣлаго. Вообще нельзя не привѣтствовать съ самымъ полнымъ сочувствіемъ выхода нашего поэта на новую дорогу въ «Русскихъ женщинахъ» и въ «Дѣдушкѣ». То, что составляло его любимую тему— непосредственное описаніе страданій народа и вообще бѣдняковъ,—

уже имъ исчерпано, не потому, чтобы подобная тема сама по себѣ когда-либо могла быть вполнѣ исчерпана, а потому, что поэтъ нашъ сталъ какъ-то повторяться, когда принимается за эту тему. Дѣло объясняется, я полагаю, просто: чтобы, возвращаясь къ этой темѣ, не повторяться, надо продолжать очень близко стоять къ народу, надо постояннымъ общеніемъ съ нимъ поддерживать свѣжесть впечатлѣній. Извѣстно, что̀ стало случаться съ другимъ нашимъ славнымъ писателемъ—И. С. Тургеневымъ: съ тѣхъ поръ, какъ онъ долго живетъ за-границей, мы почти вовсе не видимъ новыхъ типовъ въ его произведеніяхъ;—чтобы создавать ихъ, нужно слѣдить за ихъ зарожденіемъ [1]). — Тоже болѣе или менѣе можно примѣнить и къ Некрасову. Чтобы, говоря о положеніи народа, не повторяться, недостаточно, сидя у себя въ кабинетѣ — только припоминать его себѣ такимъ, какимъ мы его когда-то знали. При отсутствіи живаго общенія съ тѣмъ, что воспроизводитъ художникъ, у него не можетъ не появиться нѣкоторая сдѣланность, его произведенія не могутъ не отзываться заказнымъ тономъ.

Въ концѣ прошлой лекціи я противопоставилъ Некрасова Байрону въ томъ смыслѣ, что, хотя скорбь развита у обоихъ въ сильнѣйшей степени, Байронъ не затрогивалъ скорби простаго народа, а Некрасовъ именно съ нею-то главнымъ образомъ и имѣетъ дѣло.

Но для того, чтобы эта народная скорбь выражалась у него съ прежнею силою, ему не слѣдовало-бы опускаться въ спокойное кресло своего кабинета. Между тѣмъ изъ поэтовъ Англіи выдаются нѣкоторые, вышедшіе изъ среды народа и сохранившіе съ нимъ связь до конца. Такимъ, напримѣръ, является во второй половинѣ прошлаго столѣтія Борнсъ, собственная доля котораго была до конца вполнѣ трудовая, полная скорби, несчастій, и который такъ-преждевременно умеръ вслѣдствіе этого. Съ другой стороны, мы видимъ тамъ человѣка, который родился въ бѣдности, хотя и не отъ простолюдиновъ; впослѣдствіи онъ составилъ себѣ хорошее положеніе, но обязанность сельскаго священника постоянно связывала его съ народомъ и вообще съ страдающими, а его рѣдкая благотворительность заставляла его еще болѣе, и уже вполнѣ добровольно, скрѣпить эту связь;—то былъ,

---

[1]) Исключеніе составляетъ развѣ «Пунинъ и Бабуринъ» въ «Вѣстникѣ Европы» за настоящій годъ. Но зато эта повѣсть, особливо къ концу, осталась какимъ то *наброскомъ*, — замысломъ чего-то новаго, но все-таки только *замысломъ*.

какъ вы, конечно, догадываетесь — Краббъ. И что же? У этихъ двухъ поэтовъ вы не найдете фальшивыхъ нотъ.

Съ другой же стороны, у нихъ замѣтна способность съ любовью останавливаться и на тѣхъ свѣтлыхъ лучахъ, которыми озаряется иногда народная жизнь. Ихъ тонъ и не исключительно скорбный, не исключительно поющій объ одной нуждѣ, объ однихъ лишеніяхъ, какъ мы видимъ это у Некрасова — преимущественно во 2-мъ періодѣ. Но и у насъ были поэты, непосредственно вышедшіе изъ народа и сохранившіе съ нимъ связь, — стоитъ только вспомнить Кольцова, Шевченко. У нихъ у обоихъ до конца все оставалось просто, все непосредственно выливалось изъ души, ничто не написано на заданную себѣ тему; у нихъ у обоихъ среди мрака, среди скорби, сгустившихся надъ народною жизнью, появляются, особенно у Кольцова — и лучи свѣта.

Мы видимъ у нашего поэта-прасола не однѣ только жалобы на нужду и семейный деспотизмъ, не одинъ разгулъ съ отчаянья; мы видимъ у него и свѣтлую удаль, и нѣжное чувство любви, и надежду съ вѣрой въ возможность лучшаго порядка вещей, видимъ наконецъ веселость въ самомъ процессѣ труда:

„Весело на пашнѣ —
Ну, тащися сивка!
Я самъ другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ,
Пашеньку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю;
Уроди мнѣ Боже,—
Хлѣбъ, мое богатство“.

Общій тонъ Шевченко конечно, болѣе скорбный. Крѣпостное право, деспотизмъ семейный, несчастная любовь при бѣдности,— все это любимыя его темы; но при-этомъ у него живо слышится и нѣжность чувства, вниканіе въ жизнь природы, стараніе ея красотами хотя сколько-нибудь отвести себѣ душу, наконецъ, хотя и полная опять грусти, но живая и теплая,—стало быть ободрительная, *свѣтлая* вѣра. Главными желучами свѣта являются у Шевченко воспоминанія историческія, величавое прошлое его Малороссіи:

«Было время—на Украйнѣ
Въ пляску шло и горе:
Какъ вина да меду вдоволь—
По колѣна море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь
Какъ-то легче станетъ сердцу,
Веселѣе взглянешь» [1]).

Присутствіе свѣтлой струи въ поэзіи людей, вышедшихъ изъ народа, совершенно понятно: тоже самое замѣчаемъ мы и въ настоящей народной поэзіи. Шевченко недаромъ, описывая своего кобзаря, говоритъ про него, что онъ

Самъ кручинится, а людямъ
Горе разгоняетъ [2]).

Недаромъ говоритъ онъ, что дума пѣвца облетаетъ весь міръ—

«И снова на небо—подальше отъ горя» [3]).

Послѣ этого мы не можемъ не сознаться, что то опредѣленіе пѣсни нашего народа, которое дѣлаетъ Некрасовъ въ концѣ своего стихотворенія «У параднаго подъѣзда»—оказывается слишкомъ односторонним. Сначала онъ говоритъ собственно о пѣснѣ бурлаковъ—

Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется,
То бурлаки идутъ бичевой.

И относительно ихъ пѣсень это опредѣленіе вѣрно. Но далѣе Некрасовъ обращается вообще къ русскому народу:

---

[1]) Этотъ прекрасный (хотя и не буквальный) переводъ г. Михайлова не уступитъ, мнѣ кажется, въ силѣ подлиннику:

Було колись—въ Украині
Лихо танцювало;
Журба въ шинку—медъ горілку
Поставцемъ кружала.
Було колись добре жити
Нашій Україно....
А згадаймо! може, сердце
Хоть трохи спочине.

(*Иванъ Підкова*).

[2]) Вінъ імъ тугу разгоняе,
Хочъ самъ світомъ нудить.

[3]) И знову на небо, бо на земли горе.

(*Перебендя Пер. Гербеля*).

Гдѣ народъ, тамъ и стонъ.
— Эхъ, сердечный!
Что же значитъ твой стонъ безконечный?
Ты проснешься, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинулся закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно навѣки почилъ!..

Но сводить все содержаніе русской народной поэзіи къ одному только стону невозможно: въ ней есть совершенно другія ноты,— въ ней есть широкая, могучая удаль,—во множествѣ пѣсенъ; въ ней есть идеалы силы, не покоряющейся ничему, кромѣ міра-народа—въ героическомъ эпосѣ; въ ней есть вѣра въ конечную правду, въ ея непремѣнное, рано или поздно настающее торжество—въ цѣломъ рядѣ сказокъ. Такая многосторонность болѣе или менѣе замѣтна въ устной поэзіи всякаго народа; и это совершенно понятно. Въ жизни народа такъ много горькаго, что ему необходимо усладить свою долю хотя бы въ воображеніи, внести какой-нибудь лучь свѣта въ окружающую его тьму;—вотъ онъ и свѣтится для него во многихъ произведеніяхъ его творчества. Еслибы и они оставались исключительно мрачными, еслибы и въ нихъ онъ постоянно только стоналъ, ему бы пришлось окончательно изнемочь подъ гнетомъ своего положенія. Поэты, непосредственно вышедшіе изъ народа и сохраняющіе съ нимъ связь, сохраняютъ и эту потребность *свѣта* въ своихъ созданіяхъ. Ее можно не ощущать только въ томъ случаѣ, если заживешься въ своемъ кабинетѣ, гдѣ и безъ того такъ свѣтло и тепло. Переносясь изъ него мечтой въ лачугу крестьянина, можно долго выдерживать въ стихахъ скорбный тонъ, обращающійся наконецъ въ поэтическую привычку. Въ такую привычку можетъ обратиться самое безвыходно-мрачное настроеніе, потому что на самомъ дѣлѣ *выходъ* вѣдь всегда есть... Стоитъ только прервать процессъ творчества, отдохнуть—возвратившись къ себѣ, къ дѣйствительной жизни, со всѣми ея удобствами и усладами. Вотъ психологическое объясненіе той односторонности и того однообразія, которыми нѣсколько страдаютъ произведенія нашего поэта—преимущественно позднѣйшія—сравнительно съ поэтами, стоящими ближе къ народу и сравнительно съ поэзіею самого народа.

Въ заключеніе я долженъ привести нѣсколько стихотвореній Некрасова, въ которыхъ нельзя не видѣть его самопризнанія; но при-этомъ я долженъ еще разъ напомнить о томъ, что, когда

поэтъ говоритъ отъ своего лица, говоритъ: *я*, слѣдуетъ читать — *мы*; видѣть въ его признаніяхъ только личную его исповѣдь мы не имѣемъ никакого права,—это вмѣстѣ съ тѣмъ исповѣдь всего общества, исповѣдь цѣлаго поколѣнія. Я разумѣю, во-первыхъ, стихотвореніе подъ названіемъ «Рыцарь на часъ», находящееся въ непосредственной связи съ стихотвореніемъ «Поэтъ и гражданинъ». Тамъ поэтъ на призывъ гражданина отвѣчаетъ смиреннымъ признаніемъ, что онъ считаетъ себя неспособнымъ на службу общественную—здѣсь мы видимъ цѣлую исповѣдь поэта, исповѣдь передъ тѣнью его матери, которая такъ часто, какъ мы уже знаемъ, и съ такою любовью упоминается у него. Но изъ-за этой матери какъ-бы виднѣется тутъ и другая мать—родина, и поэтъ нашъ кается передъ той и другой:

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О прости! то не пѣснь утѣшенія—
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый наставила путь.

Вспоминая о врагахъ, которые радуются пятнамъ на его совѣсти и указываютъ на нихъ рукою, поэтъ продолжаетъ:

Что враги? пусть клевещутъ язвительнѣй —
Я пощады у нихъ не прошу;
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
. . . . . .
Выводи на дорогу терпистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ

За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить...

Эти послѣдніе стихи напоминаютъ то Байроновское настроеніе, которое наконецъ довело великаго поэта до того, что онъ бросился въ борьбу за греческую независимость, чтобы этимъ загладить множество пятенъ, которое накопилось на немъ въ его короткую, но бурную жизнь. Но такое настроеніе въ стихотвореніи Некрасова является не на долго;— отсюда-то и заглавіе: «Рыцарь на часъ».

Все, что въ сердцѣ кипѣло, боролось,
Все лучъ блѣднаго утра спугнулъ,
И насмѣшливый внутренній голосъ
Злую пѣсню свою затянулъ:
„Покорись,—о, ничтожное племя!
Неизбѣжной и горькой судьбѣ,
Захватило васъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ.
Вы еще не въ могилѣ,—вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно,
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано".

Этому мучительному признанію можетъ быть противопоставлено то, что написано Некрасовымъ въ память такъ рано умершаго, близкаго къ нему отечественнаго писателя, отличавшагося другимъ закаломъ. Вотъ какъ обращается къ нему Некрасовъ:

Суровъ ты былъ, ты въ молодые годы
Умѣлъ разсудку страсти подчинять,
Училъ ты жить для славы, для свободы,
Но болѣе училъ ты умирать.
Сознательно мірскія наслажденья
Ты отвергалъ, ты чистоту хранилъ,
Ты жаждѣ сердца не далъ утоленья,
Какъ женщину, ты родину любилъ;
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдалъ ей; ты честныя сердца
Ей покорялъ...

Въ стихотвореніи, носящемъ названіе «Возвращеніе», поэтъ говоритъ опять отъ своего лица, или же отъ лица цѣлаго поколѣнія. Онъ возвращается на родину, въ тѣ грустныя мѣста, гдѣ онъ родился, и которыя когда-то такъ сильно на него дѣйство-

вали; но что-же? Онъ сознается, что связь между нимъ и родиной почти порвана:

И вѣтеръ мнѣ гудѣлъ неумолимо:
Зачѣмъ ты здѣсь, изгнѣженный поэтъ?
Чего отъ насъ ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты намъ чужой, тебѣ здѣсь дѣла нѣтъ!

Вотъ что слышится ему при этомъ напрасномъ возвратѣ!.. И самые, вслѣдъ затѣмъ, доносящіеся до него звуки родимой пѣсни только поднимаютъ въ его душѣ безплодныя угрызенія совѣсти:

И пѣсню я услышалъ въ отдаленьи;—
Знакомая, она была горька,
Звучало въ ней безсильное томленье,
Безсильная и вялая тоска.
Съ той пѣсней вновь въ душѣ зашевелилось,
О чемъ давно я позабылъ мечтать,
И проклялъ я то сердце, что смутилось
Передъ борьбой—и отступило вспять!

Съ окончательною ясностью мысль эта выражена въ стихахъ, которые называются — «Неизвѣстному другу, приславшему мнѣ стихотвореніе «Не можетъ быть». Поэтъ сначала оправдывается обстоятельствами:

На мнѣ года печальныхъ впечатлѣній
Оставили неизгладимый слѣдъ.
Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О родина, печальный твой поэтъ!
Какихъ преградъ не встрѣтилъ мимоходомъ
Съ своей угрюмой музой на пути.
За каплю крови общую съ народомъ
И малый трудъ въ заслугу мнѣ сочти!

Но вслѣдъ за оправданіями и указаньемъ своихъ заслугъ—вотъ и признанье въ винахъ:

Не торговалъ я лирой, но, бывало,
Когда грозилъ неумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала
Моя рука... Давно я одинокъ...

Это одиночество служитъ поэту опять оправданьемъ во многомъ:

Тѣ жребіемъ постигнуты жестокимъ,
А тѣ прешли уже земной предѣлъ...
За то, что я остался одинокимъ,

Что я, друзей теряя съ каждымъ годомъ,
Встрѣчалъ враговъ все больше на пути—
За каплю крови общую съ народомъ
Прости меня, о родина, прости!

Мы видѣли, что, описывая свое печальное «Возвращеніе», Некрасовъ устами этой родины называетъ себя «изнѣженнымъ поэтомъ»; въ концѣ стихотворенія, которое должно было, по возможности, оправдать его передъ укоряющимъ другомъ, онъ говоритъ, обращаясь къ своему народу:

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ,
И бросить хоть единый лучь сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ,
Но, *жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ*
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой *).

Тутъ уже прямо высказывается необходимость самопожертвованія, отреченья отъ жизненныхъ благъ. Но въ этомъ вѣдь слышенъ запросъ не на что иное, какъ на старый подвижническій идеалъ,—конечно, не съ той его стороны, которая когда-то заставляла людей удаляться въ пустыню для такъ-называемаго «спасенія *своей* души», но съ той его стороны, которая вѣчно должна заставлять насъ умѣть отказываться отъ личныхъ наслажденій—не ради тѣмъ-большихъ наслажденій въ будущемъ, а ради вѣрнѣйшаго служенія обществу. Да, ради его надо умѣть довести себя до того, чтобы всѣ приманки жизни: блескъ, роскошь, даже обыкновенныя, въ привычку обратившіяся, удобства могли быть поставлены ни во что, а цѣну для насъ сохранялъ только тотъ, никѣмъ неотъемлемый внутренній міръ, о которомъ еще въ отдаленнѣйшей древности сказалъ мудрый: «все мое я ношу съ собою». Да, и теперь, и впредь до скончанья вѣковъ только тотъ, кто съумѣетъ повторить это, т. е. оказаться закаленнымъ противъ всякихъ угрозъ и всякихъ искушеній, только тотъ и сможетъ стойко послужить правдѣ, вѣрно постоять за свою идею!

Повторяю еще разъ: въ стихахъ нашего поэта мы не имѣемъ ни малѣйшаго права видѣть исключительно его личную исповѣдь;— это исповѣдь цѣлаго поколѣнія. Но что касается мольбы поэта о прощеніи, то повторить ее за нимъ съ надеждою на услышаніе мо-

*) Курсивъ, какъ здѣсь, такъ и выше принадлежитъ мнѣ.

жетъ, конечно, не всякій изъ насъ. Право на это имѣютъ только тѣ, которымъ по совѣсти можно признать за собой хоть что-нибудь общее съ народомъ. Да, только они могутъ повторить съ поэтомъ:

„За каплю крови общую съ народомъ
Всѣ, всѣ вины *нами*, родина, прости".

ЛЕКЦІЯ IX.

Щедринъ. — Губернскіе Очерки. — Сатиры въ прозѣ. — Невинные разсказы.

Посвятивъ двѣ лекціи Некрасову, я старался въ нихъ откровенно выразить взглядъ свой на нашего первенствующаго поэта. Сопоставляя первый періодъ его поэтической дѣятельности со вторымъ, мнѣ приходилось во многихъ отношеніяхъ видѣть въ этомъ послѣднемъ повтореніе прежнихъ мотивовъ, при замѣтномъ ослабленіи поэтической силы, обнаруживающемся въ нѣкоторой искусственной напряженности, въ нѣкоторой, такъ-сказать, придуманности. Я старался, наконецъ, объяснить это ослабленіемъ связи между поэтомъ и народною жизнью. Послѣ всего, мною сказаннаго на основаніи многочисленныхъ выписокъ изъ поэта, каждый, мнѣ кажется, можно безъ особеннаго труда прійти къ заключенію о томъ, насколько правды заключается въ тѣхъ словахъ, которыми закончилъ свою статью о Некрасовѣ А. Григорьевъ: «великая, но попорченная народная сила, — эта муза мести и печали». Но мы видѣли въ концѣ лекціи, что въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ втораго періода Некрасовъ обращается къ новымъ предметамъ и обращается съ самымъ блестящимъ успѣхомъ. Мы видѣли его обращеніе къ недавнему прошлому въ «Русскихъ женщинахъ» и въ «Дѣдушкѣ»; мы любовались въ этихъ поэмахъ неослабленностью его поэтической силы, снова сказавшейся въ воспроизведеніи тѣхъ личностей прежняго поколѣнія, которыя пламенно желали того, что совершилось у насъ на глазахъ и до чего лишь немногіе изъ нихъ дожили: освобожденья крестьянъ и другихъ явленій современной эпохи преобразованій.

Съ другой стороны, во второмъ періодѣ у Некрасова болѣе развивается сатирическая струна. Она не могла не развиться именно подъ вліяніемъ этой эпохи, потому что каждая такая

эпоха, выдвигающая новыя задачи, вызываетъ для ихъ рѣшенія и новыхъ людей, вмѣсто нихъ же на вызовъ иногда откликаются люди прежніе, — «въ новые мѣха», какъ выражается Щедринъ, «вливается вино старое», и вотъ это-то противорѣчіе подаетъ поводъ къ смѣшному, вотъ отсюда-то и широкій просторъ для сатиры, этой непремѣнной спутницы всякой переходной поры. Какъ сатирикъ, Некрасовъ, какъ я уже замѣтилъ, затрогиваетъ многое, затрогиваемое и Щедринымъ, и мнѣ поэтому еще придется повременамъ возвращаться къ нему отъ сатиръ Щедрина.

Но у этого послѣдняго есть, съ другой стороны, нѣчто общее съ нашимъ поэтомъ, замѣчаемое преимущественно въ первомъ періодѣ Щедрина, томъ періодѣ, о которомъ и буду я говорить сегодня; я разумѣю теплое участіе Щедрина къ народной жизни, къ народному быту, порою доходящее въ этомъ первомъ періодѣ до настоящаго лиризма и обнаруживающее въ Щедринѣ пониманіе народа, иногда, можетъ быть, болѣе многостороннее, чѣмъ у Некрасова.

Къ этому періоду относятся прежде всего «Губернскіе Очерки», сразу обратившіе на себя вниманіе публики. Они находятся въ самой тѣсной связи съ Гоголевскими картинами провинціальной жизни; но Щедринъ въ значительной мѣрѣ раздвинулъ Гоголевскую рамку, включивъ въ свои «Губернскіе Очерки» также и личности изъ народа и посмотрѣвъ на нихъ не съ той только внѣшней стороны, съ какой смотрѣлъ на нихъ Гоголь, а съумѣвъ заглянуть имъ глубоко въ душу (въ этомъ отношеніи Щедринъ пошелъ по стопамъ другихъ писателей, появившихся послѣ Гоголя и въ этомъ смыслѣ далеко опередившихъ его). Остальные Щедринскіе типы представляютъ очень много общаго съ типами Гоголя, но они взяты изъ эпохи болѣе поздней, а потому и не могутъ не отличаться нѣкоторыми видоизмѣненіями. Хотя провинціальная наша жизнь развивалась медленно, но и въ провинцію отчасти уже заносилось вѣяніе кое-чего иного. Правда, пора, которую затрогиваетъ Щедринъ въ своихъ «Очеркахъ», это еще пора до-реформенная, — но это, такъ сказать, самый финалъ до-реформенной поры: провинція какъ будто-бы уже почуяла страхъ грядущихъ вдали реформъ, этихъ новыхъ, еще неизвѣданныхъ «ревизоровъ». Щедринъ въ своихъ «очеркахъ» пытается какъ-бы подвести окончательные итоги нашей провинціальной жизни, всего, что она приготовила или, лучше сказать—

что въ ней безсознательно накопилось къ началу этой знаменательной эпохи преобразованій.

Увы, оказалось, что итоги, подведенные Щедринымъ, не очень-то далеко ушли отъ Гоголевскихъ. Въ провинціальномъ мірѣ все еще не оказывается никакого понятія о человѣкѣ, *какъ человѣкѣ*; самъ по себѣ, какъ *личность*, онъ ничего не значитъ. Онъ получаетъ значеніе, и часто весьма большое, только смотря по тому, на какомъ онъ мѣстѣ сидитъ, или въ какомъ состояніи его карманъ;—вотъ единственныя два мѣрила достоинства человѣка; ловкость въ пролѣзаніи впередъ и въ составленіи себѣ фортуны, не зависящая ни отъ ума, ни отъ трудолюбія, а главнымъ образомъ отъ такъ-называемаго «усердія», вотъ единственно нужная добродѣтель. Во всѣхъ этихъ Фейерахъ, Живоглотахъ, Порфиріяхъ Петровичахъ и т. д. мы видимъ лишь нѣсколько подновленныхъ Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Держимордъ и Чичиковыхъ. Только одинъ изъ Гоголевскихъ типовъ является въ значительной степени подновленнымъ въ «Губернскихъ Очеркахъ». Типъ этотъ тутъ принимаетъ уже совершенно другой отпечатокъ,— его уже коснулось то вѣяніе, которое предвѣщало такъ много новаго, — оно именно коснулось Хлестаковскаго типа. Щедринъ понялъ въ широкомъ смыслѣ, что вносится въ провинціальную жизнь заѣзжимъ столичнымъ чиновничествомъ. Его представители у Щедрина не оказываются уже такими пустыми, какъ Хлестаковъ, только со страху и принятый за ревизора; у Щедринскихъ *заѣзжихъ* чиновниковъ уже есть содержаніе или, лучше сказать, начинка. Они плотно набиты разными взглядами, разными болѣе или менѣе благими намѣреніями, но они оказываются по большей части людьми неумѣлыми: Щедринъ такъ ихъ и называетъ въ особой главѣ. Одинъ человѣкъ стараго покроя, далеко не лишенный смысла, говоритъ у него объ одномъ изъ такихъ чиновниковъ:

«Живаго матеріалу они, сударь, не понимаютъ; имъ-бы все вотъ за книжкой, али еще пуще за разговорцемъ,—это ихнее поле; а какъ дойдетъ дѣло до того, чтобы пеньки считать,— у него вишь и ноженьки заболѣли!»

Кромѣ того, оказывается, что эти столичные просвѣтители провинціи, какъ замѣчаютъ люди стараго покроя, черезчуръ чистоплотны и брезгливы: «вишь ручки у тебя больно бѣлы, въ перчаткахъ ходишь, да носъ-отъ высоко задираешь,— ну и ходи въ перчаткахъ». Но это-бы еще ничего; а то нѣкоторые изъ этихъ людей въ своихъ бѣлыхъ перчаткахъ гнутъ преисправно въ дугу, перестраивая окружающее по своимъ кабинетнымъ соображеніямъ.

«Совсѣмъ не съ того конца начинаете, взываетъ къ нимъ тотъ-же старый провинціальный дѣлецъ. По верхамъ-то не лазій, а держись больше около земли, около земства-то. А то пріѣдетъ это весь какъ пушка заряженный, да и стрѣляетъ въ насъ своею честностью и благонамѣренностью. Ты благодѣтельствуй намъ — слова нѣтъ!—да въ мѣру, сударь, въ мѣру, а не то вѣдь намъ и тошно, пожалуй, будетъ. Ты вотъ лучше поотпусти маленько, дай дохнуть-то,—можетъ она и пошла-бы, машина-то!»...

Эта сторона новаго типа особенно развита въ главѣ «*Озорники*»,—т. е. сторона «ломающая».—Но представители ея связаны со старымъ провинціальнымъ поколѣніемъ нѣкоторыми практическими стремленіями, напримѣръ, стремленіемъ къ удовольствіямъ жизни; на практикѣ эти люди—эпикурейцы. При такой практикѣ въ соединеніи съ такою теоріей трудно обойтись безъ нѣкоторыхъ посторонникъ пособій,—взятокъ однако они не берутъ! «Моя обязанность» говоритъ одинъ изъ нихъ —«только исчислить статьи: гоньба тамъ что-ли, дорожная повинность, рекрутство..... Tout cela doit rapporter»,... Онъ только держится основнаго правила, что «достоинъ дѣлатель мзды своея»,—а они-ли еще не дѣлатели?!

«Оглянитесь кругомъ себя», говоритъ одинъ изъ нихъ, «все, что вы ни видите, все это плоды администраціи: областныя учрежденія—плодъ администраціи, община—плодъ администраціи, торговля—плодъ администраціи, фабричная промышленность—плодъ администраціи»....

И какую борьбу приходится выносить этой общей благодѣтельницѣ съ тупой массой, съ грубымъ мужичьемъ: «ils sont encore bien loin de pouvoir jouir des bienfaits de la civilisation»—говоритъ о народѣ одинъ изъ такихъ провинціальныхъ администраторовъ.

Но надворный совѣтникъ Щедринъ отъ этихъ просвѣтителей въ бѣлыхъ перчаткахъ обращается прямо къ этимъ простымъ людямъ, не дозрѣвшимъ до цивилизаціи. Онъ рѣшается даже прямо изъ губернскаго салона перевести насъ въ губернскій острогъ. Тутъ мы у него видимъ въ сущности тѣ-же черты, которыя развиты у Достоевскаго въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома». Оба они судили на основаніи опыта, только Достоевскій, конечно, могъ еще глубже судить, потому что дольше и ближе могъ наблюдать. Но у Щедрина эти сцены въ острогѣ имѣютъ особенное значеніе именно потому, что онъ переводитъ туда читателя прямо изъ губернскихъ салоновъ. Оказывается, что многіе попадаютъ въ острогъ просто по недоразумѣнію; другіе—вслѣдствіе преступленій, объясняемыхъ тою нравственною и умственной неразвитостью, при которой че-

ловѣкъ, долго забиваемый, можетъ вдругъ, въ одну минуту, потерять терпѣніе и дать просторъ своей силѣ уже безъ всякаго удержу. Возможность такого быстраго перехода человѣка неразвитаго и неблагопріятно-поставленнаго въ жизни къ величайшимъ преступленіямъ одинаково ясно показана у Достоевскаго и у Щедрина; но у послѣдняго особенно поражаетъ то, что усматриваемые имъ, какъ и Достоевскимъ, остатки человѣческихъ чувствъ въ этихъ людяхъ самымъ выгоднымъ для нихъ образомъ могутъ быть сопоставлены съ нравственными качествами Живоглотовъ, Фейеровъ и Порфиріевъ Петровичей... Въ этихъ послѣднихъ, которые такъ благополучно преуспѣваютъ на служебно-пріобрѣтательскомъ и просто пріобрѣтательскомъ попрощѣ (и всѣ пожимаютъ имъ руки, потому что они отличаются такою степенною благовидностью)—въ нихъ человѣческаго сохранилось гораздо менѣе. Подъ эгидою порядка, подъ красивой личиной благонамѣренности, люди эти систематически совершали такіе поступки, которые своею сплошною безнравственностью едва-ли не оставляли далеко за собою многихъ острожниковъ съ ихъ часто только случайными преступленіями. Итакъ, вотъ какое значеніе получаетъ у Щедрина этотъ переходъ съ читателемъ изъ салона въ острогъ.

Въ числѣ острожнаго населенія попадаются у него и люди «стараго благочестія»; Щедринъ посвящаетъ имъ даже особыя главы. Въ этихъ главахъ много интереснаго, но время не позволяетъ на нихъ останавливаться. Замѣчу только мимоходомъ, что, по отношенію къ этому предмету, наши писатели часто забываютъ о безотвѣтности тѣхъ людей, которыхъ они тутъ выводятъ на сцену. Людямъ «стараго благочестія» было-бы трудно открыто и всенародно имъ отвѣчать. Изъ ряда другихъ писателей о расколѣ выдѣляется Печерскій, который смотритъ на дѣло—не съ одной только стороны *). Что касается Щедрина, то онъ выставляетъ множество безнравственныхъ явленій, внѣдрившихся въ жизнь людей «стараго благочестія»,—но тутъ мы находимъ у него одинъ реализмъ, не обнаруживающій причинъ, не объясняющій—откуда все это взялось; къ тому-же упускаются изъ виду сочувственныя бытовыя черты, которыя несомнѣнно встрѣчаются въ той-же раскольничьей средѣ.

Щедринъ затѣмъ переходитъ прямо къ народной массѣ и выдѣляетъ изъ нея цѣлый рядъ своеобразныхъ личностей—въ главѣ:

*) Выше говорено объ этомъ по поводу его разсказа: «Въ лѣсахъ».

«Богогомольцы и странники». Особенно ярко обрисована у него личность отставнаго солдата Пименова, который заканчиваетъ свою жизнь, совершая не первое уже путешествіе къ святымъ мѣстамъ. Какъ сочувственно отличается эта личность, напримѣръ, отъ того писаря, который такъ пошло смѣется надъ невѣжествомъ Пименова! Но отставной солдатъ Щедрина не менѣе рѣзко отличается и отъ всѣхъ вообще представителей провинціальнаго «образованнаго» класса—тѣмъ, что у него мы видимъ цѣлое, вполнѣ сложившееся, хотя и простодушное, міросозерцаніе, тогда какъ у нихъ, по вѣрному замѣчанію Добролюбова, мы въ сущности не находимъ никакихъ основныхъ воззрѣній. Своеобразное міросозерцаніе Пименова сложилось изъ особыхъ условій народной жизни,—составляя какъ-бы ея особаго рода идеализацію. Въ томъ, что составляетъ на самомъ дѣлѣ тяготу этой жизни, народъ готовъ видѣть ея преимущество. Мы знаемъ, что народъ бѣденъ, но эта-то самая бѣдность и является съ извѣстной точки зрѣнія большимъ преимуществомъ,—заслугою передъ Богомъ. Народъ и въ другомъ смыслѣ бѣденъ—онъ нищъ духомъ, — но это опять только новое преимущество: именно нищихъ духомъ и возвеличиваетъ Господь, имъ-то и открываетъ онъ то, что скрыто имъ отъ мудрыхъ. Народъ сознаетъ и то, какъ легко онъ доходитъ до преступленія; но даже и въ этомъ готовъ онъ найти едвали опять не существенное преимущество. Люди, впадающіе въ преступленія,—они вѣдь «несчастные», а такихъ несчастныхъ особенно взыскиваетъ Божіе милосердіе: стоитъ только покаяться—и изъ преступниковъ они могутъ съ тою-же быстротой, съ какою дошли они до этого состоянія, обратиться въ подвижниковъ. «Извѣстно, что наказаніе разбойнику слѣдуетъ,—говоритъ Пименовъ,—однако, если человѣкъ самъ свое прежнее непотребство возчувствовалъ, такъ наврядъ и палачъ его столько наказать можетъ, сколько онъ самъ себя изнуритъ и накажетъ. Наказаніе, ваше благородіе, не спасаетъ, а собственная своя воля спасаетъ».

Едвали-бы что-нибудь подобное была въ состояніи высказать провинціальная важная дама, Дарья Михайловна, для прохода которой расталкиваютъ толпу въ церкви,—или-же тотъ, весь ушедшій въ свой туго набитый карманъ, откупщикъ Хрептюгинъ, для серебренаго самовара, котораго отнимаютъ воду у бѣдныхъ странницъ, раздѣляющихъ воззрѣніе Пименова. Если у г. Хрептюгина и есть какое-нибудь міросозерцаніе, то оно состоитъ развѣ въ томъ, что онъ, со своими милліонами, могъ-бы взять на откупъ и царство небесное; такъ точно какъ если у генеральши Дарьи

Михайловны и есть какая-нибудь религіозность, то она состоитъ развѣ въ томъ, чтобы по праздникамъ, въ самомъ модномъ своемъ нарядѣ, дѣлать форменные визиты Господу Богу! На такого рода различіе въ понятіяхъ губернскихъ тузовъ съ одной, и простыхъ богомольцевъ съ другой стороны первый обратилъ вниманіе Добролюбовъ въ своей статьѣ о «Губернскихъ Очеркахъ». Вспомнимъ, что̀ онъ говоритъ вообще объ отношеніи Щедрина къ народу:

«Сочувствіе къ неиспорченному простому классу народа, какъ и ко всему свѣжему, здоровому въ Россіи, выражается у Щедрина чрезвычайно живо... Мы думаемъ, что самый эстетическій, самый восторженный человѣкъ можетъ отдохнуть на общей картинѣ богомольцевъ и странниковъ, ожидающихъ на соборной площади появленія святыхъ иконъ. Тутъ нѣтъ сентиментальничанья и ложной идеализаціи: народъ является, какъ есть, со своими недостатками, грубостью, неразвитостью..... Какъ ровно, безпорывисто, но зато какъ беззавѣтно, просто и открыто выражается глубокое чувство, глубокая вѣра этого народа, и выражается не въ восклицаніяхъ, а на дѣлѣ..... Масса.... не любитъ много говорить, не щеголяетъ своими страданіями и печалями и часто даже сама ихъ не понимаетъ хорошенько. Но ужъ зато если пойметъ что-нибудь этотъ «міръ» толковый и дѣльный, если скажетъ свое простое, изъ жизни вышедшее слово, то крѣпко будетъ его слово, и сдѣлаетъ онъ, что̀ обѣщалъ».

Говоря это, Добролюбовъ противополагалъ людей изъ народа,— не мастеровъ на *слова̀*,—тѣмъ людямъ, у которыхъ все состоитъ въ одномъ говореніи, въ одномъ сплетеніи красивыхъ фразъ — съ цѣлью нарисоваться. Такіе люди *слова*, а не *дѣла* являются у Щедрина въ особой главѣ, озаглавленной «*Талантливыя натуры*»; но всѣ эти Лузгины, Корепановы, Горехвастовы, — все это только видоизмѣненіе уже не разъ намъ встрѣчавшагося типа *лишнихъ людей*; это тѣ-же Гамлеты Щигровскаго уѣзда, Рудины и Обломовы,— Обломовы въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ понималъ этотъ типъ тотъ-же критикъ. Щедринъ называетъ ихъ людьми *талантливыми*, но вся ихъ талантливость состоитъ въ томъ, что они стремятся къ широкимъ задачамъ, — эта талантливость главнымъ образомъ существуетъ въ ихъ воображеніи. Они рвутся къ чему-то высокому, но въ результатѣ оказывается, что, не будучи въ силахъ достигнуть его и гнушаясь близкимъ и малымъ, они въ концѣ концовъ ничего не дѣлаютъ или впадаютъ въ безобразный разгулъ. Эти талантливыя натуры, выведенныя Щедринымъ, подробно разобраны Добролюбовымъ, а потому мнѣ и не

зачѣмъ на нихъ останавливаться; но почему этотъ типъ такъ часто появляется у нашихъ писателей? Многіе объясняли его (а вмѣстѣ съ другими и я) той—*барской средой*, въ которой выросли эти господа и которая, не пріучивъ ихъ къ работѣ, заставляетъ ихъ отлынивать отъ прямаго дѣла ради воображаемаго. Но однимъ этимъ нельзя всего объяснить, тѣмъ болѣе, что такъ-называемыя *талантливыя натуры*—онѣ-же и *лишніе люди*,—выходятъ и не изъ барской среды. Не объясняются-ли онѣ отчасти и той широтой нашей натуры, о которой такъ много было говорено, но которая остается чѣмъ-то неопредѣленнымъ? Можетъ быть нѣкоторые изъ этихъ людей дѣйствительно потому облѣниваются или прокучиваются, что имъ-бы хотѣлось дѣйствовать на широкомъ просторѣ, а жизнь ихъ связываетъ по рукамъ и по ногамъ?

Въ упомянутомъ мною выше произведеніи Печерскаго — «Въ лѣсахъ», мы видѣли удовлетворительное объясненіе стараго историческаго явленія — перехода въ казачество столькихъ людей изъ народа: не свыкаясь со стѣсненіями позднѣйшей поры, они видѣли въ казацкомъ житьѣ-бытьѣ вѣрное убѣжище для своихъ свободныхъ привычекъ. Не уходятъ-ли и наши новѣйшія *талантливыя натуры*, за неимѣніемъ уже на лицо готовой свободной среды, въ воображаемую, подъ вліяньемъ присущаго, можетъ быть, нашей природѣ желанія развернуться пошире; но, усматривая наконецъ безплодность своей мечтательной дѣятельности, впадаютъ въ разгулъ или въ праздность—съ отчаянія? Но у насъ однакоже наступила пора, приближеніе которой только чувствуется въ «Губернскихъ Очеркахъ», и уже осязательно проявляется въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Щедрина,—пора преобразованій, и вотъ тутъ-то, казалось-бы, этимъ широкимъ натурамъ представлялась возможность проявить свои силы. Но что-же мы видимъ у Щедрина? Выставляетъ-ли онъ свои *талантливыя натуры* принимающимися за ту болѣе или менѣе широкую дѣятельность, которая стала въ эту эпоху возможною до извѣстной степени? Нѣтъ, онъ не перенесъ этого типа изъ «Губернскихъ Очерковъ» въ свои позднѣйшія произведенія, стало быть не нашелъ возможности выставить его въ обновленномъ видѣ. Мало того, въ своихъ «Сатирахъ въ прозѣ» онъ даже прямо говоритъ: «мнѣ всегда казалось, что истиннымъ насадителемъ конфуза былъ почтенный нашъ писатель И. С. Тургеневъ, который еще въ сороковыхъ годахъ предрекалъ его господство своими Рудиными и Гамлетами Щигровскаго уѣзда». Подъ «конфузомъ», какъ извѣстно, у Щедрина разумѣется извѣстная сторона нашей эпохи возрожденія: она *сконфузила* многихъ, рѣ-

шительно неготовыхъ къ ней, застигнутыхъ ею въ-расплохъ. И эта-то эпоха конфуза, по мнѣнію Щедрина, была предсказана Тургеневымъ, предвѣстниками конфуза являлись Рудины и Гамлеты Щигровскаго уѣзда, т. е. Щедринъ находитъ, что и подобнымъ талантливымъ натурамъ пришлось бы *сконфузиться*, на настоящее дѣло ихъ-бы никакъ не хватило.

Но мы должны вообще обратить вниманіе на дальнѣйшія отношенія Щедрина къ эпохѣ нашего возрожденія, въ которой Щедринъ главнымъ образомъ видитъ именно только *конфузъ*. Конечно, какъ сатирикъ, онъ имѣетъ право налегать преимущественно на уродливыя стороны современныхъ явленій. Но едвали и сатирику позволительно почти вовсе не видѣть другой стороны, — не замѣчать того, что многое однако-же у насъ принялось, стало быть не было-же у насъ окончательнаго безлюдья. Между тѣмъ Щедринъ исключительно занятъ тѣмъ, что «глуповцамъ» вдругъ пришлось превращаться въ «умновцевъ», — а это, разумѣется, трудно. Зато *эта* именно сторона эпохи нашего возрожденія выставлена имъ мастерски. Какъ смѣшонъ у него конфузъ, сказавшійся въ помѣщичьемъ классѣ. Озабоченные крѣпостники вывѣдывали, узнавали, дѣйствительно-ли вѣренъ слухъ, скоро-ли это будетъ? «Ну, да не скоро, — Улита ѣдетъ, когда-то будетъ», утѣшали они себя. Улита однако-же пріѣхала и конфузъ сдѣлался окончательнымъ. Госпожѣ Падейковой (Сатиры въ прозѣ) съ одной стороны, Кондратію Трифоновичу (Невинные разсказы) съ другой—представляется, что окружающіе ихъ слуги и служанки уже чуютъ пріѣздъ Улиты и потому на каждомъ шагу дѣлаютъ имъ непріятныя демонстраціи. Но Кондратій Трифоновичъ находитъ въ этомъ нѣкоторое препровожденіе времени, это нѣсколько наполняетъ обычную пустоту его барскаго житья сложа руки.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочиталъ въ газетѣ, что есть на свѣтѣ какой-то «сословный антагонизмъ», эта мысль не даетъ ему покоя. «Онъ вообразилъ себѣ, что онъ одна сторона, а слуга его — другая, и что они должны бороться». «Съ тѣхъ поръ, какъ завелось превосходство вольнонаемнаго труда надъ обязательнымъ, съ тѣхъ поръ, какъ съ другой стороны опекунскій совѣтъ заперъ свои гостепріимныя двери,—глуповскія весп уныли и запустѣли». Идея антагонизма ихъ нѣсколько подняла, разбудила. Вскорѣ затѣмъ они нашли и другой, болѣе широкій жизненный интересъ,— пошли толки объ англійскомъ «Selfgovernment», а затѣмъ—о возможности соединить его съ «libre initiative des poméschiks». «Въ этомъ видѣли вознагражденіе за свои утраты. Вотъ какимъ благо-

пріятнымъ образомъ наконецъ разрѣшился конфузъ въ помѣщичьей сферѣ. Но не менѣе ясно сказался онъ и въ другой, — въ сферѣ городничихъ и другихъ имъ подобныхъ служебныхъ лицъ. Долгъ службы, разсчетъ на награды заставилъ всѣхъ этихъ людей, почуявшихъ въ воздухѣ новое вѣяніе, выставить себя съ либерально-преобразовательской стороны; этимъ можно было выслужиться, за это можно было получить награду. И вотъ различные глуповскіе городничіе и исправники начинаютъ прикидываться передовыми людьми. Вслѣдствіе этого совершается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ возрожденіе гоголевскаго Хлестакова. «Россіяне, говоритъ Щедринъ, такъ изолгались въ какіе-нибудь пять лѣтъ времени, что рѣшительно ничего нельзя было понять въ этой всеобщей хлестаковщинѣ». Но новымъ Хлестаковымъ по-временамъ однакоже становилось жутко, — трудно было выдерживать непривычную для нихъ роль. «Ma chère», не разъ говаривалъ генералъ Зубатовъ своей супругѣ, «это возрожденіе—чортъ его знаетъ, что это такое!—«Pourvu que tu conserves ta place, mon ami»,—благодушно и успокоительно отвѣтствовала ему Анна Ивановна. Но для сбереженія себѣ мѣста нужно было продолжать такимъ образомъ хлестаковствовать! Щедринъ разсказываетъ объ этомъ подробно въ особомъ разсказѣ: «Генералъ Зубатовъ» (Невинные разсказы). Этотъ почтенный администраторъ, строя различные проэкты для благоденствія своего города, сходитъ на нихъ съ ума. Другіе напротивъ выходятъ изъ конфуза такъ-же благополучно, какъ и помѣщики. Они догадываются, что прежде всего «нужно поспѣшить заявленіемъ своей готовности, а потомъ... а потомъ можно будетъ оставить все попрежнему». И вотъ, слѣдя за «Губернскими очерками», за «Сатирами въ прозѣ» и за «Невинными разсказами», мы все болѣе и болѣе убѣждаемся въ томъ, что глуповскіе заправщики окончательно успокаиваются и торжественно поютъ хоромъ—«возродимся! возродимся!» Но рѣчи либеральнаго свойства говорятся ими попрежнему, только въ хвостикѣ появляются слова въ родѣ: постепенность, осторожность (ими же оканчиваются и нѣкоторые куплеты некрасовскихъ «Пѣсень о свободномъ словѣ»), такъ-что кончикъ рѣчи уничтожаетъ ея начало, а говорить продолжаютъ, и говорятъ долго. Говорятъ смѣло и либерально даже Ноздревы! «Ты-ли это, mon cher, — спрашиваетъ надворный совѣтникъ Щедринъ одного изъ нихъ; если это ты, то почему ты смотришь такимъ Лафайэтомъ?..... Или, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, тебѣ выгоднѣе быть Лафайэтомъ, нежели прежнимъ сорви-головой Ноздревымъ?» Но далѣе является и объясненіе: «всѣ эти ре-

кламы либерализма не больше, какъ прыщи, которыми разрѣшилось долго сдерживаемое умственное глуповское худосочіе». Итакъ, заведенная разъ либеральная *говорильня* продолжаетъ дѣйствовать. «Нѣтъ возможности», замѣчаетъ Щедринъ, «предпринять самое простое дѣйствіе — сшить себѣ новое платье, купить фунтъ икры и т. п., чтобы дѣйствія этого не подсмотрѣлъ мѣстный бардъ и тутъ-же безцеремонно не выразилъ, что «чѣмъ икру-то пожирать, лучше-бы эти деньги на воскресную школу пожертвовать».

Но не замѣчаете-ли вы, что тутъ уже тонъ Щедрина начинаетъ переходить въ тотъ тонъ, который мы слышали во «Взбаломученномъ морѣ», или даже въ «Некуда»? Однакоже далѣе нашъ сатирикъ обнаруживаетъ отличіе своего взгляда, успокоивая, кого слѣдуетъ, тѣмъ, что эти либеральныя говорильни совершенно благонамѣренны. Говорить разрѣшено,— отсюда умозаключеніе: говорить велѣно. Сущность взгляда, выраженнаго въ «Сатирахъ въ прозѣ» и въ «Невинныхъ разсказахъ», та, что преобразованія вдругъ какъ-будто упали къ намъ съ неба, что общество было застигнуто ими въ-расплохъ, а отсюда и либеральная ложь. — Л. Толстой, въ своей хроникѣ «Война и миръ» выставляетъ насъ неготовыми къ великимъ событіямъ 12-го года. Щедринъ обнаруживаетъ такую-же нашу неподготовленность въ другую замѣчательную эпоху, — въ ту эпоху, когда мы, послѣ несчастной восточной войны, почувствовали, что многое должно быть у насъ перестроено. Но Толстой въ своей хроникѣ, — можно принимать его объясненіе или нѣтъ, — по-своему умѣлъ показать, что̀ однакоже вывезло насъ въ 12-мъ году. Щедринъ въ тѣхъ произведеніяхъ, о которыхъ я теперь говорю, какъ-бы вовсе не обращаетъ вниманія на то, что великія преобразованія: крестьянское, земское и судебное однакоже совершились, что многое принялось,—такъ-ли прочно, какъ надо, другой вопросъ!—но все-таки принялось: значитъ могло привяться, значитъ—были-же у насъ кое-какіе дѣятели. Эту дѣльную сторону нашего возрожденія онъ оставляетъ почти безъ вниманія, опредѣляя эту эпоху однимъ «конфузомъ». Но въ такомъ случаѣ нельзя не сознаться, что сатира у него получаетъ характеръ просто трагическій. Если въ самомъ дѣлѣ у насъ оказалась такая окончательная несостоятельность, то есть чего ужаснуться! Послѣ этого странною представляется статья Писарева о Щедринѣ, носящая названіе: «Цвѣты невиннаго юмора». Въ этой статьѣ, какъ видно уже по заглавію, сатира Щедрина характеризуется какъ *смѣхъ ради смѣха*. Критикъ въ пылу увлеченія до-

ходитъ дотого, что совѣтуетъ Щедрину совершенно бросить сатиру и сдѣлаться популяризаторомъ естествознанія. Но какъ это ни странно, въ той-же самой статьѣ Писарева встрѣчается одно чрезвычайно вѣрное и глубокое замѣчаніе по поводу одного мѣста въ Щедринскихъ «Сатирахъ въ прозѣ», а именно того эпизода изъ политической исторіи Глупова, когда его осчастливливаетъ посѣщеніе благодѣтельной богини Минервы:

«Созвала Минерва вѣрныхъ своихъ глуповцевъ: «скажите дескать мнѣ, какая это крѣпкая дума въ васъ засѣла?» Но глуповцы кланялись и потѣли; самый, что называется, горланъ ихній хотѣлъ было сказать, что глуповцы головой скорбны, но не осмѣлился, а только взопрѣлъ пуще прочихъ. «Скажите, что-жъ вы желали-бы?» настаивала Минерва, но глуповцы продолжали кланяться и потѣть. Тогда, Богъ вѣсть откуда, раздался голосъ, который во всеуслышаніе произнесъ: «лихо-бы теперь соснуть было!» Минерва милостиво улыбнулась; даже глуповцы не выдержали и засмѣялись тѣмъ нутрянымъ смѣхомъ, которымъ долженъ смѣяться Иванушка-дурачекъ, когда ему кукишъ показываютъ. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросами».

Критикъ совершенно вѣрно, какъ я понимаю, выводитъ изъ этой сказочки Щедрина особую философію исторіи, популярно имъ изложенную. Эта щедринская философія исторіи, по мнѣнію критика, приводится къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ: «1) вся мудрость заключалась въ головѣ Минервы, а глуповцы всегда умѣли только потѣть, кланяться и смѣяться нутрянымъ смѣхомъ... 2) Минерва отличалась безконечною благостью и отъ души готова была даровать глуповцамъ рѣшительно все, чего-бы они ни попросили, и, слѣдовательно, глуповцы сами во всемъ виноваты».

Съ такой философіей исторіи, нельзя не сознаться, можно зайти въ препорядочную глушь. По другой философіи исторіи дѣло можетъ представиться совершено иначе. Она можетъ быть приблизительно выражена слѣдующей сказочкой.

Минерва обратилась къ глуповцамъ, разсчитывая на то, что они окончательно *глуповцы*; но глуповцы могли оказаться болѣе *умновцами*, чѣмъ она предполагала, они могли найтись сказать, что имъ нужно; потому что въ самомъ дѣлѣ нужно быть уже очень глупыми, чтобы вовсе не понимать этого. Минерва увидѣла, что она ошиблась въ глуповцахъ, и, руководимая своей миѳологической завистью къ людскому благополучію (извѣстно, что боги древнихъ отличались подобнаго рода завистью, не охотно что-либо удѣляли людямъ), могла отказать имъ въ удовлетвореніи ихъ же-

ланія: «слишкомъ, молъ, многаго захотѣли!» Я не настаиваю на такой философіи исторіи, но думаю, что слишкомъ много говорить о сплошной глупости того идеальнаго города, который рисуетъ Щедринъ, едвали полезно. Вѣдь это можетъ, пожалуй, привести къ выводу: «да не махнуть-ли рукой на Глуповъ?» А при такомъ выводѣ, всякаго, кто бы захотѣлъ что̀-нибудь сочинить въ пользу Глупова, пришлось бы остановить: «полно тебѣ попусту хлопотать—поставь поскорѣе точку!»

Съ огульнымъ осужденіемъ цѣлаго Глупова трудно какъ-то помирить у Щедрина нѣкоторыя теплыя страницы, попадающіяся въ «Невинныхъ разсказахъ». Тутъ онъ, между прочимъ, обращается къ глуповскимъ Иванушкамъ (понимая подъ ними личности изъ *народа*). Надо замѣтить, что эти теплые разсказы вовсе не оцѣнены Писаревымъ; напротивъ, они имъ осмѣяны. Этой участи не избѣгъ и прелестный разсказъ «Миша и Ваня», въ которомъ съ такою глубокою психологическою правдою выставлены два мальчика, доведенные до отчаянія обращеніемъ съ ними помѣщицы. Писаревъ находилъ излишнимъ нападать на то, что̀ уже было упразднено (разсказъ написанъ всего два года спустя послѣ 19 февраля 1861 г.); но онъ забылъ, что слѣды крѣпостнаго права еще оставались, да и теперь еще остаются въ нашихъ *нравахъ*. На всякаго, приступающаго къ чтенію этого разсказа безъ заранѣе составившагося взгляда, самое сильное дѣйствіе производитъ мастерское описаніе психическаго состоянія этихъ двухъ мальчиковъ, которые одни, далеко за-полночь, ждутъ возвращенія съ балу своей злой барыни: воображеніе все болѣе и болѣе разыгрывается у нихъ, особливо у одного, одареннаго артистическимъ темперамэнтомъ, и мало-по-малу приводитъ *дѣтей* къ вопросу о томъ, какую смерть выбрать? Впрочемъ, какую ни выбирай, а исходъ одинъ: «бить не будутъ! Возьмутъ твою душу ангелы и понесутъ къ престолу Божьему!—А Богъ—ничего?—А Богъ спроситъ: зачѣмъ вы, рабы божіи, предѣла не дождались? Зачѣмъ, скажетъ, вы смертную муку безо времени приняли? А мы ему все и скажемъ!...» Странное дѣло! Писаревъ находитъ эту тему устарѣлою. А развѣ газеты не приносятъ намъ и теперь извѣстій о самоубійствѣ дѣтей? Такъ не значитъ-ли это, что и безъ крѣпостнаго права возможно для нихъ положеніе, — ну, какое же? Да ужъ, разумѣется, не хорошее, если и тепершнимъ дѣтямъ, какъ Мишѣ и Ванѣ у Щедрина, приходитъ охота рѣзаться или топиться. Крѣпостнаго права уже нѣтъ, но есть *нужда*, есть... мало ли что̀ еще, дѣлающее человѣка чуть-чуть что не крѣпостнымъ. Писаревъ, можетъ быть,

правъ только относительно двухъ заключительныхъ обращеній Щедрина—къ барынѣ Миши и Вани и къ «землѣ-матери»: въ этихъ обращеніяхъ, особливо въ послѣднемъ, дѣйствительно нѣсколько проглядываетъ реторика. Въ цѣломъ же, разсказъ проникнутъ самою неподдѣльною теплотой. Тѣмъ же отличается въ той же книгѣ и другой разсказъ — «Святочный», въ которомъ выводится только-что попавшій въ рекруты Петруня (онъ напоминаетъ Матюшу въ губернскихъ очеркахъ), въ послѣдній разъ справляющій праздничный рождественскій пиръ въ своей семьѣ. Здѣсь рѣшительно не узнаешь сатирика,—онъ исчезаетъ въ разсказѣ, исполненномъ такого нѣжнаго участія къ семейному горю этихъ простыхъ людей; сатиризмъ, повидимому, снова сказывается при появленіи на сцену, въ видѣ контраста, шутника Абессаломова, но и тутъ самъ авторъ намъ говоритъ: «Несмотря на грубо-комическій колоритъ разсказа (т. е. разсказа Абессаломова), видно было, что весь тонъ его фальшивый и что за нимъ слышится нѣчто до того похожее на страданіе, что невозможно и непозволительно было увлечься этою мнимою веселостью... День мой былъ окончательно испорченъ.»

Въ «Развеселомъ житьѣ» Щедринъ съ участіемъ рисуетъ картину жизни бѣглыхъ людей (въ кругъ которыхъ долженъ попасть и Петруня) и рисуетъ такъ, что изъ этого мы можемъ вывести заключеніе противъ самого Щедрина, заключеніе такого рода, что не всѣ глуповцы — «Иванушки», что не всѣ они «смирные»,—есть между ними и «хищные» (я опять употребляю терминологію Ап. Григорьева). Съ такими разсказами трудно примирить то, что̀ говоритъ Щедринъ о какомъ-то сплошномъ отупѣніи, сплошномъ молчаніи всего Глупова. А какое сочувствіе народу слышится въ слѣдующихъ словахъ Щедрина въ концѣ разсказа о рекрутѣ Петрунѣ: «Казалось бы, что̀ общаго между мной и этой случайно встрѣченной мною семьей; какое тайное звено можетъ соединить насъ другъ съ другомъ? И между тѣмъ я несомнѣнно сознавалъ присутствіе этой связи, я несомнѣнно ощущалъ, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для меня самого, пріобщаетъ меня къ первоначальнымъ и вѣчно бьющимъ источникамъ народной жизни.» Какъ примирить подобное мѣсто съ тѣми мѣстами въ «Сатирахъ въ прозѣ», гдѣ *меньшіе* глуповцы являются «Иванушками», т. е. очевидно «Иванушками-*дурачками*»,— гдѣ говорится съ такой жолчью объ этой «грубой *толпѣ*, которая изъ-за куска насущнаго хлѣба потѣла и выбивалась изъ силъ, вскидывая вилами навозъ на телѣги и потомъ раскидывая его по

полямъ?» Или, можетъ быть, слово «Глуповъ» не слѣдуетъ принимать въ такомъ значеніи, какъ его принимаютъ многіе? можетъ быть, это просто какая-нибудь провинціальная глушь, или просто нѣсколько провинціальныхъ мѣстъ, сведенныхъ въ одно? А «Исторія одного города»? Ее, къ сожалѣнію, никакъ уже нельзя отнести къ одному какому-нибудь глухому мѣсту; она, очевидно, претендуетъ на значенье весьма широкое. Но «Исторія одного города» у насъ еще впереди; она принадлежитъ ко второму періоду щедринской сатиры. Въ этомъ второмъ періодѣ, къ которому перейду я въ слѣдующій разъ, мы увидимъ у него сатирическое воспроизведеніе той поры, когда различнаго рода Зубатовы и имъ подобные стали употреблять удесятеренныя усилія, чтобы возродить въ новомъ видѣ прежнія времена. Этотъ второй періодъ, безъ сомнѣнія, самый важный у Щедрина, какъ сатирика; въ первомъ періодѣ у него особенно хороши очерки изъ народнаго быта; а если имѣть въ виду собственно сатирическую сторону, то нельзя окончательно не сказать, что тутъ слишкомъ большое значеніе придается «конфузу», если сатирикъ дѣйствительно думаетъ обнять этимъ терминомъ главныя явленія эпохи нашего *возрожденія*.

Некрасовъ, въ одномъ изъ своихъ произведеній послѣдней поры, отнесся къ этой эпохѣ глубже, многостороннѣе. Я разумѣю стихотвореніе «Недавнее время», относящееся къ 1871 году. Вспомните, какъ онъ обращается тутъ къ этому недавнему прошлому:

„Благодатное время надеждъ!
Да, прошедшимъ и ты уже стало!
Къ удовольствію дикихъ невѣждъ
Ты обѣтовъ своихъ не сдержало“.

Подъ вліяніемъ скорби о томъ, что не всѣ обѣты сдержаны, тутъ и Некрасовъ какъ-бы готовъ впасть въ безнадежный тонъ Щедрина, какъ-будто позабывая, что многаго изъ *прежней*, давнишней поры назадъ уже все-таки не вернуть никакими усиліями невѣждъ. Зато далѣе поэтъ возвращается къ сочувственной сторонѣ той недавней поры:

„Но шумя и куда-то спѣша
И какъ-будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
. . . . . .
Какъ невольникъ, покинувъ тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхаетъ

И, не вѣря себѣ самому,
Богатырскую мощь ощущаетъ,—
Ты казалась сильна, молода,
Къ правдѣ, къ свѣту, къ свободѣ стремилась,
Въ прегрѣшеніяхъ тяжкихъ тогда,
Какъ блудница, ты громко винилась,
И, казалось намъ въ первые дни,—
Повториться не могутъ они....
Приводя наше прошлое въ ясность,
Проклиная безправье, безгласность,
Произволъ и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча".

Да, намъ казалось, что со всѣмъ этимъ будетъ такъ легко расправиться, что расправа пойдетъ какъ по маслу! — А вотъ и образчики того, какъ мы себя обличали:

„Посмотрите на насъ: мы обжоры,
Мы ходячіе трупы, гробы,
Каиноброды, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы?"
Похожи на толпу сумасшедшихъ,
На самихъ себя вьющихъ бичи,
Сознаваться въ недугахъ прошедшихъ
Были мы дотого горячи,
Что превысили всякую мѣру....
Крылось что-то неладное тутъ,
Но не вдругъ потеряли мы вѣру....

Далѣе Некрасовъ начинаетъ опять вторить Щедрину,—указывая на мишурную сторону той поры; и они оба конечно правы— эта другая сторона была, и не могла не быть. Но сколько-бы ни было пустыхъ фразъ въ нашемъ тогдашнемъ движеніи, сколькобы ни было тутъ людей, которые, всласть обличая себя, продолжали дѣлать тоже, что̀ и прежде,—сколько было съ другой стороны и искренности въ добрыхъ стремленіяхъ (эта искренность и оцѣнена Некрасовымъ въ только-что приведенныхъ мною стихахъ), были и дѣйствительно увлеченные *дѣломъ* люди! И не одною же аффектаціей объясняется тотъ негодующій взрывъ, который былъ вызванъ въ то время неосторожно произнесенными словами: «мы еще не созрѣли». Огульно принижать эту пору мы не имѣемъ никакого права. Одной сатирой, относящейся къ явленіямъ «конфуза», который дѣйствительно былъ, потому что вино

новое приходилось вливать и въ старые мѣхи, — одной сатирой, обличающей собственно этотъ конфузъ, нельзя исчерпать значенія той поры. Въ ней было и другое, и наша лирическая поэзія могла бы еще съ бо́льшимъ жаромъ, чѣмъ у Некрасова, отзываться на тѣ благодатныя ея стороны, послѣдствія которыхъ мы еще и теперь ощущаемъ. Но окончательную оцѣнку этой поры произнесетъ не сатирикъ, не лирикъ, а всеобщій великій судья—исторія.

ЛЕКЦІЯ X.

Щедринъ. «Признаки Времени».—«Письма о провинціи».— «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ».—«Ташкентцы».—«Исторія одного города».—Общіе выводы.

Въ послѣдній разъ я разсмотрѣлъ первый періодъ дѣятельности Щедрина, — тотъ періодъ, который обнимаетъ явленія нашей общественной жизни, относящіяся ко времени, непосредственно предшествовавшему эпохѣ нашего «возрожденія», и къ самому началу этой послѣдней. Щедринъ, какъ мы знаемъ, называетъ это время «эпохою конфуза», разумѣя подъ этимъ то, что огромное число личностей, которымъ пришлось дѣйствовать въ это время, вовсе не были къ тому подготовлены, что имъ пришлось по заказу, противъ воли, принимать такой тонъ, который внутренно былъ имъ противенъ, принимать его потому, что посредствомъ этого можно было выслужиться. Но самый важный періодъ сатирической дѣятельности Щедрина,—это, конечно, періодъ второй, относящійся къ тому времени, когда наша общественная жизнь перешла опять въ новый фазисъ: тѣ же самые глуповскіе градоначальники, квартальные и становые, которые сначала считали нужнымъ принимать новый, непривычный для нихъ тонъ, потомъ окончательно догадались, что все дѣйствительно можетъ оставаться по-старому. Пока они считали нужнымъ прикидываться либералами, это было очень смѣшно, но печальнаго тутъ еще ничего не было: дѣятели честные могли дѣйствовать прямо и открыто. Но мало по малу у глуповскихъ городничихъ, квартальныхъ и становыхъ развивается рѣшимость сдерживать стремленія новыхъ людей, честно преданныхъ новымъ идеямъ; вотъ тутъ-то и наступаетъ пора уже не только смѣшная, но и печальная. Выработалось стремленіе къ тому, что на языкѣ этихъ провинціальныхъ... въ своемъ родѣ агитаторовъ называется «подтягиваніемъ».— «Трудно себѣ представить — говоритъ Щедринъ въ своихъ «Признакахъ времени», что нибудь

болѣе уродливое, нежели жизнь, составленную изъ однихъ *подтягиваній*. Трудно выдумать нигилизмъ болѣе безсодержательный, нежели этотъ диковинный, подтягивательный нигилизмъ!» И такъ, обвиненіе въ *нигилизмѣ* сваливается обратно на голову тѣмъ, кто такъ любитъ корить имъ молодое поколѣніе. Нигилистическіе подтягиватели вовсе не имѣютъ опредѣленнаго понятія о томъ, во имя чего имъ надо подтягивать. Правда, они говорятъ о принципахъ и даже «великихъ принципахъ», но когда у нихъ спросятъ: «что-же это за принципы?» они отвѣчаютъ: «это принципы!—Что̀ за великіе принципы? — Это великіе принципы!» Вотъ все толкованіе, котораго вы добьетесь въ отвѣтъ на ваши запросы *). Намекъ на то, что настоящіе нигилисты вовсе не тамъ, гдѣ ихъ обыкновенно ищутъ, что они скорѣе оказываются въ собственной средѣ *ищущихъ*, сдѣланъ также въ одномъ изъ произведеній И. С. Тургенева, а именно въ «Дымѣ», гдѣ буквально нигилистическою представляется наша баденъ-баденская фрондерствующая знать. Въ сущности эти люди—такіе-же точно, только въ бѣлыхъ перчаткахъ, «подтягиватели», какъ и Щедринскіе провинціальные администраторы-нигилисты. Это страннымъ образомъ не помѣшало появленію «Дыма» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», хотя редакція этого журнала съ нѣкоторыхъ поръ особенно озлобленно относится къ *отыскиваемымъ*, къ такъ называемымъ нигилистамъ молодаго поколѣнія, вовсе не замѣчая нигилизма въ *ищущихъ*, въ поколѣніи старомъ, котораго такъ не-называемыхъ нигилистовъ прекрасно понималъ еще Гоголь.

Щедринъ не даромъ замѣчаетъ въ одной изъ статей тѣхъ-же самыхъ «Признаковъ времени», что и литература въ нѣкоторыхъ своихъ углахъ мало-по-малу начала «подтягивать», т. е. въ свою очередь вторить глуповскимъ городничимъ, квартальнымъ и становымъ. «Мальчишки»! стонетъ на всѣ лады одинъ; «нигилисты!», подвизгиваетъ ему другой. И хотя это обвиненіе есть единственное, которое успѣло ясно сформулировать кающаяся русская литература, но, вѣроятно, оно признается достаточно капитальнымъ, если журналы серьезные и, повидимому, благонамѣренные рѣшаются настаивать на немъ». Впрочемъ, надо замѣтить, что слово *благонамѣренный* на языкѣ Щедрина вообще принимается въ такомъ-же не прямомъ смыслѣ, въ какомъ принималось оно еще Гоголемъ (извѣстно, что Чичиковъ, по мнѣнію губернатора, былъ вполнѣ благонамѣренный человѣкъ). Нашъ современный сатирикъ спраши-

*) «Признаки времени». Статья: Легковѣсные.

ваетъ: «что такое человѣкъ благонамѣренный? — Онъ долженъ имѣть хорошій образъ мыслей. Отличительный признакъ хорошаго образа мыслей есть невинность. Невинность-же съ своей стороны есть отсутствіе всякаго образа мыслей. Не размышляйте и читайте романы Польдекока—вотъ кодексъ.... которымъ руководствуется современный благонамѣренный человѣкъ»... («Сеничкинъ ядъ»).

Но какимъ же это образомъ вышло, что «изъ загнанной и трепещущей, по словамъ Щедрина, литература (т. е. извѣстная ея часть) вдругъ превратилась въ торжествующую и ликующую... изъ заподозрѣнной—въ благонамѣренную и достойную довѣрія?» — Къ несчастью, по мнѣнію нашего сатирика, дѣло объясняется очень просто: «всему причиной четвертакъ» говоритъ онъ. Чтобы это не показалось преувеличеніемъ, надо вспомнить, что *четвертакъ* можетъ вѣдь пониматься и иносказательно...

Тоже самое было замѣчено и Некрасовымъ въ одной изъ его сатиръ: «Газетная» (1865 г.). Вотъ какіе тутъ раздаются отзывы:

„До того расходилась печать,
Что явилась потребность субсидій.
Экъ, хватила куда, исполать!

Да, это вѣдь служитъ къ чести литературы, — значитъ она «сила»,—значитъ на нее обращаютъ вниманіе! Но вотъ что слѣдуетъ далѣе:

„Таксы нѣтъ на гражданскія слезы,
Но и такъ онѣ льются рѣкой.
Образцы изумительной прозы
Замѣчаются въ прессѣ родной:
Тотъ добился успѣха во многомъ
И удачно враговъ обуздалъ,
Кто идею свободы съ поджогомъ,
Съ грабежомъ и убійствомъ мѣшалъ“....

Очень ясный намекъ на нѣкоторыя беллетристическія произведенія, о которыхъ я въ своемъ мѣстѣ упомянулъ, а также и на многія публицистическія статьи...

„Тотъ прославился другомъ народа
И мечтаетъ, что пользу принесъ,
Кто на тему: „вино“ и „свобода“
На народъ напечаталъ доносъ“.

И на подобнаго рода литературу большой запросъ; она имѣетъ свою благоговѣйно внимающую ей публику, отъ лица которой и

говоритъ Некрасовъ въ одной изъ своихъ «Пѣсенъ о свободномъ словѣ» (1865 г.).

„Боже, пошли намъ терпѣнье,
Или цензура воспрянь!
Всюду одно осужденіе,
Всюду нахальная брань!
Въ цивилизованномъ классѣ
Будто растлѣнье одно,
Бѣдность безмѣрная въ массѣ
(Гдѣ-же берутъ на вино?)
Въ каждомъ нажиться старанье,
Въ каждомъ продажная честь,
Только подъ шубой бараньей
Сердце хорошее есть“...

Чѣмъ-же объясняется вся эта, долго копившаяся и вдругъ прорвавшаяся наружу злоба? Она объясняется тѣмъ рядомъ преобразованій, которыя обновили нашу жизнь, время которыхъ и называется временемъ нашего возрожденія. Въ «Дневникѣ провинціала въ Петербургѣ» Щедринъ указываетъ на слѣдующее, сдѣланное провинціалу приглашеніе:

— Не хотите-ли я васъ сегодня вечеромъ представлю? Сегодня въ одномъ мѣстѣ проэктъ объ уничтоженіи читать будутъ.—«Объ уничтоженіи чего-же?».—Ну... чего... разумѣется всего. И мировые суды чтобъ уничтожить, и окружные суды по боку, и земство по шапкѣ. Словомъ сказать, чтобъ ширь да высь—и больше ничего».—«Что вы, да вѣдь это цѣлая революція!»—«А вы какъ объ насъ полагали? Мы вѣдь не нѣмцы, по маленьку не любимъ!»

Въ томъ-же «Дневникѣ» приводится и нѣсколько другихъ, болѣе опредѣленныхъ проэктовъ. Проэктъ «объ уничтоженіи всего» черезчуръ уже далеко хватилъ, а потому и не особенно опасенъ. Но вотъ другой проэктецъ «о необходимости децентрализаціи», составленный отставнымъ корнетомъ Петромъ Толстолобовымъ. Децентрализація!—Какъ видите, терминъ очень широкій, либеральный; составитель какъ будто-бы еще чувствуетъ то, что чувствовали во время «конфуза», чувствуетъ необходимость прикинуться либераломъ; — на самомъ-же дѣлѣ мы сейчасъ увидимъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ «децентрализація». Централизація, какъ оно выходитъ въ силу его толкованій, это такой порядокъ вещей, при которомъ все сводится къ одному центру, къ тому спасительному центру, который признается во всѣхъ благоустроенныхъ обществахъ—къ закону. Децентрализація—это напротивъ такой по-

рядокъ вещей, при которомъ каждому городничему, квартальному и становому предоставляется распоряжаться по своему усмотрѣнію. Извѣстно, что провинціалу, по прочтеніи этого проэкта, представилась великолѣпная картина того, что̀ могло-бы быть, еслибы проэктъ этотъ осуществился. Ему, какъ-бы въ видѣніи, представилось, что уже «не было ни судовъ, ни палатъ, ни присутствій, словомъ сказать, ничего, чѣмъ красна современная русская жизнь. Была пустыня, въ которой рѣяли децентрализованные квартальные надзиратели изъ знающихъ обстоятельства помѣщиковъ. Бьютъ, испытываютъ и ссылаютъ, потомъ на-скоро подкрѣпляютъ силы холодными закусками и водкой, и опять бьютъ, испытываютъ и ссылаютъ».

Другой проэктъ—свойства подготовительнаго: надо вѣдь заранѣе дѣйствовать на подростающее поколѣніе. Это проэктъ «о необходимости оглушенія въ смыслѣ временнаго усыпленія чувствъ», составленный бывшимъ штатнымъ смотрителемъ чухломскихъ училищъ, титулярнымъ совѣтникомъ Филоверитовымъ. Въ этомъ проэктѣ проводится такой взглядъ, что «если пріучить молодыхъ людей къ чтенію сонниковъ или къ ежедневному разсмотрѣнію дѣвицы Гандонъ, или-же занять ихъ исключительно вытверживаніемъ азбуки въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ оную изобрѣлъ Таутъ, то..... получится поколѣніе дремотствующее, но бодрое, и нетолько не препятствующее знакамъ препинанія, но дѣятельно на постановку ихъ согласное», т. е., разумѣется, главнымъ образомъ согласное на постановку *точекъ*, этого выразительнѣйшаго изъ знаковъ препинанія. Наконецъ третій проэктъ, съ которымъ долженъ познакомиться провинціалъ, относится до высшихъ ученыхъ учрежденій; они, конечно, нужны, но надо придать имъ особое значеніе, и вотъ съ этою-то цѣлью и составленъ проэктъ «О переформированіи де-сіянсъ академіи» «Пунктъ 1-й», чтобы науки наши противъ всѣхъ прочихъ были превосходнѣе, 2-й — чтобы оныя подлинно распространяли свѣтъ, а не тьму. Но здѣсь представляется весьма щекотливый вопросъ: какъ сего достигнуть? На сіе отвѣчаю кратко: посредствомъ заведенія такихъ учрежденій, которыя имѣли-бы въ предметѣ не распространеніе наукъ, но тщательное оныхъ разсмотрѣніе», т. е., разумѣется, такое разсмотрѣніе наукъ, которое-бы почти равнялось ихъ упраздненію. Щедринъ, разумѣется, считаетъ совершенно лишнимъ указывать на то, что всѣ эти проэкты остались безъ осуществленія; знаменательна уже самая возможность появленія ихъ, хотя-бы только въ головѣ какихъ-нибудь Толстолобовыхъ и Филоверитовыхъ.

Я уже упомянулъ о томъ, что̀ оказывается основною причиной той злобы, которою вызвана на свѣтъ Божій вся эта гасительская дѣятельность. Настоящій-же корень всего, какъ совершенно вѣрно понимаетъ Щедринъ, заключается въ величайшемъ изъ преобразованій нашей эпохи — въ освобожденіи крестьянъ. Объ этомъ особенно подробно говоритъ нашъ сатирикъ въ своихъ «Письмахъ о провинціи», относящихся къ числу самыхъ сильныхъ его произведеній. Тутъ авторъ изъ обычнаго сатирическаго тона переходитъ мѣстами въ негодующій паѳосъ: «Цѣлые легіоны ничтожнѣйшихъ шалопаевъ, говоритъ онъ, рыскаютъ по градамъ и весямъ любезнаго отечества, съ спеціальною цѣлью явно и тайно уничтожать и подрывать дѣйствіе 19 февраля!».... Рыскаютъ шалопаи эти, въ наибуквальнѣйшемъ смыслѣ нигилисты, и нахально сваливаютъ обвиненіе въ нигилизмѣ на головы тѣхъ людей, которые приводили въ исполненіе великую реформу!

«Нельзя себѣ представить — продолжаетъ Щедринъ — того наслажденія, съ которымъ ненавистникъ хватается за всякую поруху, за всякую фальшивую ноту, которою случайно зазвучитъ ненавистное ему дѣло. Прослышитъ-ли онъ, что народъ бѣднѣетъ— онъ ликуетъ; вычитаетъ-ли, что въ дѣлахъ застой — онъ торжествуетъ всею утробой; дойдетъ-ли до него, что города и села опустошаются пожарами—нѣтъ предѣла, нѣтъ границъ его поганымъ восторгамъ. Онъ всякую народную бѣду готовъ пріурочить къ 19 февраля, потому что въ дурацкой его головѣ нѣтъ ни одной мысли, кромѣ мысли объ обидѣ, нанесенной ему этимъ ужаснымъ числомъ».

Но ненавистникъ на этомъ не останавливается,—онъ не только радуется бѣдствіямъ, посылаемымъ природою, не только пользуется ими въ видѣ доказательствъ противъ 19 февраля, онъ готовъ самъ создавать для народа бѣдствія, чтобы потомъ приписать ихъ—опять тому-же непереваримому для него числу. «Вы доказываете ненавистнику, что недозволительно доводить крестьянъ до разоренія подъ благовиднымъ предлогомъ казеннаго интереса, съ дѣйствительною-же цѣлью—пускай дескать знаютъ поганцы, каково сладка хваленая ихъ свобода! И вотъ, вмѣсто отвѣта, въ васъ стрѣляютъ обвиненіемъ въ коммунизмѣ!» Да, дѣятели 19 февраля съ точки зрѣнія этихъ людей—коммунисты и соціалисты, т. е., по ихнему, тоже, что̀ нигилисты. А все дѣло въ томъ, что «намѣренія этого великаго дня», какъ вѣрно объясняетъ Щедринъ, «пали на такую благодарную почву, и укоренились въ ней такъ просто и естественно, что тутъ не можетъ быть мѣста ни для опасеній, ни тѣмъ

болѣе для нелѣпыхъ разсказовъ» (т. е. разсказовъ о какихъ-то «отставныхъ солдатахъ и разнощикахъ», будто-бы могущихъ посѣять сѣмена революціи по деревнямъ и селамъ). «Какъ-бы мы ни были взыскательны,—продолжаетъ Щедринъ,— мы не можемъ не удивляться великости этого подвига. Разомъ освободить изъ плѣна египетскаго цѣлыя массы людей,.... разомъ заставить умолкнуть тѣ скорбные стоны, которые раздавались изъ края въ край по всему лицу Россіи,—такое дѣло способно вдохнуть энтузіазмъ самый безпредѣльный. Но за работой освобожденія слѣдуетъ работа организаціи, и тутъ приходится намъ бороться съ препятствіями еще болѣе дѣйствительными, нежели даже тѣ, съ которыми мы боролись во время трудной работы освобожденія». И вотъ этой-то работѣ организаціи, которая должна окончательно водворить реформу, — этой работѣ ненавистники-шелопаи не хотятъ дать совершиться въ спокойной послѣдовательности, вотъ ей-то и хотятъ они помѣшать. Такимъ образомъ въ этихъ «Письмахъ о провинціи» Щедринъ вполнѣ признаетъ и дѣльную, доводящую его до восторга, сторону нашего «возрожденія», — ту сторону, которая не могла-же отзываться «конфузомъ», если пала на такую благодарную почву, если представляется нашему автору *настоящимъ подвигомъ*. Но въ такомъ случаѣ, признавая благодарною почву, мы должны также признать и то, что русская земля была подготовлена къ великому дню; и дѣйствительно, она ожидала его давно. Въ дѣлѣ подготовленія принимала живое участіе и наша литература,—въ немъ принималъ въ свое время участіе самъ Щедринъ, принимали Тургеневъ, Некрасовъ и другіе, обличавшіе крѣпостное право. Но всѣ они вѣдь только поддерживали литературныя преданія прежней поры, въ сущности вовсе не прерывавшіяся въ нашей литературѣ. Некрасовъ въ своемъ «Дѣдушкѣ» выводитъ человѣка, который въ первой четверти нашего вѣка былъ уже полонъ сочувствія дѣлу освобожденія, но этому дѣду предшествовали нѣкоторые прадѣды, стоявшіе за освобожденіе крестьянъ еще при Екатеринѣ II. И этимъ «прадѣдамъ» тѣмъ болѣе чести, что они могли-бы даже у самого Ж. Ж. Руссо вычитывать (нѣкоторые и вычитывали) цѣлыя рацеи о томъ, что не надобно торопиться, что надо прежде освободить *души* (т. е. просвѣтить народъ), а потомъ уже освободить *тѣла* (т. е. уничтожить крѣпостное право). Если на литературномъ поприщѣ были люди, которые, между прочимъ ссылаясь и на Руссо, задерживали великое дѣло освобожденія, то были и другіе, всѣми мѣрами старавшіеся подвинуть его впередъ, всегда вѣрившіе въ возможность свободы для род-

наго народа. А Екатерининская коммиссія, труды которой печатаются Историческимъ обществомъ? Хотя въ томъ, что до сихъ поръ напечатано, еще непосредственно не затронуты нужды крестьянъ, онѣ однакоже упоминаются по различнымъ поводамъ въ различныхъ рѣчахъ. Если со стороны большинства дворянъ и слышатся при этомъ хриплые голоса въ пользу того, чтобы все оставалось по-старому, то порою раздаются и изъ этой среды такіе, которые благопріятны улучшенію участи народа; наконецъ тутъ-же, по нѣкоторымъ поводамъ, мы уже слышимъ и рѣчи представителей самого крестьянства, или-же людей, очень близко стоящихъ къ нему, рѣчи, обнаруживающія полнѣйшее пониманіе народомъ своихъ вопіющихъ нуждъ. Словомъ, по прекраснымъ матеріаламъ Историческаго общества мы окончательно убѣждаемся въ томъ, что Императрица, созвавшая эту коммиссію, нашла въ представителяхъ своего народа и настоящихъ «умновцевъ», а вовсе не сплошь и къ ряду тѣхъ «глуповцевъ», которыхъ такъ любитъ рисовать Щедринъ. Да, екатерининская коммиссія вполнѣ подтвердила вѣрность того, что еще Посошковъ, въ своей знаменитой книгѣ, говорилъ Петру Великому о нашей способности къ «*народосовѣтію*»; и если эта коммиссія была распущена, то вовсе не потому, чтобы дѣятели оказались неспособными,—какъ это полагалъ когда-то даже Сперанскій, а нѣкоторые полагаютъ и до сихъ поръ,—а на то оказались другія причины—война, тогда у насъ начавшаяся, и т. п. Послѣ всего этого «великій подвигъ» 19 февраля, какъ выражается Щедринъ, уже представляется намъ не какимъ-то необъяснимымъ чудомъ, а естественнымъ слѣдствіемъ того, что почва давно была подготовлена. Но если крѣпостное право отмѣнено и никакимъ усиліямъ «дикихъ невѣждъ» никогда не удастся возстановить его, то слѣды крѣпостнаго права остались. Некрасовъ, какъ мы уже знаемъ, по преимуществу указываетъ на тѣ слѣды его, которые остались въ народномъ быту,— Щедринъ на слѣды, оставшіеся въ нашихъ нравахъ. «Тѣ, которые говорятъ: «зачѣмъ напоминать о крѣпостномъ правѣ, котораго уже нѣтъ? зачѣмъ нападать на лежачаго?»—говорятъ это единственно по легкомыслію», замѣчаетъ Щедринъ (имѣя, вѣроятно, въ виду и извѣстную статью Писарева). «Оно (т. е. крѣпостное право) живетъ въ нашемъ темпераментѣ, въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашихъ обычаяхъ, въ нашихъ поступкахъ.... Хищничество — вотъ наслѣдіе, завѣщанное намъ крѣпостнымъ правомъ». И Щедринъ цѣлымъ рядомъ сатиръ рисуетъ намъ различныя видоизмѣненія этого сквернаго наслѣдія. Хищничество — это принадлежность «ветхаго человѣка», но тотъ

старый ветхій человѣкъ, котораго рисовалъ Гоголь, возродился въ *новомъ* ветхомъ человѣкѣ, являющемся во множествѣ различныхъ видоизмѣненій, въ числѣ которыхъ оказывается и то, что̀ называется у нашего сатирика «ташкентствомъ». Типъ «ташкентца» постепенно развивается у Щедрина; онъ намекаетъ на него цѣлымъ рядомъ типовъ, изъ которыхъ наконецъ вырабатывается типъ, выведенный въ книгѣ: «Господа Ташкентцы». Первый набросокъ этого типа находимъ мы въ «Легковѣсныхъ». («Признаки времени»). Объ этихъ «легковѣсныхъ» можно сказать то, что̀ одинъ изъ нихъ разсказываетъ про знакомаго ему нѣмца: когда у него спросили, при встрѣчѣ, о его «мизль»—«мой мизль? нѣтъ мизль» отвѣчалъ онъ; а Щедринъ замѣчаетъ, что про всѣхъ легковѣсныхъ можно сказать, что у нихъ «нѣтъ мизль». Единственный ихъ руководитель—это виднѣющійся гдѣ-то вдали сытный кусокъ. Въ сущности тотъ-же типъ, только съ нѣсколько другимъ оттѣнкомъ, рисуетъ намъ Щедринъ въ сатирѣ: «Нашъ savoir-vivre». «Экономическая наука людей этого рода—нахальство, нестѣсняемость, развязность, и.... и опять постоянное неуклонное стремленіе къ куску». Къ тому-же разряду авторъ совершенно справедливо относитъ и «гулящихъ русскихъ людей за границей», про которыхъ можно сказать, что у нихъ тоже «нѣтъ мизль» и которые, будучи одарены способностью «самоплеванія», предаются ей всласть заграницей, гдѣ просвѣщаются исключительно въ баль-мабиляхъ. Чтобы удержать этихъ людей въ Россіи, надо, по замѣчанію Щедрина, «какую-нибудь новую реформу сочинить или какую-нибудь старую уничтожить..... самое лучшее выдумать-бы ѣду какую-нибудь необыкновенную, или вотъ еслибы всю Россію можно было превратить въ сплошной танцклассъ».

Но выработала наша жизнь наконецъ нѣчто такое, въ чемъ эти люди дѣйствительно могутъ найти для себя исходъ, и затѣмъ уже не странствовать за моремъ, а оставаться у себя дома: этотъ исходъ они обрѣли въ «ташкентствѣ». Нашъ сатирикъ понимаетъ слово Ташкентъ, разумѣется, не въ буквальномъ смыслѣ. «Тѣ, которые думаютъ,—говоритъ онъ,—что это только люди, желающіе воспользоваться прогонными деньгами въ Ташкентъ, ошибаются самымъ грубымъ образомъ». Онъ понимаетъ дѣло гораздо шире,—это люди, которые и вообще способны воспользоваться прогонами—куда-бы-то ни было, т. е. взяться за все, что̀ случится, только была-бы при этомъ нажива, только-бы виднѣлся вдали *кусокъ*. «Ташкентецъ — это просвѣтитель,..... просвѣтитель, свободный отъ наукъ, но не смущающійся этимъ, ибо наука, по мнѣ-

нію его, создана не для распространенія, а для стѣсненія просвѣщенія». Онъ просвѣтитель — въ легковѣсномъ смыслѣ водворителя такъ-называемаго *порядка*». Опредѣливъ такъ широко *Ташкентцевъ*, авторъ не менѣе широко опредѣляетъ и самый *Ташкентъ*. «Ташкентъ, говоритъ онъ, это классическая страна барановъ, которые замѣчательны тѣмъ, что къ стрижкѣ ласковы и послѣ оголенія вновь обростаютъ съ изумительной быстротой»..... «Ташкентъ есть страна, лежащая всюду, гдѣ бьютъ по зубамъ и гдѣ имѣетъ право гражданственности преданіе о Макарѣ телятъ не гоняющемъ». Такая страна, разумѣется,—чистый кладъ для того, кто хочетъ только *жрать* (употребляя незатѣйливое выраженіе нашего сатирика). Отправляясь въ эту страну, достаточно знать, что «есть штука, называемая безазбучнымъ просвѣщеніемъ, которая ничего не требуетъ, кромѣ цѣпкихъ рукъ и хорошо развитыхъ инстинктовъ плотоядности, — вотъ въ эту-то штуку они и вгрызаются всею силою своихъ здоровыхъ зубовъ».

У ташкентцевъ нетолько нѣтъ *мысли*; у нихъ даже вовсе нѣтъ *головы*; вмѣсто нея у нихъ—«порожняя бутылка... ея обязанность — наполняться той жидкостью, которая наиболѣе подходитъ ко вкусамъ минуты» — потому что только подходящее ко вкусамъ минуты сулитъ впереди—кусокъ. Подходятъ-ли ко вкусу минуты либеральныя фразы—они и ими себя начинятъ,—подходитъ-ли то, что̀ называется у извѣстныхъ людей «порядкомъ», — они и этимъ набьютъ себя; войдетъ-ли, наконецъ, въ моду такъ-называемое *подтягиванье*,—они станутъ бредить только имъ однимъ. Впослѣдствіи изъ типа ташкентцевъ выработался у Щедрина тотъ типъ, который получилъ у него названіе «Помпадура борьбы».

Разсадникомъ ташкентства оказываются наши привилегированныя заведенія; не именно одно изъ нихъ, какъ это понимаютъ иные, но всѣ вообще привилегированныя заведенія и подготовляющее къ нему домашнее привилегированное воспитаніе. «Судебная реформа произвела необыкновенное, почти отуманивающее дѣйствіе» въ одномъ изъ этихъ заведеній, куда былъ отданъ одинъ изъ щедринскихъ кандидатовъ ташкентства; особливо съ той минуты, когда «на дѣлѣ послѣдовало открытіе новыхъ судовъ и ученики увидѣли ихъ лицомъ къ лицу... Въ публикѣ ходили слухи о какихъ-то баснословныхъ кушахъ, о какихъ-то компаніяхъ, составляющихся съ цѣлью наиноспѣшнѣйшаго ободренія кліентовъ», и ташкентцы заранѣе облизываются при этихъ слухахъ. А вотъ какой разговоръ между ними, т. е. уже между ташкентцами взрослыми, окончившими курсъ, переданъ нашимъ сатирикомъ далѣе:

— Ты что̀ получилъ за такое-то дѣло?

— Да что̀! всего пять тысячъ! не стоило рукъ марать!

— А я черезъ годъ думаю лавочку закрыть. Наработаю тысячъ двѣсти-триста,—и на боковую!»

Но ихъ манитъ не одна только большая нажива, даже «рубль, выглядывающій изъ кармана ближняго-простеца, мѣшаетъ спать.— «Зачѣмъ тебѣ, простофиля, рубль! разожми! я возьму этотъ рубль, зажгу его на свѣчкѣ и закурю имъ сигару.» «Дальше рубля, поясняетъ Щедринъ, взоръ ничего не видитъ: все сосредоточилось, замкнулось, заклепалось въ одномъ словѣ—*жрать!*»

Въ сторонѣ отъ домашняго и общественнаго привилегированнаго воспитанія остается у нашего сатирика воспитаніе университетское,—онъ его не затрогиваетъ. По мнѣнію ташкентцевъ, этихъ нигилистовъ въ буквальномъ смыслѣ слова, университетское образованіе является разсадникомъ тѣхъ людей, которыхъ называютъ одни «нигилистами», другіе же «новыми людьми». Въ утѣшеніе ташкентцамъ можно бы было напомнить тѣ, попадавшіеся намъ въ прежнихъ лекціяхъ, литературные типы, которые наглядно доказываютъ, что и университетское образованіе, къ несчастію, не служитъ окончательно вѣрнымъ оберегомъ отъ пріобрѣтательскихъ поползновеній. Но ташкентцы отвѣтили бы на это, что, конечно, изъ университетовъ выходятъ и такія дѣльныя, благонамѣренныя личности, но зато вѣдь выходитъ не мало и этихъ пропащихъ «новыхъ людей». Гнѣвъ ташкентцевъ и всего ташкентствующаго лагеря въ нашей литературѣ противъ этихъ людей и забавенъ, и печаленъ въ одно и то же время. Щедринъ и самъ говоритъ объ нихъ, о тѣхъ, которыхъ называютъ «нигилистами», и которые сами называютъ себя «новыми людьми»; ему достовѣрно извѣстно, по его словамъ, что это не манекены съ наклеенными этикетами, а живые люди, которые въ этомъ качествѣ имѣютъ свои недостатки и свои достоинства, свои пороки и свои добродѣтели».—«Я могъ бы, конечно, продолжаетъ онъ, не хуже любаго изъ современныхъ беллетристовъ, лавреатовъ и не лавреатовъ, указать на темныя стороны, которыя встрѣчаются въ этой немноголюдной и во всякомъ случаѣ не пользующейся матеріяльною силою корпораціи. Эти темныя стороны настолько уже изучены и распубликованы, что мнѣ ничего не стоило бы возбудить въ читателѣ, по поводу «новыхъ людей», то смѣхъ, то ненависть, то спасительный страхъ...» «Но ежели я захочу—поясняетъ онъ—смѣяться и пугать вплотную, то не найдусь-ли я вынужденнымъ прежде всего подвергнуть осмѣянію самыя причины, породившія тѣ факты, которые

возбуждаютъ во мнѣ смѣхъ или ужасъ?» О добрыхъ сторонахъ типа Щедринъ находитъ также неудобнымъ распространяться... Но, по мнѣнію представителей хищничества, добрыхъ сторонъ въ этомъ типѣ и вовсе нѣтъ. «Ташкентство», этотъ самоновѣйшій видъ хищничества, вовсе не пугаетъ ветерановъ въ родѣ Петра Ивановича Дракина; напротивъ, этотъ типъ ему по душѣ, его пугаютъ тѣ «новые люди», которые какія-то утопіи тамъ выдумываютъ.

На счетъ этихъ утопій нашъ сатирикъ дѣлаетъ чрезвычайно вѣрное и въ психологическомъ, и въ педагогическомъ смыслѣ замѣчаніе: «Кто въ двадцать лѣтъ не желалъ и не стремился къ общему возрожденію, про того трудно даже сказать, что у него было когда-нибудь сердце, способное сочувствовать и сострадать.» Да, утопіи принадлежатъ къ неотъемлемымъ свойствамъ молодости: молодость безъ утопій не есть молодость, и воспитаніе, которое совершенно уничтожаетъ способность вдаваться въ утопіи, есть воспитаніе, преждевременно обезцвѣчивающее. Не утопій надо бояться;—безсмертный, постоянно какъ фениксъ изъ пепла возрождающійся Павелъ Ивановичъ Чичиковъ — вотъ что ужасно! Молодежь, способная не гнушаться этимъ типомъ, какъ бы не узнавая его въ новѣйшихъ утонченныхъ его видоизмѣненіяхъ, была бы дѣйствительно совершенно растлѣнною молодежью; пока ее увлекаютъ утопіи, она еще здоровая молодежь! Но вѣчное возрожденіе Чичикова, этого *стараго* ветхаго человѣка, возрожденіе его въ видѣ *новыхъ* ветхихъ людей, страшно особенно потому, что отъ этого всего болѣе терпитъ «человѣкъ, питающійся лебедой», подъ которымъ, очевидно, Щедринъ разумѣетъ простой народъ.

Но тутъ мы опять натыкаемся у нашего сатирика на странное противорѣчіе: любя и жалѣя этого «человѣка, питающагося лебедой», онъ часто становится къ нему несправедливымъ, представляя его себѣ слишкомъ уже отупѣлымъ, приведеннымъ въ состояніе полуживотной обезсмысленности. Въ этихъ же самыхъ «Письмахъ о провинціи», принадлежащихъ къ числу его лучшихъ произведеній, онъ рисуетъ намъ, напримѣръ, бѣдную вдову, лишенную своего участка, по опредѣленію міра, причемъ въ ея пользу не раздается ни одного голоса. «Вотъ, говоритъ Щедринъ, истинная истина изъ жизни полудикой толпы: есть ли поводъ плакаться надъ чужою бѣдой, когда завтра та же бѣда можетъ стрястись надъ нами самими?» Но, вопервыхъ, мы видимъ въ народѣ и примѣры другаго рода, когда именно сознаніе того, что бѣда можетъ завтра стрястись и надъ нами, заставляетъ протянуть руку бѣд-

ствующему, а вовторыхъ, развѣ примѣры такого безсердечія при видѣ чужаго горя и чужой бѣды не встрѣчаются сплошь и къ ряду и въ жизни образованнаго класса? Далѣе сатирикъ нашъ говоритъ: «Имѣемъ-ли мы поводъ удивляться тому, что толпа до сихъ поръ съумѣла выработать изъ себя только слѣпое орудіе, при помощи котораго могутъ свободно проявлять себя въ мірѣ всевозможныя темныя силы? Несмотря на вѣковѣчное существованіе, масса успѣла выработать въ себѣ только раболѣпное тяготѣніе къ силѣ, да еще безсознательно-равнодушное отношеніе не только къ общимъ интересамъ, но даже и къ тѣмъ, которые ближайшимъ образомъ затрогиваютъ ея собственную жизнь...». «Мы не можемъ, продолжаетъ онъ въ тонѣ того же барствующаго либерализма, считать себя водворенными въ мірѣ законности, пока представленіе о законности не имѣетъ въ понятіяхъ массъ никакого опредѣленнаго смысла... Что можемъ мы сдѣлать съ нашимъ бѣднымъ, одиночнымъ сознаніемъ, когда вокругъ насъ кишитъ ликующая безсознательность?» Народъ, видите-ли, даже *ликуетъ* въ своемъ состояніи изъятаго изъ міра законности... Но не значитъ-ли это невольно попасть въ тонъ одного изъ тѣхъ столичныхъ облагодѣтельствователей провинціи, которыхъ, какъ мы видѣли, тотъ же Щедринъ заставляетъ жаловаться на массу: «ils sont encore bien loin de jouir des bienfaits de la civilisation?».

Некрасовъ смотрѣлъ иначе, смотрѣлъ не чиновникомъ, а человѣкомъ, желалъ доброй ночи тому,

Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ.

Но особенно замѣчательно у Щедрина мнѣніе, что народъ нашъ даже не чувствуетъ своей бѣдности: «невозможно ни на минуту усомниться, говоритъ онъ—и говоритъ совершенно справедливо,—что русскій мужикъ бѣденъ, бѣденъ всѣми видами бѣдности, какіе только возможно себѣ представить, и, что всего хуже, бѣденъ сознаніемъ своей бѣдности»,—вотъ съ этимъ уже мудрено согласиться. Что народъ не имѣетъ понятія о многихъ удобствахъ, а потому и не чувствуетъ потребности во многихъ вещахъ, безъ которыхъ мы жить не можемъ,—это совершенно вѣрно; но чтобы онъ вовсе не сознавалъ своей бѣдности, не желалъ лучшаго, и чтобы это служило однимъ изъ существенныхъ объясненій его незавиднаго состоянія,—это уже выдумка кабинетныхъ людей. Эта

выдумка не нова; она такъ и пахнетъ XVIII вѣкомъ, которому, при всемъ его стремленіи къ свободѣ, было такъ трудно перестать быть *баричемъ*. Вспомните относящійся къ началу царствованія Императрицы Екатерины II проектецъ освобожденія крестьянъ, составленный французомъ Беарде de l'Abbaye! Какихъ только либеральныхъ фразъ не нагромождено тамъ въ началѣ—и какой скудный, ничего не дающій выводъ! Народъ, видите-ли, до такой степени тупъ, что въ немъ еще надобно пробудить и самую потребность свободы, и дѣло этого пробужденія должно быть возложено на помѣщиковъ, какъ людей образованныхъ, которымъ совѣтовалось съ этою цѣлью—освобождая постепенно, по нѣсколько человѣкъ за-разъ (Руссо, какъ извѣстно, совѣтовалъ польскимъ помѣщикамъ дѣлать это въ видѣ награды за хорошее поведеніе), давать освобожденнымъ особую одежду, чтобы этой ея особенностью пробуждать желанье свободы и въ остальныхъ! Подобный взглядъ совершенно понятенъ въ XVIII в. (недаромъ отъ него не могъ совершенно освободиться и такой радикальный умъ, какъ Ж. Ж. Руссо), но возвращаться къ нему въ наше время уже нѣсколько странно! Между тѣмъ утверждать, что народъ *ликуетъ* въ своей безсознательности, что онъ не чувствуетъ своей бѣдности, не стремится къ лучшему—не значитъ-ли это невольно впадать въ тонъ какого-нибудь Беарде де л'Аббея?!

А вѣдь тонъ этотъ очень сродни и той *ветхой деньми* философіи исторіи, которая такъ остроумно была вычитана у нашего сатирика Писаревымъ (изъ анекдота о Минервѣ и Глуповцахъ). Впрочемъ, нашъ сатирикъ положительно опровергаетъ самъ себя. Вспомните у него хотя бы это убогое міросозерцаніе отставнаго солдата Пименова, ходящаго по святымъ мѣстамъ... А сколько въ народѣ такихъ особаго рода *туристовъ*, ищущихъ въ своихъ странствованіяхъ исхода изъ тяжелыхъ условій своей будничной жизни, благо эти странствованія, съ другой стороны, по ихъ религіозному міросозерцанію, прямѣе ведутъ ихъ къ вѣчному празднованію въ той странѣ, гдѣ послѣдніе будутъ первыми, и куда такъ трудно будетъ попасть богатымъ! А щедринскій разсказъ о «Ванѣ и Мишѣ», объ этихъ дѣтяхъ, ищущихъ исхода въ самоубійствѣ и вполнѣ увѣренныхъ въ томъ, что ангелы отнесутъ ихъ прямехонько къ Богу, и что они ему все, все разскажутъ?.. Или самая эта иллюминація, которую они зажигаютъ незадолго до пріѣзда барыни;—не выказываетъ-ли она желанія выйти изъ подъ гнетущаго вліянія темноты,—создать себѣ, хотя бы на одну минуту,

веселую обстановку—передъ тѣмъ переходомъ въ страну вѣчнаго веселья и вѣчнаго свѣта, на который рѣшились они?

А щедринскіе кандидаты въ рекруты—этотъ Матюша, которому такъ мила его прежняя, въ сущности далеко незавидная, доля, потому что ожидающая его впереди солдатская представляется ему еще болѣе незавидною; или этотъ Петруня, не выносящій условій солдатской жизни и рѣшающійся бѣжать! Значитъ-ли все это, что народъ отупѣлъ до несознаванія своего положенія, что онъ «ликуетъ въ своей безсознательности»? А та характеристика быта бѣглыхъ, которую представляетъ Щедринъ въ своемъ «Развеселомъ житьѣ»? Наконецъ, всѣ эти побѣги сами по себѣ,—что же это, какъ не слѣдствіе недовольства своей долей, какъ не желаніе лучшаго? Или выставляемое Некрасовымъ народное любопытство узнать: «Кому на Руси жить хорошо»? А романъ Рѣшетникова: «Гдѣ лучше»—съ этимъ многозначущимъ его заглавіемъ? Но мы видѣли, что даже Подлиповцы, эти совершенно забитые люди, идутъ на Волгу, чтобы попытаться: не лучше-ли будетъ тамъ? А то, что̀ рисуетъ намъ Мельниковъ въ своихъ «Лѣсахъ», эти живучія воспоминанія о вольномъ житьѣ, это сочувственное свидѣтельство о постоянномъ уходѣ въ казацкую вольницу, не доказываетъ-ли все это, что народъ не ужился съ своей долей, что онъ такъ и рвался на широкій просторъ? А цѣлый рядъ историческихъ народныхъ протестовъ противъ угнетенія, которые можно, вслѣдъ за Пушкинымъ, называть «безсмысленными», но которые, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуютъ не о томъ, чтобы народъ не искалъ исхода изъ своего положенія.

Другой вопросъ — почему все это ни къ чему не приводило, почему народъ, остававшійся такъ долго свободнымъ, становится крѣпостнымъ, почему положеніе его все болѣе и болѣе ухудшается, пока, наконецъ, не наступаетъ поворотная точка въ его судьбѣ—великое 19-е февраля 1861 г. Это вопросъ историческій—сатира его не рѣшитъ. Щедринъ выходитъ за предѣлы, предписанные ему спеціальностью его таланта, когда выступаетъ на историческое поприще, а онъ выступилъ на него окончательно въ «Исторіи одного города». Относительно этого произведенія всѣмъ памятна та теплая, и въ высшей степени дѣльная статья, которая появилась въ апрѣльской книгѣ «Вѣстника Европы» 1871 г., подписанная не полнымъ псевдонимомъ и озаглавленная: «Историческая сатира». Смыслъ статьи, какъ извѣстно, тотъ, что историческая сатира не можетъ быть признана хорошимъ литературнымъ родомъ. Нашему сатирику тутъ указываютъ съ одной стороны на многія историческія черты,

которыя гораздо болѣе заслуживали бы сатирическаго бича, чѣмъ черты имъ подхваченныя; съ другой стороны ему указываютъ тутъ и на такія черты въ «Иванушкахъ», надъ которыми не слѣдовало бы глумиться.

Критикъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что въ «Исторіи одного города» сатирика не отличить отъ того архиваріуса, отъ имени котораго онъ ведетъ свою лѣтопись, ведетъ тономъ, какъ выражается критикъ, — «бюрократическаго презрѣнія къ народу». Къ тому, что сказано въ этой прекрасной статьѣ, мнѣ остается только прибавить указаніе еще на два мѣста въ «Исторіи одного города». Въ одномъ изъ нихъ Щедринъ разсказываетъ, что послѣ разныхъ ѣзчинствъ, такъ долго производившихся въ Глуповѣ разными бабами-поганками, присвоившими себѣ надъ нимъ власть и нарисованными у сатирика такими грязными красками, чувство какого-то негодованія какъ будто-бы пробудилось въ глуповцахъ.

«Рѣшили дѣйствовать единодушно и прежде всего списаться съ пригородами... Пригороды одинъ за другимъ слали въ Глуповъ самыя утѣшительныя отписки. Всѣ единодушно соглашались, что крамолу слѣдуетъ вырвать съ корнемъ, и для начала прежде всего очистить самихъ себя: «точію, братіе, себе прилежно испытуйте»... Когда читалась эта отписка, въ толпѣ раздавались рыданія, а посадская жена Аксинья-гунявая, воспалившись ревностью великою, тутъ же высыпала изъ кошеля два двугривенныхъ, и положила основаніе капиталу для поимки Дуньки предназначенному». Неужели это пародія на «смутное время», на грамоты, которыя тогда разсылались земствомъ, на жертвы для общаго дѣла, которыя приносилъ народъ?!

Въ другомъ мѣстѣ сатирикъ-архиваріусъ приписываетъ глуповцамъ слѣдующее откровенное заявленіе своего смиренномудрія: «ежели насъ теперича всѣхъ въ кучу сложить и съ четырехъ концовъ запалить—мы и тогда противнаго слова не молвимъ». Далѣе однакоже онъ заставляетъ ихъ выбрать ходока Евсеича, который долженъ отправиться къ градоначальнику Ѳердыщенкѣ и высказать ему, что глуповцамъ не втерпежъ. Попытка не удается,— Евсеича схватываютъ, и онъ, передъ ожидающимъ его наказаніемъ, обращается къ народу съ слѣдующими словами:

— «Простите, атаманы-молодцы! ежели кого обидѣлъ, и ежели передъ кѣмъ согрѣшилъ, и ежели кому неправду сказалъ... всѣ простите»!

— «Богъ проститъ»! слышалось въ отвѣтъ; и Евсеичъ исчезъ

безъ остатка, какъ умѣютъ исчезать только «старатели» русской земли»...

Но если ея *ходоки* такъ мало имѣютъ успѣха, — можно объяснять это какъ угодно, но развѣ можно надъ этимъ глумиться? Если неудачный радѣтель родной земли, по обычаю народному, считаетъ нужнымъ просить у нея прощенія, какъ-бы сознавая, что послѣ каждой неудачной попытки въ пользу народа участь его можетъ только ухудшиться,—то и надъ подобной чертой развѣ можно глумиться? По прочтеніи «Исторіи одного города», въ которой, съ другой стороны, есть и великолѣпныя страницы (о переходѣ Грустилова отъ прегрѣшеній къ покаянію, объ ужасающей цѣльности взглядовъ и права Угрюмъ-Бурчеева и т. п.),—выносится общее впечатлѣніе такого рода, что невольно вспоминаешь въ «Медвѣжьей Охотѣ» Некрасова извѣстный разговоръ князя съ барономъ:

Кн. Вохотскій.

Теперь, баронъ, вы видѣли природу,
Вы видѣли народъ нашъ?

Баронъ.

И не могъ
Не заключить, что этому народу
Пути къ развитью заградилъ самъ Богъ.

Кн. Вохотскій.

Да, да, непобѣдимыя условья!
Но къ счастію, народъ не выше ихъ:
Невѣжество, безчувственность воловья
Понятны при условіяхъ такихъ...
Его удѣлъ—безграмотство, безпутство,
Убожество и чувствомъ и умомъ,
Его узды—налоги, трудъ, рекрутство,
Его утѣха—водка съ дурманомъ.

Баронъ.

So, so...

Но что́ у Некрасова является ѣдкой сатирой на баронско-княжескія воззрѣнія, то въ «Исторіи одного города» получаетъ характеръ серьезнаго мнѣнія самого сатирика-архиваріуса, совмѣщающаго въ себѣ и барона, и князя.

А глуповскіе градоначальники, еслибы они прочли эту лѣтопись своего града, могли-бы по праву сказать: «ну, значитъ, мы

распоряжались, какъ слѣдуетъ; по Сенькѣ и шапка»; а затѣмъ поощрительно обратиться къ архиваріусу со словами: «побольше, побольше такихъ произведеній, мой милый». До извѣстной степени объяснить появленіе «Исторіи одного города» можно развѣ при помощи слѣдующаго соображенія. Любя кого-нибудь сильно, мы часто бываемъ способны и ненавидѣть его въ тоже время. Желая человѣку добра, сожалѣя о томъ, что оно ему не дается, что онъ позволяетъ слишкомъ дурно обращаться съ собою другимъ, мы накидываемся на него съ ожесточенною бранью. Тоже самое до нѣкоторой степени можетъ происходить и въ нашихъ отношеніяхъ къ родному народу; — только этимъ и можно хотя сколько-нибудь объяснить то желчное глумленіе надъ Глуповцами, которое позволяетъ себѣ Щедринъ преимущественно въ «Исторіи одного города». Во всякомъ случаѣ, этотъ литературный родъ, *историческая сатира*, какъ совершенно вѣрно онъ названъ критикомъ «Вѣстника Европы», долженъ быть признанъ ложнымъ, не заслуживающимъ права гражданства въ литературѣ. Не надо доходить до маниловщины, не надо сладко лгать, льстить своему народу, но не надобно и доводить его до «самоплеванія». Предоставимъ это милое занятіе тѣмъ «гулящимъ русскимъ людямъ заграницей», которыхъ такъ удачно и такъ справедливо выставилъ на позоръ тотъ же самый сатирикъ.

Но какое же общее впечатлѣніе производитъ наша послѣ-гоголевская литература? Она не льстила намъ, не лгала; не лгала въ хорошую сторону, т. е. на преувеличивала нашихъ добрыхъ качествъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она вообще не лгала и въ дурную сторону, т. е. не преувеличивала и нашихъ недостатковъ. Тѣ немногія преувеличенія послѣдняго рода, которыхъ я не скрывалъ, составляютъ только исключеніе.

Наша литература показала намъ быструю смѣну типовъ,—быстрое нарожденіе новыхъ на мѣсто старыхъ, а такая быстрота показываетъ, что мы безостановочно развиваемся. Нѣкоторые типы, еще такъ недавно воспроизведенные нашей литературой, представляются уже совершенно отжившими, напримѣръ тотъ, съ которымъ мы имѣли дѣло въ самомъ началѣ—типъ Александра Адуева, пустаго идеалиста, прикрывающаго напускною восторженностью самое узенькое стремленіе къ эгоистическимъ наслажденіямъ. Гораздо выше уже стоятъ Рудины, Берсеневы, Лаврецкіе и даже Обломовы, несмотря на то, что и у нихъ еще очень замѣтенъ разладъ между словомъ и дѣломъ, между тѣмъ, что они проповѣдуютъ и тѣмъ, какъ они поступаютъ? Но они уже любятъ свои

идеи, имъ бы не шутя хотѣлось, чтобы все то, о чемъ они говорятъ, въ самомъ дѣлѣ осуществилось; они стремятся уже не въ карьерѣ, стремятся не просто къ комфорту, не только къ нему одному, но они все-еще баричи, а потому и лѣнивые люди, имъ лѣнь путнымъ образомъ потрудиться для своей идеи,—отсюда и весь разладъ между ихъ словами и ихъ поступками. Типы совершенно другаго рода, типы людей озлобленныхъ, въ родѣ Раскольникова съ одной стороны, Базарова — съ другой, появившіеся у насъ вслѣдъ затѣмъ — конечно все-таки не такіе типы, которые могли бы насъ удовлетворить; это типы переходной поры, но они стоятъ уже значительно выше прежнихъ, потому что мысль у этихъ людей не въ разладѣ съ поступками, что—это люди, въ своемъ родѣ, цѣльные. Своего русскаго Инсарова наша литература намъ еще не выставила: пока она воплотила только въ болгарѣ—этотъ типъ человѣка, который имѣетъ право сказать, что каждый мужикъ, каждый нищій въ его отечествѣ хочетъ того же, чего и онъ. Но сочувствіе къ Инсарову, которое высказывается въ русской дѣвушкѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что запросъ на этого рода типъ уже сказывается въ нашей жизни.

Нашимъ писателямъ, какъ мы замѣчали, болѣе удавались женскіе идеальные типы; женщина стоитъ у нихъ значительно выше мужчины, какъ общественнаго дѣятеля. Но вѣдь это служитъ добрымъ предзнаменованіемъ въ будущемъ и относительно мужской половины нашего общества. То семейно-воспитательное значеніе, которое принадлежало, принадлежитъ и всегда будетъ принадлежать женщинѣ, даетъ надежду, что подъ вліяніемъ ея и въ нашемъ мужскомъ подростающемъ поколѣніи разовьется наконецъ совершенно здоровый типъ *общественнаго дѣятеля*. Пора, пора ему наконецъ явиться на смѣну неумирающему П. И. Чичикову, новѣйшія видоизмѣненія котораго видѣли мы сперва въ Калиновичѣ Писемскаго, потомъ—во всякаго рода «Ташкентцахъ» Щедрина.

Но наша литература подаетъ намъ также добрыя жизненныя надежды, когда обращается къ быту простаго народа. Вовсе не идеализируя его вообще, рисуя, напротивъ того, съ величайшимъ реализмомъ его нужду и его невѣжество, она умѣла намъ показать въ народѣ привлекательный типъ людей, живущихъ не только для личной наживы, но связанныхъ съ другими людьми крѣпкою мірской связью, сознающихъ себя живой частью цѣлаго. Типъ этотъ является у Тургенева, у Л. Толстаго и даже у Рѣшетникова—въ его «Подлиповцахъ». Общее настроеніе нашей литературы относительно народа таково, что мы имѣемъ полное право

указать на ея сочувствіе его нуждамъ, на поэтически выраженное Некрасовымъ ея заключеніе, что

...бѣлый свѣтъ кончается не нами...

что...

...Можно *личнымъ* горе не страдать
И плакать честными слезами...

какъ на самую благородную надпись на знамени, осѣняющемъ нашихъ писателей.

Если мы обратимъ вниманіе на то, велика-ли въ нашей литературѣ талантливость,—то можемъ, я полагаю, сказать, что мы вовсе не обѣднѣли талантами послѣ Гоголя. Многіе изъ нихъ еще живы, нѣкоторые, правда, пишутъ уже мало. Послѣднія произведенія нѣкоторыхъ (наприм. Гончарова, отчасти Тургенева) уже не то, что̀ первыя; нѣкоторые изъ нашихъ писателей, наприм. Достоевскій, выступили на дорогу, вовсе не свойственую особенностямъ ихъ таланта. Л. Толстой довольно давно уже не пишетъ, но слухи носятся о его новомъ большомъ произведеніи; съ другой стороны, его «Война и миръ» вызвала подражателей, къ числу которыхъ принадлежитъ, между прочимъ, и даровитый авторъ романа «Пугачевцы». Некрасовъ сталъ-было обнаруживать нѣкоторое утомленіе, повторяя одни и тѣ же мотивы, но въ «Русскихъ женщинахъ» и въ «Дѣдушкѣ» онъ выказываетъ прежнюю силу, выходя на новую дорогу, и надо только желать, чтобы онъ и далѣе обращался (не встрѣчая преградъ) къ воспроизведенію нашего недавняго прошлаго...

Точно также съ другой стороны нельзя не пожелать Щедрину, чтобы онъ совершенно отказался отъ прошлаго, отъ исторической сатиры, и остался сатирикомъ въ настоящемъ смыслѣ, сатирикомъ современнымъ (также не встрѣчая при этомъ преградъ извѣстнаго рода). На этой почвѣ, смѣло можно сказать, онъ можетъ еще долго блистательно дѣйствовать: въ матеріалѣ недостатка не будетъ, а что силы его до сихъ поръ не ослабѣли, то этому лучшимъ доказательствомъ служатъ его «Благонамѣренныя рѣчи». Нельзя, наконецъ, не замѣтить, что у насъ появляются и таланты новые, о которыхъ я не говорилъ только потому, что времени было мало, съ другой же стороны—время еще не ушло, къ нимъ вѣдь можно вернуться.. когда-нибудь впослѣдствіи. Все, что̀ я могу замѣтить теперь—это стремленіе нашихъ новѣйшихъ писателей (насколько удачно оно—это особый вопросъ) къ воспроизведенію новыхъ типовъ.

Но что же сказать о критикѣ? По временамъ я обращался къ отзывамъ главнѣйшихъ ея представителей послѣ Бѣлинскаго, и при-этомъ намъ часто приходилось замѣчать, что объ одномъ и томъ же критика представляла совершенно противоположныя мнѣнія. Мѣсто, покинутое такъ преждевременно Бѣлинскимъ, было вполнѣ достойнымъ образомъ занято Добролюбовымъ, но его еще болѣе ранняя смерть оставила это мѣсто опять не занятымъ. Писаревъ, при всемъ своемъ дарованіи, не доразвился, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, и опять вслѣдствіе ранней смерти. У насъ появлялись и съ другой стороны замѣчательные таланты, вродѣ Ан. Григорьева или Н. И. Соловьева, таланты, стремившіеся проложить особые пути въ критикѣ,—но имъ опять многія обстоятельства мѣшали вполнѣ развиться, несмотря на то, что они умерли не столь уже молодыми, хотя все-таки преждевременно, не успѣвъ оставить по себѣ болѣе глубокаго слѣда. Въ настоящее время, нельзя не сознаться, у насъ встрѣчаются даровитые люди и на поприщѣ критики, но критика, какъ я позволю себѣ выразиться, потеряла всякую руководящую нить; привычка говорить очень много *по поводу* литературныхъ произведеній, чрезвычайно мало вникая въ *собственную ихъ сущность*, дошла до крайнихъ предѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней развилась нетерпимость, и нетерпимость нерѣдко такого мелкаго свойства, что на нее бы самымъ неблагосклоннымъ образомъ посмотрѣли Бѣлинскій и Добролюбовъ.

Дѣло въ томъ, что нетерпимость эта вытекаетъ очень часто вовсе не изъ *идеи*—въ этомъ смыслѣ она была-бы совершенно понятна и даже почтенна,—а просто изъ взглядовъ кружка, изъ узкихъ интересовъ литературнаго прихода. Щедринъ совершенно правъ, говоря: «ежели литература, даже по вопросамъ самосохраненія, неспособна придти къ единомыслію, а способна только предаваться взаимнымъ заушеніямъ по поводу выѣденнаго яйца, то ея вынужденное измельчаніе равняется измельчанію самопроизвольному». А между тѣмъ, въ виду тѣхъ различнаго рода «ташкентцевъ» на литературномъ и не литературномъ поприщѣ, о которыхъ говоритъ Щедринъ, особенно нужно бы было сойтись всѣмъ вообще честнымъ людямъ. Несмотря на разницу въ отвлеченныхъ воззрѣніяхъ, можно бы было найти извѣстныя точки соприкосновенія, заговорить языкомъ, понятнымъ для людей всѣхъ возрастовъ, разныхъ степеней развитія, разныхъ метафизическихъ точекъ зрѣнія. Долженъ же, наконецъ, быть положенъ предѣлъ той печальной розни, которая такъ давно обезсиливаетъ общественную нашу дѣя-

тельность. Вмѣсто того, чтобы ее поддерживать, литературная критика должна содѣйствовать, по мѣрѣ своихъ средствъ, ея искорененію. Только въ такомъ случаѣ она достигнетъ своей лучшей цѣли—будетъ содѣйствовать развитію у насъ того, что̀ намъ особенно нужно—здоровой общественной силы.

Приложеніе (къ стр. 130-й).

Стихотвореніе Я. П. Полонскаго,

напечатанное въ № 27 „Недѣли“. 1874 г.

Пусть говорятъ, что наша молодежь
Поэзіи не знаетъ,—знать не хочетъ,
И что ее когда нибудь подточитъ
Подъ самый пòдъ корень практическая ложь;
Пусть говорятъ, что это ей пророчитъ
Одинъ безплодный путь къ безславію, что ей
Безъ творчества, какъ ржи безъ теплыхъ, ясныхъ дней,
Не вызрѣть...
Выхожу одинъ я въ чисто поле,
И чувствую—тоска! и дрогну поневолѣ—
Такъ сыро, сиверко!..... И чтò это за рожь!.....
Мѣстами зелена, мѣстами низко клонитъ
Свои колосики къ разрыхленной землѣ,
И точно смята вся; а въ блѣдно-сѣрой мглѣ
Лохмотья тучъ надъ нею вѣтеръ гонитъ...
Когда же наконецъ дождусь я теплыхъ дней!
Поднимется ль опять дождемъ прибитый колосъ!
Иль никогда среди родимыхъ мнѣ полей
Не отзовется мнѣ ретивой жницы голосъ
И не мелькнетъ вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ
Надъ пыльнымъ золотомъ увѣсистыхъ сноповъ!

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.:	СТРОКА:	*Напечатано:*	*Должно быть:*
29	7 (сверху)	Она ничего	Онъ ничего
30	20 »	со всею	со своею
46	13 »	Неточка	Нелли
50	27 »	богатство, чувство, сердце	богатство чувства, сердца
90	1 »	какъ-то еслибы	какъ если бы
102	5 сни зу	усвоенной его	усвоенной ею
109	7 »	Ал. Толстымъ	Л. Н. Толстымъ
100	1 »	какъ долго	такъ долго
112	15 и слѣд.	(сверху) Батька на сынишку Издержалъ послѣдній грошъ...	Батька на сынишку Издержалъ послѣдній грошъ...
		Но и... старая дьячиха Отдала четвертачекъ	Но и ... старая дьячиха Отдала четвертачекъ
121	12 (снизу)	на выставляетъ намъ показъ	выставляетъ намъ на показъ
122	14 и слѣд.	(сверху) Съ насмѣшкой говоритъ о ней: Теперь онъ ужъ начинаетъ проповѣдывать совершенно не то: Тѣшится новой игрушкой дитя; Оба тогда мы болтали пустое	Съ насмѣшкой говоритъ о ней: Тѣшится новой игрушкой дитя! Теперь онъ уже начинаетъ проповѣдывать совершенно не то: Оба тогда мы болтали пустое
124	примѣч. 4 (снизу)	освобожденныхъ крестьянъ	освобожденья крестьянъ.
142	2 (сверху)	въ которой	въ которыхъ
146	5 »	Ихъ тонъ и не	Ихъ тонъ не
147	прим. 7 и 8	Було кались добре жити Нашій Украіно	Було колись добре жити Нашій Украіні
153	11 (съ начала лекціи IX)	кажется, можно	кажется, можетъ
171	20	Да, это вѣдь	Да, но это вѣдь
187	3	въ карьерѣ	къ карьерѣ
188	5	*личнымъ* горе	*личнымъ* горемъ

[Чр]